

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
НА СОБСТВЕННОСТЬ

ТОМАС СКИДМОР

ТОМАС СКИДМОР
ПРАВА
ЧЕЛОВЕКА
НА
СОБСТВЕННОСТЬ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ
НАУЧНОГО
СОЦИАЛИЗМА

*Серия основана
академиком
В. П. ВОЛГИНЫМ
в 1947 г.*

MCMLXXXVIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

ТОМАС СКИДМОР

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
НА
СОБСТВЕННОСТЬ

*Перевод с английского,
комментарии
и вступительная статья*
К. М. АНДЕРСОНА

*Ответственный редактор тома
доктор исторических наук*
И. Н. ОСИНОВСКИЙ

MSMLXXXVIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

ББК 63.3(0)52
С42

Редакционная коллегия
серии «Предшественники научного социализма»:

А. В. АПИКИН, В. И. БУГАНОВ, В. А. ДУНАЕВСКИЙ,
А. Р. ИОАННИСЯН, М. Т. ИОВЧУК, В. Г. КАРАСЕВ,
А. И. КЛИБАПОВ, А. Д. КОСИЧЕВ, Г. С. КУЧЕРЕНКО,
М. И. МИХАЙЛОВ, А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ (председатель),
И. Н. ОСИНОВСКИЙ (ученый секретарь)

Рецензенты:

доктор философских наук Н. И. БОЧКАРЕВ,
доктор исторических наук М. И. МИХАЙЛОВ

С $\frac{0504000000-229}{042(02)-88}$ —88—IV

ББК 63.3(0)52

ISBN 5—02—008994—X

© Издательство
«Наука», 1988

ТОМАС СКИДМОР И ЕГО УТОПИЯ

В 1788 г., выполняя просьбу двух американцев, отправлявшихся в путешествие по Европе, Томас Джефферсон составил перечень предметов, достойных внимания. Он посоветовал не тратить время на изучение английских мануфактур, ибо «Америка не сможет стать промышленной страной, по крайней мере при жизни нынешнего поколения»¹.

Наступил XIX век. Предвидение Джефферсона как будто сбывалось. Многие, и американцы, и европейцы, искренне полагали, что Соединенные Штаты избегнут участи Англии.

Френсис Райт, молодая англичанка, которой суждено было стать одним из вождей американских рабочих, впервые увидела Нью-Йорк в 1818 г. Город, не замутненный фабричной копотью, очаровал ее. Повсюду она видела больший или меньший достаток, а не привычное для Англии сочетание обездоленности и роскоши. Все выглядело идиллически благополучно².

¹ *Jefferson Th. Anthology*. N. Y., 1977. P. 433.

² Свои путевые заметки Ф. Райт издала по возвращении на родину. См.: *Wright F. Viewes of Society and Manners in America*. L., 1820. Подробнее о Ф. Райт см.: *Захарова М. Н.* Оуэн и оуэнисты в США // *История социалистических учений*. М., 1976. С. 184.

Дело, пожалуй, не в том, что Френсис, натуре восторженной, был не свойствен скептицизм. Не так просто было разглядеть трещины, которые испещрили панораму благоденствия Америки.

В «преуспевающем» Нью-Йорке в 1819 г. насчитывалось около 10 тыс. безработных³. Беззастенчивые банковские махинации разорили тысячи ремесленников и фермеров, позволив оборотистым предпринимателям вкладывать деньги в устройство фабрик⁴.

Машинным производством пока еще восхищались. «Эти удивительные механизмы,— заявлял в 1814 г. конгрессмен Тенч Коукс,— работают так, как если бы они были существами одушевленными, они не ведают усталости, не требуют затрат на пищу и ночлег и унаследовали все таланты своих изобретателей»⁵.

В следующее десятилетие восторги поутихли. Правда, если в Англии промышленная революция сокрушала фермерство и ремесленников, то в США наличие свободных земель на Западе смягчало натиск фабричной системы⁶. Здесь промышленный капитализм не порождал повсеместного пауперизма, но развивался не безболезненно.

«Был город богат и многолюден... Но обуяла людей жадность к золоту. Возжелали сердца их

³ *Simons A. M. Social Forces in American History. N. Y., 1918. P. 166.*

⁴ *Ibid. P. 161—162.*

⁵ Цит. по: *Ibid. P. 155.*

⁶ *Chevalier M. Lettres sur l'Amerique du Nord. Bruxelles, 1837. T. 1, 2.*

*Бродвей и Сити-Холл в Нью-Йорке.
А. Л. Клинкоустром, 1819*

почестей суетных, покупаемых золотом. Они простерлись ниц перед богатым торговцем, и ростовщиком, и стяжателем, а труд бедняка не ставился ни во что»⁷. Свою притчу о духовном падении Нью-Йорка, выпущенную в 1829 г., Ф. Райт назвала «Новой Книгой Чисел». От былых восторгов не осталось следа. Конечно, за десять лет Френсис изменилась⁸, но преобра-

⁷ Цит. по: Perkins A. J., Wolfson T. Wright, Free Enquirer. N. Y., 1939. P. 263.

⁸ В 1820-е годы она была членом общин, организованных оуэнистами, а с 1829 г. издавала в Нью-Йорке газету «Фри инкуайер».

зился и Нью-Йорк. Фабрики, порт, канал Эри сделали его коммерческим центром федерации. Он процветал, но превращался в город предпринимателей, в котором все подчинялось наживе⁹. Постыдная страсть к обогащению, по мнению Райт, была одним из признаков нового экономического уклада, утверждавшегося в США.

Не менее заметен был перелом в сознании рабочих. Они теряли веру в легенды о честно добытых состояниях, постигая на практике, что обогащаются, как правило, за чужой счет, причем наживаются именно на их труде, оставляя им в удел бедность. Конечно, в Британии хозяева выжимали из своих работников гораздо больше. Но мысль о том, что кому-то живется хуже, — утешение слабое.

Глухое недовольство низов, разрозненные стачки не очень тревожили правящие классы. Они начали ощущать беспокойство, когда тред-юнионы стали действовать решительнее и сплоченнее. Появление же обществ, именовавшихся «рабочими партиями» или «партиями трудящихся», вызвало страх¹⁰.

Возникновение этих партий, первая из которых была создана в Филадельфии в 1828 г., кажется явлением сугубо американским. В Европе того времени подобных организаций не существовало. И все же они отражали процесс,

⁹ Это отмечали и другие современники. См.: *Tocqueville A. De la democratie en Amerique*. P., 1850. Т. 1. Р. 287.

¹⁰ См.: *Фонер Ф.* История рабочего движения в США. М., 1949. Т. 1; *McMaster J. B.* History of the People of USA. N. Y., 1900. Vol. 5. P. 99.

затропувший и Англию. Почти одновременно рабочее движение обеих стран подошло к тому этапу развития, когда трудящиеся начинают прибегать не только к экономическим, но и к политическим действиям для защиты своих интересов. Именно в конце 1820-х годов английские рабочие становятся главной силой движения за парламентскую реформу. В США, где избирательное право распространялось почти на все белое мужское население, трудящиеся могли прибегнуть к другим методам: в частности, поддерживать на выборах кандидатов, обещавших защищать их интересы, и выдвигать собственных. Таково и было назначение «рабочих партий».

В конце 1820-х — начале 1830-х годов почти в каждом крупном городе Севера США существовала своя «партия трудящихся». Они объединяли не столько фабричных рабочих, сколько ремесленников, мелкую буржуазию, интеллигенцию, т. е. слои, которые наиболее остро ощущали натиск промышленного капитализма¹¹. Неоднородный состав сказывался на программах «партий». Но, несмотря на расплывчатость, а порой и утопичность содержащихся в них требований, они отражали стремление к более справедливому устройству общества.

¹¹ Те же самые социальные группы составляли основу английских рабочих организаций, в частности оуэнистских обществ. См.: *Андерсон К. М.* К вопросу о характере оуэнистских организаций // Из истории социальных движений и общественной мысли. М., 1981. С. 178.

Изменение права наследования, ликвидации банков, обложение налогом церковной собственности, отмена тюремного заключения должников — таковы некоторые из положений избирательной платформы Партии трудящихся Нью-Йорка. Хотя эти лозунги нельзя назвать революционными, тем не менее перспектива их осуществления привела буржуазию в панику. Против «партии трудящихся», которая в ноябре 1829 г. удачно начала борьбу на выборах в Ассамблею штата, были пущены в ход все средства: подкуп избирателей, подтасовка результатов голосования. Газеты демократов и республиканцев, забыв о своих распрах, обрушились на нее. Кампания в печати велась умело. Читателей убеждали, что вожди «партии» прикрываются именем трудящихся, а на самом деле не имеют ничего общего «с наиболее полезным и уважаемым классом граждан — рабочими»¹². Поскольку двое из руководителей партии, Ф. Райт и Р. Д. Оуэн, были по происхождению англичанами, газетчики приписывали появление этой «зловещей» организации поискам коварных иностранцев.

Несмотря на все препоны, «партия трудящихся» собрала внушительное число голосов и провела своего кандидата в Ассамблею штата. Это был ее первый и последний успех. Тактика буржуазных партий, разногласия собственных вождей привели ее к расколу. Через несколько лет она прекратила сущест-

¹² *Meyers G. History of Tammany Hall. N. Y., 1917. P. 83.*

зование так же, как и подобные «партии» в других городах¹³. Первый подъем американского рабочего движения закончился.

За эти годы американские трудящиеся добились многого. Они стали силой, с которой, по мнению современников, буржуазии приходилось считаться¹⁴. Преобразования эпохи «джексонской демократии» были осуществлены в значительной степени благодаря усилиям рабочих¹⁵. Но этим не ограничиваются их достижения. Они обретали более ясное представление о справедливости. Они обретали собственных вождей и теоретиков.

* * *

Наверное, ни об одном из пионеров рабочего движения США не известно так мало и не сказано так много противоречивого, как о Томасе Скидморе.

Он родился 13 августа 1790 г. в Ньютауне, штат Коннектикут. Восемнадцать лет от роду по неясным причинам вынужден был уйти из родительского дома. Переезжал из города в город, нанимаясь учителем в школы, но нигде

¹³ Мы не останавливаемся подробно на истории «рабочих партий», поскольку она неоднократно освещалась в литературе. См.: *Фонер Ф.* Указ. соч. Т. 1. С. 97; *Захарова М. Н.* Оуэн и оуэнисты в США.

¹⁴ *Tocqueville A.* Op. cit. Т. 1. P. 65; *Chevalier M.* Op. cit. Т. 2. P. 171; *La Sagre R.* Cinq mois aux Etats Unis. Bruxelles, 1837. P. 91.

¹⁵ *Simons A. M.* Op. cit. P. 187; *Merriam Ch.* American Political Theories. N. Y., 1926. P. 194.

долго не задерживался по вине решительного и упрямого характера. Позже Скидмор занялся изысканиями в области производства пороха и бумаги, но его открытия присвоили ушлые дельцы. Около 1819 г. он обосновался в Нью-Йорке, работая по одним данным, машинистом, по другим, — механиком на фабрике.

Когда он примкнул к рабочему движению, неизвестно. Но в апреле 1829 г. Скидмор вошел в «Комитет 50-ти», которому поручили выработать платформу «партии трудящихся». В декабре того же года Скидмор и небольшая группа его сторонников порывают с «партией трудящихся» и создают организацию «партия бедняка». Скидмор начинает выпускать газету «Друг равноправия».

Роль Скидмора в рабочем движении оценивается по-разному. Ф. Фонер считает его виновником раскола в «партии трудящихся»¹⁶. Д. Б. Макмастер разделяет мнение современников Скидмора, утверждавших, что его выжила из партии Фрэнсис Райт¹⁷. Некоторые историки полагают, что ни Скидмор, ни Райт не были повинны в расколе, который произошел в результате интриг заправил Тамманихолл¹⁸.

Томас Скидмор умер в 1832 г., причем обстоятельства его смерти столь же неясны, как и история жизни. По мнению одних, он скон-

¹⁶ См.: *Фонер Ф.* Указ. соч. Т. 1. С. 158.

¹⁷ *McMaster J. B.* Op. cit. Vol. 5. P. 105.

¹⁸ *Meyers G.* Op. cit. P. 82; *Perkins A. J., Wolfson T.* Op. cit. P. 288.

чался от холеры, по уверениям других, был отравлен.

Основное сочинение Т. Скидмора носило пространное, в духе эпохи, заглавие — «Права человека на собственность, или Предложение о ее равном распределении среди совершеннолетних лиц нынешнего поколения, а также способ, коим впоследствии можно передавать ее, не нарушая равенства, каждому индивиду, вступающему в совершеннолетие»¹⁹.

При чтении книги складывается впечатление, будто ее писали и издавали в крайней спешке. Стилль небрежен. Скидмор по нескольку раз возвращается к одним и тем же вопросам, порой досказывая то, что упустил раньше. Он как бы импровизирует, не имея времени на то, чтобы остановиться и исправить огрехи.

В конце книги Скидмор поместил обращение к читателям, в котором, принося извинения за опечатки, объясняет их тем, что из-за болезни не сумел вовремя заметить оплошность: в типографию был отослан не беловой текст, а неправленая авторская рукопись²⁰. Скидмор отправил черновик впопыхах, торопясь издать книгу. Как того требовал закон об авторских правах, она была зарегистрирована у чиновника 13 августа 1829 г. Итак, нам известно, когда Скидмор закончил книгу. Но когда он приступил к ней?

¹⁹ *Skidmore Th. The Rights of Man to Property. N. Y., 1829.* Факсимильное переиздание этой книги вышло в Нью-Йорке в 1969 г.

²⁰ *Skidmore Th. Op. cit. P. 406.*

В апреле 1829 г., как мы уже говорили, был образован «Комитет 50-ти», которому поручили подготовить избирательную платформу «партии трудящихся». В скором времени она была написана при самом непосредственном участии Скидмора. Но его взгляды разделяли далеко не все. Между тем в ноябре предстояли выборы, на которые Скидмор возлагал особые надежды. Он представлял, как добиться справедливости для народа. Оставалось доказать свою правоту другим. «Если возобладает убеждение,— пишет он,— что мой план достоин одобрения и принятия, то, к счастью, народ в силах положить его в основу общественного договора при помощи тихого, мирного, но непреодолимого действия избирательных урн»²¹. Скидмору было крайне важно разъяснить смысл своего плана, обосновать его, ответить на возражения, которые он уже встретил и которые могли последовать. Скидмор берется за перо. В книге собственно проект занимает лишь 5 страниц. Остальное — доводы в пользу плана, возможные контраргументы и их опровержение. Таким образом, эта книга, обращенная «прежде всего к гражданам Нью-Йорка», своего рода пояснение к плану социальных преобразований, которые, как полагал автор, могут начаться в ближайшее время, если на выборах им окажут поддержку. Ему нужно было во что бы то ни стало закончить работу до ноября. И потому он спешил.

²¹ *Skidmore Th. Op. cit.* P. 406.

Будь у Скидмора больше времени, он, вероятно, исправил бы погрешности книги. Но, думается, она только проиграла бы от этого. Подправленная, приглаженная, она не передавала бы той атмосферы полемики, борьбы, поисков, в которой рождалась. Скидмор писал книгу, как бы споря со своими противниками, подбирал доводы, доходчивые и понятные простому человеку. Он учитывал умонастроение своих современников. Благодаря этому мы имеем возможность проследить, как они воспринимали мир, что было для них само собой разумеющимся, что требовало доказательств. С этой точки зрения «Права человека на собственность» — бесценный источник по истории общественной мысли США XIX в.

Пожалуй, редкий спор обходится без апелляции к авторитетам. В Британии Роберт Оуэн, а в еще большей степени его ученики, вступая в полемику, ссылались на политэкономию, прежде всего на теорию трудовой стоимости Д. Рикардо. Скидмор к этой науке не прибегает. Для него высшими авторитетами являются Томас Пейн и Томас Джефферсон. Он не скрывает своего преклонения перед Пейном, «отстаивавшим права всех народов с талантом и страстью, никем не превзойденными, судившим о будущем с проницательностью величайшего человека»²². Столь же восторженно он отзывался о Джефферсоне. «Никто более его, — пишет Скидмор, — не заслужил своими воззрениями права почитаться „образцом

²² Ibid. P. 19.

Человека“, олицетворяющего собой наш век»²³.

В словах Скидмора нет ни грана показного уважения. Он воспринял многие их идеи, знал их работы чуть ли не наизусть. В своей книге Скидмор часто цитирует по памяти обороты и целые фразы из сочинений Джефферсона и Пейна. Более того, невольно или сознательно Скидмор подражает стилю Пейна.

Наверное, вопрос о том, что побуждает человека, взывать к авторитету того или иного имени, бессмыслен, ибо на него существует множество ответов. Но все же почему в одном случае обращались к Рикардо, а в другом — к Джефферсону и Пейну?

Промышленная революция и ее последствия были главной темой, занимавшей общественную мысль Англии начала XIX в. Даже людям неискушенным было ясно, что все беды социального характера вызваны стремительными переменами в экономической жизни страны. Философы описывали происходящее, сетовали на падение нравственности, веры, на забвение страждущих. Но сколько-нибудь вразумительное толкование этих процессов могла дать только политэкономия, ставшая для англичан наукой наук. Оуэнисты не были исключением. Политэкономия служила краеугольным камнем их проектов переустройства общества.

Скидмора почти не занимают вопросы машинного производства и его побочных явлений. Он уделяет им буквально пару страниц. Он допускает, что «эти технические усовер-

²³ *Skidmore Th. Op. cit. P. 12.*

шенствования рано или поздно значительно сократят спрос на труд бедняков... в итоге все трудовое население погибнет, так сказать, самоуничтожится, ибо станет бесполезным»²⁴. В словах Скидмора не чувствуется крайней озабоченности. Так говорят о вещах возможных, но пока довольно отвлеченных²⁵.

В каждой стране противоречия развивающегося капитализма имели свои оттенки. Скидмор делит общество на имущих и неимущих. В Англии его уже подразделяли на имущих и нищих. Пауперизм, вызванный применением машин,— явление Скидмору почти неизвестное. Оуэн доказывал, что социальная несправедливость опасна, ибо нация погибнет от поголовной нищеты рабочих, их невежества и порочности. Равенство необходимо для спасения Британии. По Скидмору, несправедливое положение, при котором «огромная часть человечества обречена, подобно рабам, на неустанный труд, а другие рождены для наслаждений»²⁶, должно быть ликвидировано прежде всего потому, что оно противоречит естественному равенству людей, провозглашенному Декларацией независимости.

Не последствия промышленного переворота, а незавершенность американской революции была отправной точкой рассуждений Скидмо-

²⁴ Ibid. P. 385.

²⁵ Стоит напомнить, что в Соединенных Штатах промышленный переворот охватил в основном северо-восток страны.

²⁶ *Skidmore Th. Op. cit.* P. 4.

ра. Он был не одинок в своем убеждении. «Стоящие перед нами задачи,— заявляла Рабочая партия Филадельфии,— священны: они завершают величественный труд революции»²⁷. Рабочие ощущали себя продолжателями дела Джефферсона и Пейна и, естественно, почитали их. Редкий памфлет, обращенный к трудящимся, обходился без упоминания этих мыслителей.

Скидмор ищет в их книгах не только подтверждения своим мыслям. Его мучает вопрос: почему общество, призванное воплощать идеалы свободы и равенства, оказалось на поверку уродливым сооружением? Размышления приводят его к выводу: «Истина состоит в том, что все правления мира начинались с ошибок»²⁸. Где же искать ошибку «отцов-основателей»? Разумеется, в Декларации независимости, заложившей, по мнению Скидмора, фундамент общественного здания Соединенных Штатов.

«Мы считаем самоочевидными следующие истины: все люди сотворены равными; все наделены Создателем определенными неотъемлемыми правами, среди коих — право на жизнь, свободу и стремление к счастью». Скидмору, как большинству американцев, идеи Декларации казались само собой разумеющимися. Для него равенство не предмет, требующий доказательств, а скорее критерий истинного и ложного.

²⁷ Фонер Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 149.

²⁸ Skidmore Th. Op. cit. P. 125.

Каждый имеет право на счастье и свободу, но не всякий может им воспользоваться. Неужели Джефферсон верил, будто нищий столь же счастлив, как и богач? «Разве не каждодневно зрим мы толпы тех,— спрашивает Скидмор,— кто, стремясь к тому самому счастью, которое Джефферсон причислил к неотъемлемым правам человека, вынужден жертвовать свободой, здоровьем, а зачастую и жизнью, дабы получить собственность?»²⁹ Владеющий собственностью владеет свободой и счастьем своих неимущих сограждан. Он, пишет Скидмор, «может накормить меня, а может уморить голодом; может дать мне работу или лишить ее; я его раб, и было бы чудовищной глупостью доказывать иное»³⁰. Страдают не только люди, не имеющие ни гроша. Подобно тому как большие деревья вытесняют маленькие, так и крупный капитал поглощает мелкий. Собственники не только поработили своих соотечественников, но и прибрали к рукам законодательную власть, пользуясь подкупом и посулами.

Скидмору очевидно, что имущественное неравенство сводит на нет равенство политическое. Стало быть, частная собственность — зло? Напротив. «Я люблю собственность, — поясняет Скидмор, — ибо она дает мне дом, где я укрываюсь от летнего зноя и зимней стужи, устилает полы коврами, дает мне зеркала и буфеты...

²⁹ Ibid. P. 59.

³⁰ Ibid. P. 158.

Я люблю собственность за... средства, которые она предоставляет в мое распоряжение, чтобы одарить меня удовольствием, уютом и счастьем»³¹. Собственность — залог счастья и свободы индивида. Джефферсон не учел этого и допустил ошибку. «Я убежден, — заявляет Скидмор, — что естественное право человека на жизнь и свободу не более священно и неотъемлемо, чем его право на собственность»³².

Итак, собственность, по Скидмору, имеет как бы две сущности: здоровую и пагубную. Но где грань, которая отделяет собственность-благо от собственности-зла?

Скидмор определяет ее следующим образом: «Как только владелец собственности употребляет ее на то, чтобы пребывать в праздности, т. е. жить чужим трудом, он нарушает права других и оказывается в положении грабителя, у которого жертвы нападения вправе отнять орудие грабежа»³³. Скидмору ясен вред и отсутствия собственности, и ее излишка. Как он пришел к этому выводу?

«Когда собственность используется как орудие для кражи прав тех, кто ее не имеет, ее применение столь же преступно, как применение оружия ради грабежа»³⁴. Не составляет большого труда увидеть явное сходство фразы Томаса Пейна с только что приведенными словами Скидмора. Обороты речи Скидмор заимст-

³¹ *Skidmore Th.* Op. cit. P. 221—222.

³² *Ibid.* P. 59.

³³ *Ibid.* P. 3—4.

³⁴ *Paine Th.* Dissertation on the First Principles of Government // *Writings*. N. Y., s. a. P. 177.

вовал у Пейна, но сама идея о пагубности чрезмерных богатств была давней и распространенной. Составленный в 1776 г. проект декларации Пенсильвании гласил: «Огромная доля собственности, сосредоточенная у немногих лиц, опасна для прав и разрушительна для общего счастья человечества»³⁵. Подобные высказывания встречаются и в других документах периода американской революции, в произведениях Б. Франклина и Т. Джефферсона. Да и сам Скидмор не приписывал себе авторства этой идеи, напротив, он подчеркивал: «Нет истины, более широко признанной человечеством, нежели та, что огромное богатство в руках немногих всегда вредит благосостоянию государства»³⁶. Общепризнанность этого мнения имела для Скидмора особое значение. В своих выступлениях Оуэн часто противопоставлял современное, не ведающее милосердия общество тому счастливому строю, который он изобрел. Скидмор, по существу, делает то же самое. Он сравнивает возвышенные, верные и никем не оспариваемые идеалы основателей республики с их реальным воплощением, далеким от естественных принципов.

Доводы и рассуждения Скидмора подчас настолько совпадают с изречениями Джефферсона и Пейна, что напоминают пересказ их работ. Но при внимательном прочтении обнаружива-

³⁵ Цит. по: Каримский А. М. Революция 1776 г. и становление американской философии. М., 1976. С. 257.

³⁶ *Skidmore Th. Op. cit.* P. 29.

есть: Скидмор не пересказывает, а перелагает идеи просветителей на иной язык. И Пейн, и Скидмор утверждают, что собственность может служить орудием кражи прав человека. У Пейна речь идет о политических правах, у Скидмора — о собственниках, вымогающих плоды чужого труда. И Джефферсон, и Скидмор видели общественное зло в непомерной собственности, но Скидмор считает равным злом и ее отсутствие. Даже приводя дословно отрывки из сочинений просветителей, Скидмор порой вкладывает в них такой смысл, о котором авторы не помышляли.

В одной из глав Скидмор помещает довольно пространную цитату из «Прав человека» Пейна, поясняя, что самому ему не удалось бы так точно выразить суть дела. Пейн доказывал, что ни одно поколение не имеет права собственности на последующие поколения³⁷. Подобного мнения придерживался и Джефферсон, считавший, что «власть и права могут принадлежать лишь людям, а не вещам, не какой-то материи, лишенной воли»³⁸. Пейн и Джефферсон имели в виду право народа на обновление законов и форм правления. Скидмор же использует высказывание Пейна для обсуждения права наследования, к которому он питал ненависть, так как считал, что оно усиливает неравенство, ибо дети бедняков и богатых вступают в жизнь с неодинаковыми возможностями³⁹. О вреде за-

³⁷ См.: Пейн Т. Избр. соч. М., 1956. С. 176.

³⁸ См.: Каримский А. М. Указ. соч. С. 237.

³⁹ Skidmore Th. Op. cit. P. 228.

вещаний Скидмор пишет с негодованием. Но, доказывая их несовместимость с естественными правами, он ссылается на Джефферсона и Пейна. Он убеждает, что завещания есть не что иное, как вмешательство одного поколения в дела потомков. Он называет нелепыми попытки людей удерживать власть над собственностью и после смерти: «Прах не может быть собственником... Разум — главнейшее условие, предъявляемое владельцу. Нет разума — нет собственника. Бездушное вещество не может владеть веществом»⁴⁰.

На первый взгляд Скидмор старается лишь досказать недомолвленное Джефферсоном и Пейном. Не случайно название его книги отличается от заглавия «Прав человека» Пейна лишь одним словом — «Права человека на собственность». Вполне обдуманно Скидмор взял эпитафией к своей работе отрывок из Декларации независимости, заменив в нем джефферсоновское «стремление к счастью» на «собственность». Скидмор порой переиначивает мысли Джефферсона и Пейна, казалось бы, ненароком, но в действительности преднамеренно. Ибо он не просто продолжает рассуждения просветителей, а настойчиво переводит их в иное русло. Не столько политические институты занимают Скидмора, сколько собственность и ее законы.

Их непригодность не вызывает сомнений. Они противоречат общепризнанным нравственным заповедям, прежде всего запрету обращать

⁴⁰ Ibid. P. 83.

богатство во вред ближнему своему. Закон, рождающий бесправие, по меньшей мере нелеп. Сообразное природе, разуму не может быть несправедливым. Следовательно, заключает Скидмор, «законы собственности не имеют равным счетом ничего общего с естественными принципами»⁴¹. Разве об этом не свидетельствует и пресловутая «неопределенность» закона? В каждой стране существуют свои установления о собственности, отличающиеся от чужеземных как небо от земли. Даже законы одного государства то и дело перекраивались, всякий толкует их на свой лад⁴².

Законы природы вечны, неизменны и непреложны. Если статусы, изобретенные людьми, двусмысленны, изменчивы, стало быть, они далеки от естественных принципов. «Право подобно истине, столь же доступной пониманию каждого, как доказательства Евклида»⁴³. Чем дальше отстоит «гражданский закон» от «естественного права», тем глубже погружается общество в трясину социальных бедствий и нищеты.

Казалось бы, США должны являть собой счастливое исключение, ибо Джефферсон и другие «отцы-основатели», согласно своему пониманию принципов естественного права, поддерживали революцию, а после нее воздвигали политическое здание общества⁴⁴. Тем не менее

⁴¹ *Skidmore Th. Op. cit.* P. 57.

⁴² *Ibid.* P. 31.

⁴³ *Ibid.*

⁴⁴ *Ibid.* P. 58.

и здесь законы далеки от права. Они не обеспечивают равноправия, их то и дело переиначивают. Скидмор ссылается на пример, близкий его согражданам, — реформу избирательной системы штата. До недавнего времени, напоминает Скидмор, в Сенат могли избирать лишь владельцы крупной собственности. Они диктовали свою волю народу. Отмена имущественного ценза лишила их не только былого всеплия, но и части собственности, поскольку налогообложение зависит теперь не от них. «Если правительство, — заключает Скидмор, — вынуждено жертвовать одними правами ради обеспечения других, значит, в системе правления есть осязаемый изъян»⁴⁵. Он не подозревает Джефферсона и Пейпа в преднамеренном отступлении от «естественных принципов». Не злой умысел, а недосмотр вдохновителей революции привел к воцарению социальных пороков. Подобно просветителям, Скидмор верит в незыблемость «природных законов» и человеческий разум, от заблуждений или правоты которого зависит ход истории. Он не оспаривает точки зрения Джефферсона и Пейна, а пытается выявить просчеты в их размышлениях.

«Представим себе», «вообразим» — такими словами в XVIII в. начиналось почти каждое описание «естественного состояния». Вымышленная, воображаемая эпоха, которой, как писал Ж.-Ж. Руссо, «больше нет, которой, может быть, никогда не существовало и которой,

⁴⁵ Ibid. P. 56.

наверное, никогда не будет»⁴⁶, служила своего рода лабораторией, в коей просветители испытывали свои идеи. Единственным прибором являлась логика, критерием — здравый смысл. Этим же инструментарием пользуется и Скидмор. Его рассуждения лишены изящества, порой грубоваты, но обстоятельны.

Желая докопаться до истины, упущенной предшественниками, Скидмор призывает обратиться к истокам истории. Но сей призыв на проверку оказывается воспроизведением задачи, некогда поставленной Пейном. Дано «небольшое число людей, поселившихся в какой-то обособленной части земли, не связанной с остальным миром; эти люди будут представлять собой первых жителей какой-либо страны или мира»⁴⁷. Они намерены учредить для себя правление. Спрашивается: какую систему они выберут? Скидмору, как и Пейну, ответ предельно ясен: они заключат «общественный договор» на принципе равной справедливости. Но дальше Скидмор уличает Пейна в непоследовательности. Тот утверждал, что «общественное соглашение» благотельно и для богатых, и для бедных. Но откуда они появились, недоумевает Скидмор, ведь «первопоселенцы» лишь намереваются создать правление? Собственность — продукт общественного соглашения. Это признает и Пейн. Человек, присвоивший

⁴⁶ Цит. по: *Виннер Ю. Б.* Общественные учения и теории XVIII—XIX вв. Иваново-Вознесенск, 1925. С. 67.

⁴⁷ *Пейн Т.* Здравый смысл // Избр. соч. С. 22.

себе что бы то ни было без согласия остальных, уподобляется грабителю. И неужели, составляя «социальный договор», люди обойдут стороной вопрос о собственности? Скидмор отказывается поверить в подобную нелепость. Возможно, совместное владение показалось бы им самым приемлемым. Но, решив разделить ее, неужто они стали бы собственными руками создавать неравенство, вопреки здравому смыслу добровольно обрекать себя на бедность? Разумеется, нет. «Если бы шел раздел их общей собственности,— утверждает Скидмор,— они провели бы его равно или настолько равно, насколько это было бы им под силу»⁴⁸.

Апелляция к истории у Скидмора есть не что иное, как взывание к здравому смыслу, а точнее, к житейской мудрости. Он не в состоянии представить себе человека, охотно согласившегося прозябать в нищете и угнетении. Ему ясно, что Пейн совершил ошибку, которая обернулась просчетами при возведении здания американского общества. И промах Пейна заключается в том, что, заняв «первопоселенцев» проблемами политического равенства, он забыл поставить перед ними вопросы равенства имущественного.

По мнению Скидмора, грех непоследовательности лежит и на Джефферсоне. Он был совершенно прав, утверждая, что «земли, находящиеся в пределах территории данного народа, принадлежали в некий период истории нации

⁴⁸ *Skidmore Th. Op. cit.* P. 67.

как целому»⁴⁹. Но почему, вопрошает Скидмор, Джефферсон полагал, будто собственность на движимое имущество возникает до установления правлений, а на землю лишь после него? Джефферсон объяснял это тем, что движимое имущество не нуждалось в защите, а земельная собственность требовала охраны. Объяснение, с точки зрения Скидмора, невразумительное, а главное, оправдывающее неравенство. Движимая собственность «первых людей» равна, потому-то, замечает Скидмор, и не было надобности в законах, ее оберегающих. Каждый владел ею на основе «естественного права». Неравный раздел земли потребовал обращения к «гражданским законам», а фактически к насилию и произволу. Джефферсон ошибался, припав возникшее неравенство как должное.

Подвергнув дотошному разбору воззрения Джефферсона и Пейна на «права человека», Скидмор устанавливает их «крайнее несовершенство и двусмысленность»⁵⁰. Два величайших мыслителя не сумели постичь столь важный предмет. Стоит ли говорить, что другим он тем более оказался не по силам? «Из всех вопросов, изучавшихся людьми,— заключает Скидмор,— ни один не занимал столько времени и не подвергал столь суровому испытанию умственные способности человека, как происхождение и природа прав собственности, и, по правде говоря, ни одно из исследований не

⁴⁹ *Skidmore Th. Op. cit. P. 73.*

⁵⁰ *Ibid. P. 58.*

увенчалось столь ничтожным успехом»⁵¹. Виной тому заблуждения, некогда порожденные невежеством и вошедшие в привычку.

На заре человеческой истории планета была малолюдна и правом на собственность никто не интересовался. Со временем род людской умножился, земли стало не хватать. Проблема собственности пачала волновать людей. Но по неразумию своему они пытались выяснить не право собственности, а лишь границы владений каждого индивида⁵². Постепенно в руках немногих скопились огромные наделы, большинство же лишилось и последнего клочка земли. Неимущие вынуждены были поступить в услужение к богатым. Однако, рассуждая о собственности, люди по обыкновению исследовали только ее законные размеры, а не само право на собственность⁵³.

Скидмор не сомневается, что он первый в мире постиг истинную суть права собственности. По его убеждению, устранение ошибочных мнений приведет к устранению социального зла, ибо «то, что началось с заблуждений и несправедливости, несомненно, может быть исправлено, если известно, как совершить это»⁵⁴.

«Три вещи тесно и неразрывно связаны друг с другом,— пишет он,— это собственность, личности и права. Из них созданы и должны создаваться все правления мира»⁵⁵. Прежде-

⁵¹ Ibid. P. 30.

⁵² Ibid. P. 360.

⁵³ Ibid. P. 365.

⁵⁴ Ibid. P. 127.

⁵⁵ Ibid. P. 32.

всего необходимо уразуметь подлинный смысл этих понятий. Личности, формулирует Скидмор, есть «человеческие существа, которых Творец создал и поместил в этот мир для обитания»⁵⁶. Как явствует из этого определения, различия пола или цвета кожи для Скидмора не существенны.

Все люди наделены равными правами. Опровергать сие, в высшей степени бесспорное, мнение осмелится разве что негодяй либо безумец. Знает ли человек о своих правах или не ведает, признает их или отвергает, они не теряют своей силы, не зависят от его воли и желания общества. Я существую, значит, наделен правами. Для Скидмора это первейшая заповедь. Общество, по его мнению, не более чем опекун, призванный охранять сей завет природы. «Как душеприказчик, так и человеческое общество, — указывает Скидмор, — не властно создавать права, ибо они уже созданы, а доверенным лицам не вольно переделывать или хотя бы несколько менять их»⁵⁷.

О свойствах «природных прав» Скидмор говорит как о предметах доселе неизвестных. Он словно запомнил, что в «Принципах правления», которые он неоднократно цитирует, Пейн доказывал, что «права» — не дар, они «принадлежат человеку в силу его существования», а общество — их страж, но не пожалователь⁵⁸. Плагиат? Не совсем. Да, огрехи Пейна

⁵⁶ *Skidmore Ph. Op. cit. P. 32.*

⁵⁷ *Ibid. P. 44.*

⁵⁸ *Paine Th. Op. cit. P. 176.*

Скидмор исправляет, используя слова Пейна, но придавая им иной смысл. «Что такое собственность? — спрашивает он и отвечает: — Весь материальный мир в том виде, в каком он вышел из рук Творца. Что такое право? Право каждого обитателя земного шара наравне с собратьями пользоваться... плодами и продуктами, даруемыми природой»⁵⁹. Итак, оба говорят о правах. Но Пейн о правах политических, а Скидмор о праве каждого человека на равную собственность. Он отыскивает данное «естественное право» — забытое или упущенное просветителями. Ради его торжества он спорит с Джефферсоном и Пейном, находя в их трудах доводы в пользу своей точки зрения. На первый взгляд Скидмор предлагает определение «собственности» и «прав», составленное им самим. Но сравним его со следующими словами Пейна: «Бесспорно то, что земля в своем естественном состоянии... была общей собственностью человеческого рода. В этом состоянии каждый человек рождался бы для обладания собственностью. Вместе со всеми остальными он был бы пожизненным совладельцем почвы и всех ее естественных даров»⁶⁰. Если изменить сослагательное на изъявительное, то слова Т. Пейна будут почти неотличимы от приведенного выше тезиса Скидмора. Но частица «бы» оказывается внушительнее иной пропасти.

Мыслители Просвещения, как и французские, так и американские, признавали: «естественное

⁵⁹ *Skidmore Th. Op. cit. P. 32.*

⁶⁰ Пейн Т. Аграрная справедливость // Избр. соч. С. 381.

состояние» не ведало частной собственности. Они превозносили его как эпоху величайшей добродетели, осуждали крайнее имущественное неравенство. Тем не менее просветители считали имущественное равенство благим и, увы, несбыточным пожеланием, чем-то невозвратно утраченным. Равное распределение собственности неосуществимо, утверждал Джефферсон⁶¹. Все нации переходят от «естественного состояния» к цивилизации, но обратного пути нет, заявлял Пейн⁶².

Скидмор придерживался иного мнения. Принципы, на которых покоилось «естественное состояние», неизменны, они всегда существовали и всегда будут существовать⁶³. Не важно, что много веков человек по своему скудоумию пренебрегал ими. Наконец они извлечены из забвения, и впредь никто не смеет ослушаться их. Объяснений просветителей, так или иначе убеждавших в неизбежности и даже разумности отказа человечества от «природной» общности имущества, Скидмор не приемлет. Ему кажется вопиюще нелогичным сохранение одних «естественных прав» и ликвидация других. «Если бы правительство обладало властью или, точнее, было бы способно утверждать равенство лишь свободы и жизни, но не равенство в собственности, это полностью доказывало бы, что оно неполномочный институт, отъемлющий

⁶¹ См.: Захарова М. Н. Т. Джефферсон и проблема собственности // История социалистических учений. М., 1982. С. 166.

⁶² См.: Пейн Т. Избр. соч. С. 381.

⁶³ Skidmore Th. Op. cit. P. 44.

„неотъемлемые“ права, коими Создатель наделил всех людей», — заключает Скидмор⁶⁴. Возродить «изначальное» имущественное равенство не только возможно, но и необходимо. Идеи, выношенные Просвещением, Скидмор требует превратить в практические выводы.

Приложив «естественноправовой» эталон не к политическим, а к социальным отношениям, уверовав в грядущее возрождение «природных принципов», Скидмор придал иное звучание фразеологии Просвещения. Оправданию или умеренной критике просветителями буржуазных порядков Скидмор противопоставляет вывод об их неприемлемости. Восстановление «природных прав», на котором настаивает Скидмор, равнозначно решительному переустройству существующего строя. Лозунги просветителей, вдохновлявшие американскую революцию, обращались против ее итогов.

Теоретическую основу утопии Скидмора вряд ли можно назвать оригинальной. Большинство утопических проектов XVIII в., как уравнилельских, так и коммунистических, опиралось на интерпретацию идей Просвещения⁶⁵.

Сходство воззрений Скидмора со взглядами утопистов эпохи Просвещения проявляется прежде всего в понимании законов челове-

⁶⁴ Ibid. P. 61—62.

⁶⁵ См.: Волгин В. П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII в. М., 1977; Иоаннисян А. Р. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции. М., 1966; Согрин В. В. Идеиные течения в американской революции XVIII в. М., 1980; Каримский А. М. Указ. соч.

ского общества. Возможно, по широте и образности мысли он уступает У. Годвину, Дешану, Р. Уоллесу и многим другим, но, несомненно, среди них он не выглядел бы чужеродным вкраплением. Однако Скидмор был современником мыслителей, олицетворявших новый этап в развитии социальной утопии. Концепции истории, созданные Фурье, Сен-Симоном и его учениками, резко отличались от просветительских. Роберт Оуэн обогатил утопический социализм политэкономическим анализом социальных отношений. Системы этих утопистов строились не на идеях Просвещения, а на иных теоретических основах, более глубоких, хотя, разумеется, еще не научных. На их фоне программа Скидмора, опирающаяся на умозрительное «естественное состояние», гипотетические «природные права», предстает неким отзвуком прошлого.

Книга Скидмора наводит на размышления о судьбе наследия Джефферсона и Пейна. Бесспорно, оно оказывало немалое влияние на общественную мысль начала XIX в. С их именами связывались и революция, и создание политических институтов. Видимо, поэтому им приписывали и достоинства и пороки современного американского общества. Фабричная система была еще слишком слаба, чтобы разглядеть в ней источник социальных противоречий. В этих условиях критика существующих порядков неизбежно начиналась с обращения к воззрениям тех, кого почитали их творцами, причем никто не оспаривал провозглашенного просветителями равенства людей.

Восстановление «естественных прав», по мысли Скидмора, означает равное распределение собственности. В известной степени его утопия — преемница эгалитаристских лозунгов, выдвинутых обездоленными классами в ходе американской революции⁶⁶. Полустихийный ключ к уравниванию собственности Скидмор преобразует в цельную систему социальных реформ.

Хотя естественноправовая теория вполне допускала вывод о целесообразности обобществления собственности, Скидмор отдает предпочтение эгалитаризму. Как он объяснял свой выбор? «Я считаю, — пишет он, — наилучшей формой труда труд отдельный, индивидуальный, независимый»⁶⁷. Подобные утверждения обычны для эгалитарных утопий. К примеру, У. Годвин настаивал на ограничении, а по возможности и ликвидации всех форм совместного труда⁶⁸. По его мнению, индивидуальный труд освобождает разум от вредных пагубных влияний. Скидмор же руководствуется соображениями бережливости. Чтобы регулировать труд сообщества, верховной власти придется приложить немало усилий: выявить склонности каждого человека, подобрать ему соответствующее занятие, надзирать за ходом работ и распределением. Подобная система, по убеждению

⁶⁶ См.: *Согрин В. В.* Революция XVIII века и оформление эгалитарной мысли в США // История социалистических учений. М., 1984. С. 160.

⁶⁷ *Skidmore Th.* Op. cit. P. 80.

⁶⁸ *Godwin W.* Enquiry Concerning Political Justice. N. Y., 1928. Vol. 2. P. 267.

Скидмора, чересчур хлопотна. Чем обширнее государство, тем больше она будет вызывать неудобств и ненужных затрат. Отдельному человеку виднее, как распорядиться своим трудом с большей выгодой для себя и общества. Рачительность Скидмора или годвиновское «раскрепощение разума» — не просто апология индивидуализма, но и симптом страха мелкого хозяйчика перед утратой своей призрачной независимости. Могущество несметного, всевластного богатства ужасает не меньше, чем отсутствие собственности, которую можно было бы назвать своей и только своей. Торговцу, цепляющемуся за свою мелочную лавку, ремесленнику, дрожащему за свою крохотную мастерскую, фермеру, мечтающему о своем клочке земли, уравнение собственности представляется «золотой серединой» между неограниченным неравенством и общностью имущества.

В эпоху Просвещения слово «собственность» связывалось прежде всего с землей. «Аграрный закон» превращался чуть ли не в символ эгалитаризма. Недруги Скидмора порой обвиняли его в «аграрианизме». Видимо, здесь сказывалась инерция обычая, ибо утопия Скидмора имеет мало общего с планами «черного передела».

Осуществление своего проекта Скидмор считает делом несложным. Преобразования совершатся в три этапа. В ближайшие месяцы, используя выборы в законодательные органы, население может заставить Ассамблею штата Нью-Йорк созвать конвент, коему поручит выработать новую конституцию. Конвент отме-

нит все долги, как внутренние, так и внешние, секвеструет собственность граждан других штатов и государств. При желании любой иностранец, проживший в Нью-Йорке пять лет, получит права гражданина этого штата и примет паравне со всеми участие во «всеобщем равном разделе собственности»⁶⁹.

Второй этап начинается с установления своеобразной экономической самоблокады: на некий срок прерываются все финансовые и деловые связи с внешним миром; по всей территории штата вводится запрет на продажу или передачу собственности. Выбрав благоприятную пору года, дабы ни плохая погода, ни земледельческие заботы не мешали великому начинанию, жители Нью-Йорка оставляют свои повседневные дела. Каждый честно и добросовестно составляет перечень своего движимого и недвижимого имущества, аккуратно раскладывает в своем жилище одежду, утварь, книги, запасы продуктов. В назначенный день по домам, конторам, мастерским рассылаются оценщики, избранные из числа наиболее порядочных граждан штата. Сверяясь с поименным списком жителей Нью-Йорка, они заносят всю предъявленную им собственность в специальный реестр, определяя честно и по совести стоимость каждой вещи. Опись имущества, по подсчетам Скидмора, займет около недели. Вычислив общую сумму собственности, которой располагают обитатели штата, нужно разделить ее на число граждан Нью-Йорка. Таким образом бу-

⁶⁹ *Skidmore Th. Op. cit.* P. 138.

дуг установлены размеры «дивиденда», т. е. стоимость собственности, причитающейся, согласно «естественному праву», каждому индивиду⁷⁰.

Наконец, паступает третий этап — «всеобщая распродажа». В специально отведенных помещениях выставляется для обозрения публики «Реестр собственности», где указано все имущество, которым располагает штат, и обозначена его цена. Человеку надо лишь удостоверить свою личность и назвать предметы, которые он желает приобрести. Остается только уточнить, не превысила ли стоимость покупок суммы «дивиденда», и передать законному и равноправному владельцу то, что он приобрел. Если какая-нибудь вещь приглянется нескольким покупателям, то устраивается аукцион. Обладателем желанного предмета будет тот, кто предложит бóльшую цену. За две-три недели вся собственность, как движимая, так и недвижимая, будет перераспределена поровну между гражданами штата. Все возвращаются к прерванным занятиям. Но власть богатства над бедностью кончилась. Нет больше нищих, готовых ради куска хлеба запродать свои руки и душу имущим. Все равны, и каждый содержит себя собственным трудом⁷¹.

Итак, разделу подлежит не только земля, но и машины, корабли, орудия труда, личные вещи и т. д. Скидмор делает исключение лишь

⁷⁰ *Skidmore Th.*, Op. cit. P. 137.

⁷¹ *Ibid.*

для школьного имущества и наиболее ценных собраний книг.

Нужно не только срубить «древо неравенства», но и выкорчевать его корни, чтобы они не пустили новые побеги. Прежде всего необходимо уничтожить право наследования. Иначе не избежать воскрешения неравенства⁷². К примеру, единственный ребенок получит больше, чем рожденные в многодетной семье, или же удачливый отец сможет передать своим отпрыскам более солидное имущество, чем незадачливые родители. Он придумывает довольно сложный порядок, по которому имущество покойного будет поступать в ведение штата, а затем передаваться лицам, достигавшим совершеннолетия.

«План всеобщего раздела собственности», как именует свою программу Скидмор, покоится на классических основах эгалитаризма: уравнительном перераспределении собственности и ликвидации власти завещаний. Скидмор изобретает своеобразную технику раздела, но в целом его проект несколько видоизмененная копия эгалитаристских программ XVIII в. Самобытность утопии Скидмора обнаруживается не в изложении плапа, а в пояснениях к нему.

Имущественное равенство было главным принципом системы Скидмора. Доказав его правомерность, Скидмор бросает вызов не только устоям существующего строя, но и всему современному укладу жизни. «Коса равенства

⁷² Ibid. P. 232—234.

должна пройти по стране», — заявляет он ⁷³. Вооружаясь великими, извечными «законами природы», Скидмор кропотливо выискивает очаги несправедливости, подлежащие искоренению. Вряд ли он подозревал, что, обнаруживая источник социального зла, он тем самым раскрывает конкретные мотивы, побудившие его взяться за перо. От высоких глобальных проблем человеческого бытия Скидмор постоянно переходит к будничным горестям и заботам.

Редкий утопист не предрекал всемирного торжества своей системы. Каждый из них мнил себя первооткрывателем абсолютной истины, одинаково приемлемой во всех частях света. «Если принципы прав на собственность, изложенные в этой работе, верны, — провозглашает Скидмор, — то они истинны и для одной страны, и для другой».⁷⁴ Он не сомневается, что пройдет время и система равенства завоеует мир. В предвидении этого события Скидмор решает ряд сложных задач: как, например, поступить, если индус пожелает получить свою равную долю собственности во Франции?

Подобные проблемы Скидмор решает впрок, поскольку чувствует, что всемирная победа принципов равенства — дело неблизкого будущего. Но американцам нет надобности ждать, пока просвещение пробудит другие народы. Они могут подать пример, установив первое на свете подлинно справедливое правление ⁷⁵.

⁷³ Ibid. P. 342.

⁷⁴ Ibid. 310.

⁷⁵ Ibid. P. 268.

Иные масштабы преобразований — иные проблемы. В частности, возможно ли ввести имущественное равенство на рабовладельческом Юге?

Скидмор считает это вполне осуществимым и возлагает надежды на свободное неимущее население южных штатов. Его книга раскроет им глаза на нетерпимость положения, при котором один человек владеет несравненно большим числом домов, земельных угодий, рабов, чем другие. Стало быть, южане могут разделить собственность, включив в нее и рабов? Скидмор допускает такой вариант раздела, но это не более, чем временная уступка предрасудкам южан. Любая форма рабства противоречит основным идеям его утопии. Белой бедноте, доказывает Скидмор, следует отрешиться от своих заблуждений, увидеть в негре своего собрата и не только освободить рабов, но и допустить их на равных к разделу собственности. В противном случае свобода ничего не даст неграм. Они либо попадут в новую кабалу, либо взбунтуются, поскольку останутся без средств к существованию. Все бедствия Юга исчезнут, стоит лишь белым убедить себя «не противиться такому простому и легкому способу уничтожения рабства и десятков тысяч сопутствующих ему зол»⁷⁶.

Участь чернокожих американцев не чета хлопотам индуса. Ее не исправить умозрительными конструкциями. Скидмор предлагает радикальное средство: дать неграм свободу, равноправие и собственность. Смелость этого

⁷⁶ Ibid. P, 270.

решения поразительна. Аболиционистского движения еще не существовало. Рабство осуждали, но наносили ему не удары, а скорее пощечины. Вряд ли можно назвать иначе поступок Ф. Райт, выкупившей и переселившей на Гаити несколько десятков рабов. Конечно, Скидмор не настаивает, а скорее советует воспользоваться его способом. В этом совете просматривается здравая мысль: истребить рабство без остатка можно только ликвидировав существующий строй.

Скидмор неплохо разбирается в положении Юга и поэтому догадывается, что с дремучим невежеством и предрассудками южан сразу совладать не удастся. Иное дело — северяне. Они уже в немалой степени испытали благотворное воздействие просвещения, прессы, книгопечатания. «Ясно,— заключает Скидмор,— что по крайней мере свободные штаты могут единодушно и одновременно принять рассматриваемую систему»⁷⁷. Это позволило бы избежать множества неприятностей. Отпала бы необходимость конфисковывать собственность проживающих в Нью-Йорке граждан других штатов, дабы воспрепятствовать ее вывозу и сокрытию от «всеобщего раздела». Если же вопреки здравому смыслу система равенства не встретит единогласного одобрения, то ее могут ввести на худой конец два-три штата.

Даже если штат Нью-Йорк окажется в одиночестве, он может и должен позаботиться о своем благополучии, невзирая на поведение

⁷⁷ *Skidmore Th. Op. cit. P. 271.*

других штатов. Конечно, Нью-Йорк связан обязательствами с остальными членами конфедерации. Но, полагает Скидмор, это не помеха. «Излишне задаваться вопросом, — пишет он, — имеет ли народ каждого суверенного штата право полной юрисдикции в своих внутренних делах, в том числе законно ли его право пересмотра установлений о собственности»⁷⁸.

Всемирный переворот сужается до границ штата Нью-Йорк. Но разве принципы, коим суждено править миром, не воспроизводились в показательных общинах оуэнистов, фалангах последователей Фурье? Эти миниатюрные царства справедливости должны были побудить человечество преобразить весь земной шар, сделав из него гигантскую копию «Новой Гармонии», «Икарии» или штата Нью-Йорк. Подобно тому как Оуэн до мельчайших деталей продумывал схему образцового «поселка единения», Скидмор обдумывает устройство образцового штата.

Изменение политической системы, по мнению Скидмора, неперемное условие достижения справедливости⁷⁹. Реформа конституции — событие важное, но не из ряда воп выходящее. Власть исходит от народа. Он вправе изменять систему правления по своему усмотрению. Скидмор не тратит времени на доказательство этого тезиса. В том не было необходимости. Задолго до него идея «суверенитета народа» была обоснована просветителями, «отцами револю-

⁷⁸ Ibid. P. 231.

⁷⁹ Ibid. P. 5.

ции». Она прочно укоренилась в общественном мнении, став, по свидетельству А. Токвиля, нравственной заповедью⁸⁰. Однако даже самые высокие заповеди не всегда соблюдаются. Скидмор ощущает разницу между словом и делом, пытается сгладить ее.

Существующее законодательство изобилует несуразностями. К примеру, Ассамблея штата состоит из двух палат. Зачем, недоумевает Скидмор? «Две законодательные палаты, каждая из которых обладает правом вето в отношении другой, являют собой поразительный феномен». Это столь же нелепо, продолжает он, как, скажем, назначение в одну и ту же страну двух послов. Если они будут действовать вразнобой, их миссия провалится. Не лучше ли уничтожить сенат, ибо палата представителей с успехом справится с законодательными задачами и без него? Вероятно, изложенная Пейном теория «чистой демократии», отдававшая предпочтение однопалатным легислатурам⁸¹, не осталась незамеченной Скидмором. Но, пожалуй, для него, как и для многих рабочих, сенат был прежде всего органом имущего меньшинства, ненавистным воплощением олигархии.

Сенат — не единственный и не главный порок существующей политической системы. Скидмору претит, когда именем народа прикрывают несправедливость. «Есть вечное и неру-

⁸⁰ *Tocqueville A. Op. cit. Т. 1. Р. 65—66.*

⁸¹ См.: *Согрин В. В. Идейные течения в американской революции XVIII в. С. 184.*

шимое право,— указывает он,— одно для всех: „все люди сотворены равными“— и ни одно правительство... не властно, так сказать, пересотворять людей»⁸². Но что происходит на самом деле? Равного права на собственность лишены все, более того, вопреки священным принципам Декларации независимости, политическое неравенство остается уделом огромного числа людей: негров, индейцев, женщин. Избирательное право должно быть предоставлено всем, кто до сих пор был лишен его, заключает Скидмор.

В то же время политическая программа Скидмора созвучна требованиям, выдвигавшимся рабочим движением. Так, в 1831 г. «Рабочая партия» Ньюкасла (штат Делавэр) высказалась за предоставление избирательных прав женщинам⁸³. Идея последовательного равноправия медленно, но необратимо утверждалась в сознании трудящихся. Если философия Просвещения была разумом утопии Скидмора, то помыслы и чаяния рабочих были ее душой.

В начале XIX в. в народных низах пробуждается удивительная по силе тяга к просвещению. В знаниях видели не столько путь к самосовершенствованию, сколько оружие. Невежественный человек — легкая добыча образованных проходимцев. И в США, и в Англии трудящиеся искренне верили, что, приобретая нужные познания, они добьются независимости от «просвещенных классов», т. е. от своих

⁸² *Skidmore Th. Op. cit.* P. 158.

⁸³ См.: *Фонер Ф.* Указ. соч. Т. 1. С. 149.

хозяев⁸⁴. «Мы считаем, что после свободы и жизни образование является величайшим благом, дарованным человечеству», — говорилось в платформе Партии трудящихся Нью-Йорка⁸⁵. Подобные резолюции принимали и другие «рабочие партии» США⁸⁶.

Для Скидмора знание и незнание равнозначны добру и злу. Именно невежество препятствует торжеству «естественных прав». Подобно философам XVIII в., Скидмор видит в просвещении путь к разумному строю. Подобно своим товарищам по партии, он считает неграмотность источником неравенства и угнетения. С любой из этих точек зрения современная система образования никуда не годна.

Скидмор убежден, что бессмысленно устанавливать имущественное и политическое равенство, не подкрепив его равенством знаний. «Когда установится равенство в имущественном положении и знаниях, никто не сможет накопить состояние, намного превышающее достаток остальных», — доказывает он⁸⁷. Общество возьмет на себя расходы, связанные с воспитанием и образованием детей. Каждый получит равные познания и навыки, дабы вступить в жизнь на равных условиях с остальными.

Хотя Скидмор утверждает, что равенство должно соблюдаться во всем, он не пытается

⁸⁴ См.: Андерсон К. М. «Земной рай» доктора Уильяма Кипга // История социалистических учений. М., 1982.

⁸⁵ *Simons A. M.* Op. cit. P. 185.

⁸⁶ См.: Фонер Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 143—167.

⁸⁷ *Skidmore Th.* Op. cit. P. 153.

измерить его в рубашках или башмаках, считающихся каждому индивиду. Ему чужды аскетизм и мелочная уравниловка утопий предшествующего века. Он ратует за свободное наслаждение всеми благами и радостями жизни, но только добытыми честно и собственными усилиями. «Каждый человек,— уверяет Скидмор,— сможет полностью воспользоваться плодами своего трудолюбия, знаний, талантов и бережливости»⁸⁸. Равенство, по Скидмору, состоит не в высчитанных и пунктуально соблюдаемых всеми бытовых предписаниях, а в равных возможностях.

Но разве все смогут воспользоваться ими в одинаковой мере? Скидмор допускает, что кто-то неминуемо окажется искуснее, рачительнее или усерднее других. Различий в достатке не избежать, главное — не дать им перерасти в злокачественное неравенство. Скидмор находит своеобразный предохранитель от чрезмерного обогащения — «честную конкуренцию».

В обществе, состоящем из людей, обладающих равными правами, знаниями и собственностью, конкуренция, по мнению Скидмора, играет в высшей степени положительную роль. Она стимулирует трудолюбие, способствует «производству товаров по самым низким ценам». Но главное — человек, зная, что у него есть множество равных соперников по ремеслу, «не сможет взвинчивать цены и тем самым обогащаться за счет ближних»⁸⁹.

⁸⁸ Ibid. P. 152.

⁸⁹ Ibid. P. 147.

Принцип «честной конкуренции» потребует уничтожения некоторых явлений, узаконенных существующим строем. А именно, заявляет Скидмор, «будет правильно и верно отменить привилегии всех видов, предать их могиле, из которой нет воскрешения»⁹⁰. Предположим, объясняет он, что портной, получив за свою работу справедливую плату, подстерегает клиента и, угрожая пистолетом, требует надбавки. Разве его не обвинят в грабеже? А между тем, замечает Скидмор, компании, обладающие коммерческими привилегиями, ведут себя точно так же. При помощи хартий они вынуждают платить за товар или услуги больше, чем позволяет равная конкуренция. По убеждению Скидмора, наиболее омерзительным вымогательством занимаются банки. «Они извлекают прибыль из того, что в действительности не является деньгами», — утверждает он⁹¹. Выпуская в обращение обязательства, не обеспеченные драгоценными металлами, банки попросту надувают народ. А вдобавок порождают политическую коррупцию. «Ради достижения своих целей, — пишет Скидмор, — они ухитряются целиком или отчасти завладеть верховной властью, и в этом им способствуют законодатели, почти всегда подкупленные ими»⁹². Ему кажется очевидным, что банки не более чем хитроумные орудия наживы, изобретенные мошенниками.

Итак, монополии подлежат отмене, ибо они

⁹⁰ *Skidmore Th. Op. cit.* P. 151.

⁹¹ *Ibid.* P. 181.

⁹² *Ibid.* P. 166.

несовместимы с принципом «честной конкуренции», регулирующим равенство. Почти философский принцип обнаружен Скидмором не умозрительно. Хартии следует уничтожить, потому что они навредят в будущем, по главным образом поскольку они уже причинили достаточно вреда. Доходы банков — это прямые убытки народа. Взвинченные цены, обесценивающиеся бумажки, именуемые «банкнотами», подкупленные законодатели, ложные банкротства — за одни только эти преступления монополии заслуживают истребления.

Когда Скидмор говорит о монополиях и банках, его слог утрачивает всякую степенность. Каждое слово пышет ненавистью. Банки, эти провозвестники промышленного капитализма, пользовались дурной славой у современников Скидмора. К их уничтожению призывали почти все «рабочие партии», в том числе и Партия трудящихся Нью-Йорка⁹³. «Банки образуют монополию, враждебную равным правам американских торговцев, промышленников, мастеровых и рабочих», — гласила ее резолюция, принятая в декабре 1829 г.⁹⁴

Провозглашенный Скидмором принцип «честной конкуренции», по сути дела, иное обличье лозунгов рабочего движения. Мечты Скидмора о справедливом строе будущего накрепко привязаны к дню сегодняшнему. Он грезит о всемирном перевороте, но занимается бедами Нью-Йорка, жителям которого уже сейчас пуж-

⁹³ *Simons A. M. Op. cit. P. 184.*

⁹⁴ *Ibid. P. 185.*

ны равноправие, реформа образования, отмена банков. Действительность обуздывает фантазию. Ему по душе труд отдельный, но как примирить его с машинным производством?

В утопиях XVIII в. проповедь аскетизма соседствовала с осуждением мануфактур. Скидмор тоже усматривает в фабриках один из источников социальных бедствий. Однако он не считает паровой двигатель и станки губительными повешествами. Дело не в технике, полагает Скидмор, а в том, что выгоду от нее получают не рабочие, а хозяева, владеющие машинами. Но, как только труженики станут собственниками фабрик, они «будут видеть в них не проклятие, а благословение»⁹⁵. Вывод ясен: несправедливый общественный строй обращает технический прогресс против народа.

Видимо, не случайно имя Оуэна упоминается в книге Скидмора именно на тех страницах, где речь идет о машинном производстве. Вероятно, знакомство с работами Оуэна не прошло для Скидмора бесследно. Он отвергает общность имущества, проповедуемую оуэнистами, но соглашается с их представлением о роли машин. Конечно, было бы ошибкой утверждать, будто, прочтя сочинения Оуэна, Скидмор прозрел. Оуэнизм лишь помог ему объяснить то, что он видел собственными глазами: машинное производство приобретало такие размеры, когда о его ликвидации нечего было и думать. Но обратить его на благо всего общества необходимо.

⁹⁵ *Skidmore Th. Op. cit. P. 384.*

Ради этого Скидмору приходится поступиться своими взглядами и признать неизбежность совместного труда. Фабрики, мастерские, корабли и т. д. могут стать коллективной собственностью тех, кто на них работает⁹⁶. И хотя Скидмор строго регламентирует и даже ограничивает деятельность производственных ассоциаций, тем не менее отступление от канонов эгалитаризма очевидно. Признав потенциальную пользу машинного производства, он узаконивает совместный труд и, как следствие, совместное владение собственностью. Индивидуализм, аскетический дух уравнилельных утопий отступали под натиском промышленного переворота.

Хотя экономика мало интересует Скидмора, он не может избежать связанных с ней проблем. Он пылко отстаивает «честную конкуренцию», но столь же рьяно обрушивается на «свободу торговли» между странами. Он считает ее настолько вредной, что даже предлагает уничтожить торговый флот⁹⁷. Свою на первый взгляд непоследовательность Скидмор объясняет смыслом «общественного договора». Если люди делят поровну общую собственность, замечает он, то тем самым они соглашаются на разделение труда. Один берется изготавливать шляпы при условии, что кто-то другой будет тагать сапоги, а третий — печь хлеб и т. д. В противном случае каждому пришлось бы обеспечивать себя всем необходимым, а это

⁹⁶ Ibid. P. 151.

⁹⁷ Ibid. P. 277, 282.

чревато бессмысленными затратами. «В том и состоит соглашение,— пишет Скидмор,— которое требует, чтобы каждый использовал свои способности и возможности ради блага остальных»⁹⁸. Поэтому человек, отказывающийся покупать вещи, сработанные его согражданами, и предпочитающий иностранные товары, попирает «социальный контракт».

В вопросе о международной торговле Скидмор и Оуэн стоят на противоположных позициях. Оуэн утверждал, что беспрепятственный обмен товарами идет на пользу всем нациям⁹⁹. Скидмор, напротив, считает, что свобода торговли выгодна далеко не всем народам. Страны, располагающие более благоприятными условиями и ресурсами, могут заполнить рынки других государств крайне дешевыми товарами и тем самым нанести непоправимый ущерб их промышленности.

Расхождения во взглядах на «свободу торговли» между Оуэном и Скидмором обусловлены не тем, что первый отстаивал утопический коммунизм, а второй — эгалитаризм. В данном случае сказалась национальная принадлежность. Англичанину Оуэну, родина которого была наиболее промышленно развитой страной, ограничения торговли казались нелепостью, способной разве что вызвать застой в производстве. Именно экономическое могущество Англии пугало Скидмора и его соотечественни-

⁹⁸ *Skidmore Th. Op. cit. P. 154.*

⁹⁹ См.: Оуэн Р. Избр. соч.: В 2 т. М., 1950. Т. 1. С. 353.

ков. Британия была неравным соперником для неокрепшей промышленности США. Протекционизма требовала буржуазия северных штатов. Только в 1816—1817 гг. в конгресс США было подано 40 меморандумов в защиту протекционистских тарифов¹⁰⁰. Запретительные пошлины поддерживали и рабочие Севера, поскольку они сулили им большую занятость. Скидмор тоже считает, что деньги, уплывающие в Британию, следовало бы вложить в собственную промышленность и тем самым дать работу многим американцам. При новом, справедливом строе будет иметь силу закона правило: «промыслы и занятия граждан должны быть гарантированы от иностранной конкуренции, в противном случае государство должно возмещать ущерб»¹⁰¹.

Итак, «свобода торговли» противоречит «общественному договору», поскольку она противоречит интересам американских трудящихся. Архаичный язык Просвещения и живой язык борьбы рабочих образуют лексику книги Скидмора. Объяснив, почему труженики желают протекционизма, ликвидации банков и пр., он доказывает совпадение их желаний с великими «естественными принципами». Идеи просветителей и опыт рабочего движения легли в основу предложенного Скидмором способа осуществления социальных преобразований.

¹⁰⁰ *Coman K.* Industrial History of USA. N. Y., 1910. P. 170.

¹⁰¹ *Skidmore Th.* Op. cit. P. 144.

Подобно просветителям, Скидмор уповает на силу истины и разума. Пока люди не знают, в чем заключаются их «естественные права», они не стремятся к обладанию ими. Общественное мнение задавлено ошибочными представлениями¹⁰². Несчастья, нищета, лишения приписывают невезению, злой судьбе. Однако образование и книгопечатание подготовили людей к восприятию истины. В печатном станке, размножившем его сочинение, Скидмору видится орудие переворота. «Как только человечество поймет, что права одного индивида на собственность равны правам другого, я ручаюсь — нынешнее состояние вещей не продержится и часа», — уверенно провозглашает Скидмор¹⁰³.

Однако его уверенность отчасти напускная. Скидмор полностью отдает себе отчет в том, что богатые вряд ли с восторгом встретят реформу. «Хотя они, быть может, и вынуждены будут узреть несправедливость законов, на основании которых они владеют собственностью, — признает он, — все же многие из них будут противиться силе этого убеждения, проникшего в их разум»¹⁰⁴. Но, продолжает Скидмор, народ штата имеет в своих руках средство совершить задуманные мероприятия вопреки воле имущих. «В нашем штате, — указывает он, — почти все совершеннолетние обладают правом голоса. Как только они научатся пользоваться им, они сумеют наделить себя един-

¹⁰² *Skidmore Th. Op. cit.* P. 299.

¹⁰³ *Ibid.* P. 316.

¹⁰⁴ *Ibid.* P. 299.

ственным правом, которого до сих пор не имели,— правом на собственность»¹⁰⁵. Конечно, кое-кто из богачей попытается скрыть собственность или вывезти имущество в другие штаты.

Мысль о том, что избирательное право можно использовать в интересах рабочих, давно не была досужей догадкой. Еще до появления книги Скидмора она обрела вполне зримое воплощение в «рабочих партиях» США. Да и сам Скидмор полагал, что в поябре 1829 г. урны для голосования станут рычагом, посредством которого народ Нью-Йорка опрокинет существующий строй.

В сравнении с блистательными, дерзновенными учениями великих социалистов-утопистов начала XIX в. система Скидмора выглядит прозаичной и будничной. Он не ошеломляет повизной мысли, не пробивает дорогу в неизведанное. Контуры его плана вычерчены резолюциями тред-юнионов, платформами «рабочих партий». Философия Просвещения позволила Скидмору преобразовать эти наброски в цельную утопическую теорию. Видимо, рабочее движение США конца 1820-х годов крайне нуждалось в обосновании целей и средств борьбы. Сражение на ощупь, вслепую грозило поражением. Вера в свою правоту не могла заменить знаний. Не случайно именно в те годы социальные утопии стали заметным явлением в общественной мысли США.

¹⁰⁵ Ibid. P. 316.

Один американский историк весьма метко назвал программы «рабочих партий» «новой Декларацией независимости»¹⁰⁶. Казалось бы, Скидмор, отстаивавший ее принципы, должен был обрести немало сторонников. Однако его план особого успеха не имел. Отношения Скидмора с товарищами по партии обострились настолько, что он и его немногочисленные последователи вышли из этой организации. Мы не беремся судить, что послужило причиной раскола — личные распри, интриги буржуазных партий или чрезмерный радикализм Скидмора¹⁰⁷. Но все же мы вправе предположить, что разногласия Скидмора с Ф. Райт и Р. Д. Оуэном свидетельствуют о сложности и противоречивости процесса становления рабочего движения и его теории. Не размеренное и плавное углубление знаний, а борьба, поиски, сочетание ранее несовместимых идей, уступки чужому мнению, отчетливые проявления запросов эпохи — таким был ход развития как социалистической, так и эгалитарной утопии.

Сами утопические системы несут на себе отпечаток перипетий этого процесса. Так, в утопии Скидмора неразрывно сплелись запросы современного рабочего движения и философия, унаследованная от просветителей. Нетрудно определить принадлежность произведения Скидмора к уравнилельным проектам, а при желании можно даже изобразить его автора

¹⁰⁶ *Simons A. M. Op. cit. P. 186.*

¹⁰⁷ См.: *Ефимов А. В. Очерки истории США. М., 1958. С. 233.*

«горячим сторонником превращения рабочих в земельных собственников»¹⁰⁸. Но не будет ли это чрезмерным упрощением? Несомненно, Скидмор — преемник эгалитаристских традиций Просвещения и американской революции. Но все же эти традиции исподволь рушатся. Утопия Скидмора избавлена от бремени аскетизма и примитивного понимания равенства. Он начинает ощущать узость рамок естественноправовой теории. Она не объясняет новых явлений в экономике. И Скидмор обращается за разъяснениями к оуэпизму. Он признает неизбежность совместного труда и коллективной собственности. Конечно, это едва различимые, новые черты в эгалитаристской, просветительской утопии Скидмора, но в них просматриваются отсветы иного учения — утопического социализма.

В сочетании отживающего и нарождающегося, в почти фотографическом отражении современных проблем — своеобразие сочинения Скидмора. Его вряд ли можно назвать выдающимся произведением, но оно достойно внимания как одна из вех на трудном, извилистом пути постижения законов социальной справедливости.

К. М. Андерсон

¹⁰⁸ Там же; см. также: *Фонер Ф.* Указ. соч. Т. 1. С. 154.

THE
RIGHTS OF MAN
TO PROPERTY :

BEING A PROPOSITION
TO MAKE IT EQUAL AMONG THE ADULTS
OF THE
PRESENT GENERATION :

AND TO PROVIDE FOR ITS EQUAL TRANSMISSION TO EVERY
INDIVIDUAL OF EACH SUCCEEDING GENERATION, ON
ARRIVING AT THE AGE OF MATURITY.

ADDRESSED TO THE
CITIZENS OF THE STATE OF NEW-YORK, PARTICULARLY, AND TO
the people of other States and Nations, generally.

"I hold these truths to be self-evident; that all men are created equal; that they are endowed, by their Creator, with certain unalienable rights, and that among these are life, liberty and property — Altered from Mr. Jefferson's Declaration of American Independence.

BY THOMAS SKIDMORE.

New-York :

PRINTED FOR THE AUTHOR BY ALEXANDER MING, ✕
106 Beckman street.

1829.

*Титульный лист первого издания книги Т. Скидмора
«Права человека на собственность»*

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА СОБСТВЕННОСТЬ,

*или Как уравнивать владение ею
среди всех взрослых лиц
нынешнего поколения,
а также способ, коим впоследствии
можно передавать ее каждому человеку,
достигающему совершеннолетия,
не нарушая равенства;
предназначается гражданам
штата Нью-Йорк
а также народам других штатов и наций.*

СОЧИНЕНИЕ ТОМАСА СКИДМОРА

«Мы считаем самоочевидными следующие истины: все люди сотворены равными; все наделены Создателем определенными равными и неотъемлемыми правами, среди коих — право на жизнь, свободу и собственность», — перефразировано из Декларации американской независимости г-на Джефферсона¹.

НЬЮ-ЙОРК,

1829

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всякий мыслящий человек замечал, что во все времена обладание чрезмерным богатством позволяло жить за счет чужого труда. Но нет истины, признаваемой повсеместно столь единодушно, как сия: созданное *личными* усилиями индивида является его бесспорным неотъемлемым достоянием.

Можно с полным основанием утверждать, что непомерное богатство есть орудие, используемое для вымогательства чужой собственности в виде личных способностей и физических усилий. Следовательно, его надлежит отнять так, как выбирают кинжал или пистолет из рук грабителя, стремящегося завладеть чужим добром.

Необходимо твердо осознать: пока собственность не равна, вернее, столь чудовищно не равна, как сейчас, ее владельцы *будут* жить за счет чужого труда, не прилагая никаких усилий, чтобы самим содержать себя. Но *справедливость* не дает им права даже на единый час праздности.

Настаивать на обратном — значит поддерживать нелепый вымысел, нетерпимый более в просвещенных странах: будто сообразно праву огромная часть человечества обречена, подоб-

по рабам, на неустанный труд, а другие рождены для наслаждений.

Я отвергаю подобные доктрины. Даже если вся собственность находится ныне в руках бесспорных и законных владельцев, я убежден — они не имеют права присваивать с ее помощью плоды чужого труда, избавляя себя от необходимости работать наравне с остальными, ради получения равного количества благ. Если владелец собственности использует ее (пусть даже с дозволения закона или системы законов), чтобы полностью или отчасти обеспечить себе праздное существование, т. е. вознамерится жить чужим трудом, он посягнет на права других и уподобится разбойнику, у которого жертвы нападения вправе отнять оружие грабежа.

Сочинение, которое я предлагаю вниманию моих сограждан и остальных народов, не ограничивается защитой этих принципов. Оно не только доказывает, что люди не имеют права на так называемую «собственность», если с ее помощью обращают собратьев в невольников, чьим трудом обеспечивают свои пужды. Я стремился к большему: я желал показать, что все существующие системы законов о собственности не дают ни единому человеку истинного и честного права на его имущество, ибо законы зиждятся на преступной несправедливости, чинимой всеми правительствами с времен незапамятных и до нынешнего дня. Если я сумею это доказать, то мое требование неоспоримо: *каждый человек обязан жить своим трудом, а не трудом других*. Если

мне удастся убедить, что нынешние обладатели чрезмерной собственности (я имею в виду *прежде всего их*) не имеют на нее должного права, если каждый твердо осознает, что пока собственность чудовищно неравна, трудящиеся всех стран никогда не станут полновластными хозяевами своего труда, тогда, несомненно, сказанного мною будет достаточно, чтобы подвигнуть моих сограждан на разрушение здания современного общества и побудить их возвести новое, для коего я предусмотрел такой образ правления, который вынудит каждого либо выполнять равный труд за равное вознаграждение, либо полностью лишит вознаграждения. Об этом, однако, пусть судит читатель.

Мне не пристало говорить о достоинствах моей работы. Я знаю, она далека от совершенства. Полагаю, сотни и тысячи людей, охваченных теми же чувствами, что и я, смогли бы выразить их более успешно. Но если здание гражданского общества, начертанное мною на этих страницах, найдет друзей и защитников, то, я уверен, каждый познавший нужду отдаст должное его принципам. С этими замечаниями я отдаю себя на суд беспристрастного общества и радостно приму то предназначение, которое оно уготовит моим трудам, единственной целью коих было увеличение благосостояния народа, в чем заинтересован и я сам, как один из его числа.

Глава 1

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА СОБСТВЕННОСТЬ И Т. Д.

Я берусь за дело, которое, как говорил Руссо² в своей «Исповеди», не имеет примера, а завершение коего, возможно, не найдет одобрения. Но как бы то ни было чистота побуждений, сознание того, что труд мой заложит непоколебимую основу счастья моих собратьев, ободряют и вдохновляют на его окончание. Прочтя книгу, читатели решат, не преувеличены ли надежды, возлагаемые мною на предложенные способы установления всеобщего благополучия.

Тот же писатель однажды заметил, что излагает свои соображения законодателям, *поскольку* сам не принадлежит к их числу. Иначе, продолжал Руссо, он не докучал бы миру своими суждениями³, а безотлагательно воплотил бы их в жизнь. В наш век, тем паче в стране, каждый гражданин которой — законодатель⁴, никому не возбраняется выступить на этом поприще, особенно если человек надеется принести пользу соотечественникам.

В нашей стране мы все законодатели. Однако никто из нас не обладает властью вводить законы вопреки воле своих сограждан. Законодательный акт может быть окончательно принят лишь с согласия большинства. В на-

шем обществе законодателей каждый находится в положении, подобном положению членов Ассамблей штатов⁵. Любой из нас имеет право высказывать собственное мнение, вносить предложения, подкрепляя их, по своему усмотрению, любыми доводами и разъяснениями. Я убежден, что именно такое положение занимаю и я среди моих сограждан штата Нью-Йорк. Оно дает мне право вынести на их суд проект полного изменения политической системы штата и создания новой, в корне отличной от всех доныне известных.

План можно осуществить лишь после того, как его тщательно и вдумчиво изучит *каждый* гражданин или по крайней мере подавляющее большинство. Судьба плана во многом зависит от искусства книгопечатания. К счастью, оно достигло большого совершенства. Книга будет продаваться по *цене*, доступной всем, кого занимает обсуждаемый предмет. В дальнейшем станет видно, что он непосредственно *касается* всех жителей штата, как именитейших, так и самых неродовитых.

От умеренной цены книги нет проку, если ее некому прочесть. Во Франции, население которой почитают образованнейшим в Европе, неграмотны 17 миллионов из 30. К счастью, у нас дело обстоит иначе. В штате Нью-Йорк, как и в большинстве штатов, я полагаю, едва ли один человек из двадцати не способен читать, полностью понимая смысл написанного. Следовательно, каждый, кто опубликует свои предложения, изложив их ясно и четко, может рассчитывать на доброжелательное отношение

американского общества. Если же внимательное изучение принципов плана убедит в том, что они помогут обществу обрести свои права, *проект будет полностью осуществлен*, хотя бы это и повлекло за собой большие изменения гражданских законов⁶, нежели происходили в других странах, даже в наш век революций.

Не было еще порядка вещей, при котором не возникало и не процветало беззаконие. Люди, гревшие на нем руки, неизменно противились уничтожению зла, служившего источником их наживы. Враждебные ко всякой перемене, грозящей лишить их несправедного хлеба, они постоянно твердили о неизбежности зла. Дескать, искоренить его невозможно, а посему лучше безропотно смириться. Им слишком часто сопутствовала удача. Во все века находились друзья чистых и добродетельных принципов. Но нередко они не отваживались противостоять потоку продажности, опасаясь, что не сумеют сплотить достаточное число единомышленников. Они впадали в отчаяние, а триумф выпадал на долю врагов благодатных для общества принципов.

Подобное положение вещей обречено на скорую гибель. *Печатный станок*, грамотность и просвещение всего населения штата или государства вкупе с *всеобщим избирательным правом* никому не позволят пренебрегать или затягивать исполнение желаний множества людей. Пусть отныне писатель выдвигает идеи, благодетельные для большей части общества, и не отыщется силы, способной преградить им путь. И меньшинство и большинство не смо-

гут вышутить ни себе, ни другим, будто власть предержащим (к тому же *сознающим* свое положение) позволено не считаться с интересами большинства. Завзятые противники реформ или революции могут лишь помешать изучению плана, дабы тот, кто жаждет покончить с беззакониями и ложными принципами правления, как можно дольше не понимал сути предложенных изменений. Но все препоны, чинимые плану, рухнут в недалеком будущем. Поручкой тому — просвещенность граждан Американской конфедерации⁷, в особенности той ее части, где почти все население составляют свободные белые люди.

«Мы считаем самоочевидными следующие истины: все люди сотворены равными; все наделены Создателем определенными равными и неотъемлемыми правами, среди коих — право на жизнь, свободу и стремление к счастью»⁸. Кто не думал, что человечество обязано не только *признать* эти принципы, но и руководствоваться ими? Что они не нуждаются в наших умствованиях, а должны находить естественный отклик в каждом сердце? Но сколь мала часть человечества, подготовленная к их восприятию! Где, помимо обеих Америк, встретишь хотя бы *предположение*, что «все люди сотворены равными»? Нужно ли пространно доказывать, сколь важны для революций в физическом, нравственном и гражданском положении человека сила Прессы и могущество нашего разума, если после всех событий, после всего, что написали за последние 70—80 лет в защиту свободы, ее нельзя отыскать нигде,

кроме нашего просвещенного континента. Томас Пейн, отстаивавший права всех народов с талантом и страстью, никем не превзойденными, судивший о будущем с проникательностью величайшего человека, предсказывал⁹ (в 1792 г.)*, что к 1800 г. в Европе не уцелет ни одной коронованной головы. Но, к прискорбию, его предсказание далеко от истины¹⁰. В Европе, где, как полагал Пейн, через 7—8 лет не будет иных правлений, кроме республиканских, их нет вообще.

Пожалуй, стоит поговорить о причинах ошибки Пейна, ибо предсказание его, как показали события, было необоснованным. Я думаю, в нашей стране немногие станут отрицать, что принципы, которые, как предполагалось, вытеснят монархические правления Европы, близки природе человека¹¹, отвечают его правам и обеспечивают его счастье. Те же принципы заключены в Декларации независимости, которая покончила с подчинением *чужеземному* властителю и передала правление народу штатов. Причиной нашего отделения, бесспорно, был тяжкий гнет, вызвавший решительнейшее сопротивление. Можно, однако, не сомневаться, что если бы американскими штатами правил *собственный* монарх, то *большинство* актов тирании, в коих Декларация независимости обвинила Георга III¹², сошло бы ему безнаказанно. Деяния тирана, возможно, и вызвали бы сопротивление, но оно вряд ли

* Пейн Т. Права человека. Ч. 2.

привело бы к установлению нового правления. Вероятно, монарх лишился бы короны, но трон, скорее всего, уцелел, и на него взошел бы кто-нибудь другой. Кроме того, народ Соединенных Штатов, подавший первый пример самоуправления, не соседствовал с монархиями, которые могли бы силой или иначе воспрепятствовать его внутренним преобразованиям. Если бы мы находились в таком же положении, как и те, кто пытался установить первое в Европе республиканское правление¹³, свобода, несомненно, исчезла бы на Американском континенте (возможно, на два века) подобно тому, как она изгнана из Европы.

Но главная причина просчета Пейна, чье предсказание совпадало с ожиданиями выдающихся людей того времени (как страшившихся, так и желавших его осуществления), кроется в повсеместном, почти *абсолютном отсутствии читателей*.

Человек — порождение привычки¹⁴. Он, похоже, более склонен терпеть беспрестанные мучения, свыкаясь с ними с малолетства, нежели попытаться их искоренить. Правда, нередко зло *не замечают*. Порой люди распознают его суть лишь тогда, когда тяжкий акт тирании, учиненный произволом или жестокостью деспота, не *усилил* их мук, тем самым изобличив зло. В истории человечества найдется не более одного-двух примеров революций, вызванных не усилением гнета и притеснений, а иными причинами. Однако даже доведение нации до крайней нищеты может не окончиться революцией, если тиранам хватит благополу-

мня, чтобы усиливать гнет постепенно, так сказать, исподволь.

Из этих наблюдений следует вывод, очевидный для всех мыслящих людей: большинство человечества страдает от зол, им не осознанных; у него есть права, не осознанные ясно и до конца. Пока люди не научатся или их не обучат читать и понимать прочитанное, они не избавятся от невежества, рабства и нищеты; зло, отягчающее их труд, останется неразоблаченным, и они не сумеют постичь права, обладание коими избавило бы их от несчастий. Сказанное относится ко всем странам, а до некоторой степени и к нашей (за исключением слов о просвещении народа).

Вероятно, я задержался дольше, чем угодно читателю, на вопросе обучения американского народа искусству осмысленного чтения. Полагаю, читатель вскоре убедится: я не преувеличил важность того обстоятельства, что большая часть нашего народа освоила сей вид образования. Если мои сограждане, а также народы других штатов и стран сочтут целесообразным изучить, насколько предлагаемые мною нововведения в правлении штатом содействуют их благосостоянию, надо учесть следующее: прежде чем приступить к ним, желательно, чтобы после глубокого, тщательного и *всеобщего* исследования каждый человек решил, могут ли они принести обществу ту пользу, на которую я уповаю. Уяснив суть моих предложений, найдя их весьма ценными и достойными похвалы, читатель все же сочтет их неосуществимыми, если решит (возможно,

вопреки фактам), будто лишь немногие из его сограждан смогут прочесть книгу, понять план и доводы в его защиту, а следовательно, у нововведения слишком мало сторонников, готовых отстаивать его.

В таком случае останется лишь сказать, что предложенное преобразование было похвальным замыслом, пользу коего постигнут во дни грядущие, когда образование распространит свое благотворное влияние на большую часть населения. Но если читатель убедится, что уже *сейчас* вполне хватает людей образованных, могущих проникнуть в суть перемен и способа их осуществления, то он ощутит сильное желание поддержать изменение с таким рвением, которое будет соответствовать его мнению об их важности для его личного благополучия и процветания его сограждан. Вдобавок следует учесть: новшества всегда встречают сопротивление. Возможно, мое предложение признают пагубным для богатых, по крайне выгодным для бедных и средних классов¹⁵, т. е. для девяноста девяти человек из ста. Само сознание того, что великое множество людей грамотных, способных приобрести книгу, проникнется моим замыслом, убедит богатых в тщетности сопротивления воле народа.

По официальным данным, в начале нынешнего года (1829) население штата насчитывало приблизительно 1825 тыс. человек. Из них, по тем же данным, около 750 тыс. человек моложе 15 лет. Как правило, образование получают в возрасте между 5 и 15 годами. Если мы предположим, что одну треть составляют дети

до пяти лет, то нуждаются в обучении письму, чтению и т. д. полмиллиона детей. Как явствуется из доклада попечителя общих школ Законодательному собранию штата, сделанного в нынешнем году, в 1828 году в общих школах обучалось 449 113 детей пазванного возраста и 19 092, чей возраст не указан. Из 445 школьных округов отчеты не получены. Если допустить, что в них обучалось *вдвое меньше* детей, чем в остальных округах, получится еще 12 тыс. человек. К ним нужно добавить и детей, обучающихся в частных школах, которые, как известно, не обязаны давать сведения. Кроме того, многие дети получают домашнее образование и тоже не включены в отчет попечителя. По-моему, подробный подсчет показал бы, что в нашем штате не более одной двадцатой или одной двадцать пятой части подрастающего поколения вынуждены оставаться неучами.

В большинстве северных и западных штатов конфедерации, я полагаю, общественное образование достигло не меньших успехов, а восточные штаты, как известно, превзошли всех в организации образования.

Итак, с любой точки зрения имеет смысл представить на рассмотрение народа план, который, по убеждению автора, призван принести благо, ибо научит, как избавиться от бедствий, досаждающих даже при наилучшей системе правления, сотворенной человеком. Вдобавок в нынешних условиях план может стать и станет предметом самого пристального изучения. Если оно завершится всеобщим признанием плана достойным воплощения, то, к счастью,

народ обладает возможностью заложить его в основу общественного договора¹⁶ при помощи тихого, мирного, но непреодолимого действия избирательных урн.

Никогда прежде обстоятельства не складывались столь удачно для рода человеческого. Бесспорно, и в иные времена в разных странах встречались здравомыслящие, честные люди, стремившиеся добиться счастья для большинства пации, но перед ними возникали немыслимые, почти несокрушимые преграды. Если они жили в небольших государствах, окруженных могущественными и опасными врагами (как, например, Рим в начале своей истории), то войны, порой неизбежные, а нередко умышленно затеваемые коварными правителями-аристократами, срывали проведение великих общественных реформ, служащих благу народа.

Так обстояло дело с аграрным законом¹⁷. Он запрещал любому человеку владеть более чем 500 акрами земли. Излишки изымались и переходили во владение общества или распределялись между бедными. Кроме того, закон отдавал воинам и безземельному простонародью *земли, завоеванные у врагов*. Прежде чем закон вступил в силу, патриции, иначе — аристократы, прибрали все эти земли к своим рукам и вовсе не желали уступать их. В те времена политический механизм Рима был устроен так, что законодательной властью обладали только аристократы. Не раз пытались они превратить аграрный закон в ничего не значащий или бесполезный. На протяжении четырех столетий закон был источником великих гражданских

потрясений и кровопролитий в Риме, а порой и причиной его покорения врагами. В конце концов аристократия добилась полного господства над народом. С тех пор начался упадок Римской империи.

Соседство Рима с могущественными и воинственными нациями угрожало благосостоянию римского народа. Однако оно было не единственным препятствием, которое ему приходилось преодолевать. Как я говорил, организация правления в Риме не давала народу подлинной законодательной власти. Ею была облечена аристократия. Народ имел лишь право через трибунов запрещать введение законов, которые, по его мнению, шли ему во вред. Он не мог предлагать никаких поновведений, сколь бы благодетельны они ни были. Единственным способом, коим он добивался чего-либо, было соглашение с властью предрежащими. Когда государство подвергалось нападению извне либо возникала подобная угроза, народ мог отказаться защищать империю или нести военную службу, а подчас требовал в награду введения или неукоснительного соблюдения аграрного закона.

Римский народ, похоже, не догадывался, что во всех странах законодательная власть (в обычном понимании слова) зиждется на большинстве тех, кем она правит. Действительно, эту прописную истину нации усвоили лишь за последние полвека. Стоит ли удивляться, что даже в годы, когда ему не мешали чужеземные враги, римский народ не сумел навечно утвердить аграрный закон. Требовалось отыскать изначальные принципы, философски исследо-

вать истонное состояние человека и в нем выявить источник и первооснову всякого права и, конечно же, всякой власти. Нам, ныне живущим, ведомо, что поиск изначальных принципов увенчался успехом лишь спустя три или четыре столетия после изобретения печатного станка. Именно это изобретение, неизвестное римлянам, было необходимо им, как и другим народам, чтобы создать, если позволительно так выразиться, единое общественное мнение. Как свидетельствует история¹⁸, римляне в целом желали аграрного закона, но у них не было средства, позволявшего *достичь* единения его сторонников, без которого попытки отстоять закон были напрасны. Это служило еще одним препятствием, отделившим римский народ от предмета его самых страстных желаний. Пожалуй, нелегко представить неопровержимые доказательства того, что без печатного станка¹⁹ ни один народ никогда не открыл бы и не принял принципы самоуправления. Однако без него открытие произошло бы значительно позднее.

Вероятно, кое-кого из моих читателей удивляет, почему в Риме было столь много приверженцев аграрного закона, что его отмена или несоблюдение приводили к жесточайшим политическим потрясениям. Напомню о своеобразном положении римлян: у них не было достойной упоминания торговли, ремесел или иного производства, кроме домашнего, или семейного, весьма примитивного, бытующего у паций, переходящих, если можно так сказать, от варварства к состоянию гражданского правления. Только земледелие давало народу сред-

ства к существованию. Лишение земли обрекало римлян на смерть либо вынуждало покупать необходимое для жизни у богатых на условиях, делавших ее едва ли заслуживающей сохранению.

Чтобы до конца представить себе отношения римского народа с его правительством, стоит лишь вообразить, будто в штате Нью-Йорк царит сходный порядок вещей: жизнь обеспечивается только земледелием, а торговля, ремесла, производства не дают средств к пропитанию. Если мы не позволим никому иметь более 500 акров земли (допустим, что все паделы именно таковы), то территория штата, т. е. почти 30 млн акров, окажется в руках 60 тыс. земледельцев. Стало быть, из 400 тыс. семей, живущих в штате (скажем, по 5 человек), 340 тыс. не имели бы ни горсти земли, ни капли воды, которые принадлежали бы им, воообще никаких средств к существованию.

Скажут, будто дело обстоит иначе, ибо независимо от числа владельцев земля может прокормить многих. Я отвечу: если хозяева земли в самом деле являются истинными владельцами, то они ее абсолютные и безусловные властители²⁰. Если им вздумается, они имеют право (в нынешнем смысле слова) и *власть* никого не панимать. Следовательно, утверждение, будто *большинство народа* обеспечено средствами к существованию, в действительности принадлежащими *не ему*, является образчиком превратного понимания, полнейшей чепухой. Да, их можно счесть средствами к существованию, но средствами нищего и раба. Он сродни милосты-

не и рабству, однако ни то ни другое не совместимо с высокими чувствами свободного человека. Если бы 60 тыс. семей владели всей собственностью штата, то остальные 340 тыс. *(коли речь идет о правлении или общественном устройстве)* с точки зрения политики воистину не существуют. Если собственники соизволят предоставить им средства к *физическому* существованию, пусть даже ценою рабства, они по крайней мере смогут жить. В ином случае (чтобы ни предпринимало правительство) они обречены на смерть.

Возможно, бедняков было бы чуть меньше, поскольку, вероятно, не каждый землевладелец имел бы 500 акров, а владеть более крупными участками запрещалось бы, следовательно, у большей части населения была бы земля. Но это не столь важно, так как если дело касается принципов, несправедливость и неблагоразумие недопустимо оценивать в цифрах. Более того, если при самом благоприятном и счастливом действии аграрного закона неминуема подобная нищета, то каковы были бы последствия неограниченного владения землей? Если бы человек владел не 500, а 5000 и даже 500 000 акров в зависимости от его возможностей приобретать землю?

Остается еще один вопрос. На каком основании мы должны признавать справедливое и абсолютное право 60 тыс. семей на все земли штата или даже на их большую часть? Ведь этого права лишены значительно большие семей, не менее достойных его, нежели семьи собственников? Но сейчас не стоит говорить об этом вопро-

се. В свое время я отвечаю на него. Я не случайно нарисовал впечатляющую и, по-моему, точную картину действия аграрного закона. Ознакомившись со взглядом на него г-на Раймонда²¹, я тотчас же почувствовал — их нужно опровергнуть, тем более что сей вопрос совпадает с моей работой. На 12-й странице второго тома своей «Политической экономии», опубликованной в Балтиморе в 1823 г. (2-е издание), заявив: «...ни в одной стране не следует желать равного разделения собственности, *поскольку оно не есть веление природы*» (великолепный довод, *будь он правильным*), Раймонд продолжает: «...аграрный закон... так же неестествен, как неестественно уравнивать рост людей, втискивая их в прокрустово ложе».

У меня тоже есть возражения против аграрных законов, особенно против тех форм, в каких они доныне преподносились миру, но мои возражения основаны на совершенно иных доводах, нежели аргументы г-на Раймонда. Какую бы область земного шара мы ни взяли, разница в росте людей столь незначительна, что от прокрустова ложа (существуй оно наяву, а не в сказке) было бы мало проку. Но правде говоря, если бы распределение собственности было бы столь же равным, как и рост людей, не стоило бы и сетовать. Но, поразмыслив, не сочтет ли г-н Раймонд обращение 500 000 семей, не имеющих собственности, в физическую и политическую зависимость от 1/50 их числа более неестественным, чем ограничение наделов граждан Рима 500 акрами земли? Разве дозволение имущим безудержно на-

капливать богатства и подчинять себе государство влечет за собой не бóльшие бедствия, не бóльший рост нищеты, нежели сохранение за ними умеренного количества собственности и передача излишков их соседям? Уверен, так именно и случалось, когда не устанавливались предельные размеры личной собственности (хотя, как говорилось, такое бывало редко) и когда большинство нации не имело иных средств к существованию, кроме земледельческого труда.

Утверждение, будто «равное разделение собственности нежелательно, *поскольку оно не есть веление природы*», кажется мне далеким от истины. До разделения между миллиардами людей собственность, несомненно, находилась в руках государства или нации. По своей сути она не есть *частная* собственность, поскольку принадлежит всему обществу. Частной ее можно считать лишь по отношению к другим народам. Если бы людям предложили разделить ее между собой поровну, то можно ли не покривив душой сказать, будто «равное разделение... не есть *веление природы*»? Разве истина не состоит в *обратном*? Было бы диковинно, если бы люди настаивали на неравном разделе, предпочитая его равному. Итак, если при изначальном распределении земли, единственной известной тогда собственности, равный раздел был велением природы, то разве *противоестественно* желание потомков разделить ее поровну (ради своего же блага)? Или институты правления изменили природу человека? Нам остается либо согласиться с таким выводом, либо отвергнуть как необоснованные воз-

ражения г-на Раймонда против равного раздела собственности.

Бесспорно, аграрный закон призван был предотвратить как чрезмерное накопление собственности в руках немногих, так и крайне пагубную, развращающую пищу большей части общества. Пусть сочинители болтают о благих плодах поощрения трудолюбия, об идее *вечного*, *исключительного*, *ничем не ограниченного* владения, разглагольствуя перед теми, кто в состоянии приобретать собственность. Все равно, нет истины, более широко признанной человечеством, нежели та, что скопление огромных богатств в руках немногих всегда вредит благосостоянию государства. Вряд ли найдется страна, которая, испытав подобное бедствие, не приняла бы законов для его уничтожения и исправления. Конечно, исправление зачастую сопровождалось каким-нибудь *злом*. Но я не верю, будто лечения *всегда* следовало опасаться так же, как и самой болезни. Я мог бы доказать, что единственной причиной гибели или жалкого прозябания народов было отсутствие у них системы или теории правления, благодаря которой собственность людей была бы столь же равна, как, говоря образно, их рост, и которая позволяла бы каждому трудиться *исключительно* для себя, не считая, разумеется, участия в делах общества. Остается лишь выяснить, можно ли придумать подобную систему, которая легко и просто передавалась бы из поколения в поколение. Если это возможно, то я не ошибусь, предсказав полное счастье народов и незыблемость их существования.

О ПРАВАХ СОБСТВЕННОСТИ

Из всех предметов, изучавшихся людьми, вероятно, ни один не занимал столько времени и не подвергал столь суровому испытанию умственные способности человека, как происхождение и природа прав собственности. И, по совести говоря, ни одно исследование не увенчалось столь ничтожным успехом. Упреки мудрецам минувших веков, возможно, покажутся верхом самопадеянности, тщеславия, высокомерия или невежества. Но обратитесь к временам прошлым и нынешним и назовите хотя бы два правительства, имеющих или имевших одинаковые законы о собственности. Их нет даже среди штатов нашего союза, хотя, казалось бы, именно здесь следовало искать подобное сходство. Неудивительно, что Вольтер²² однажды заметил: законы меняют характер так же часто, как путешественник почтовых лошадей. Он не преувеличивал. В действительности дело обстоит несравненно хуже. Даже законы одной страны, принятые в разное время, не схожи между собой. Не считите, будто я насмехаюсь над нашими представлениями, но, полагаю, в любой стране могли бы возникнуть такие тяжбы по правам собствен-

ности, которые одновременно разбирало бы сто судов, составленных из знаменитых и талантливых юристов, располагавших одинаковыми свидетельствами, и тем не менее, не зная о размышлениях друг друга, они наверняка вынесли бы сто разных решений.

Высмеянная в пословице достославная «неопределенность» закона подтверждает, что предмет остается непонятым. Иначе не выносились бы разпоречивые приговоры. Право подобно истине, оно столь же доступно пониманию каждого, как доказательства Евклида²³. Если именуемое правом понимается *иначе*, стало быть, это не право, ибо едва ли стоит говорить, что права, не воспринимаемые как нечто бесспорное, порождены, скорее всего, произволом властей.

Не станем сетовать на непонимание предмета. Лучше восполним пробелы. Если удастся исправить наши знания, то человечеству обеспечена счастливая доля: оно приблизится к искоренению всех нравственных и политических бедствий, обрекающих его на страдания.

Три вещи тесно и неразрывно связаны друг с другом. Это собственность, личности и права. Из них созданы и должны создаваться все правления мира²⁴, так как они — необходимые и непрменные элементы всех конституций. Но их использовали неверно, а посему, стремясь к добру, правительства, на мой взгляд, больше навредили человечеству. Но, если эти элементы применить должным образом, они исполнят предназначение человечества, устранив тяжкие последствия прошлого.

Итак, что такое собственность? Я отвечаю: весь материальный мир в том виде, в каком он вышел из рук Творца.

Что такое личности? Человеческие существа, которых Творец создал и поместил в этот мир для обитания.

Что есть права? Право каждого обитателя земного шара пользоваться и владеть наравне с собратьями плодами и продуктами, даруемыми природой.

Пусть не лгут, будто есть иная собственность. Ступайте за мной во времена, предшествующие образованию правлений, когда род человеческий существовал, но еще не были установлены политические институты. Именно в ту эпоху мы должны отправиться, если желаем верно понять теорию справедливого правления. Пока я не перейду к принципам собственности, которые, по моему мнению, *должны* лечь в основу правлений, речь пойдет именно о тех временах.

Пусть не говорят, будто *труд*, затраченный лесным дикарем на изготовление лука, есть его собственность. *Собственностью* может быть лишь то, что кому-нибудь принадлежит. Лук не может принадлежать сообща всему роду человеческому, ибо не он сделал его. Лук не принадлежит индивиду, изготовившему его, поскольку индивид — *неотделимая часть рода*. В противном случае он не обрел бы физического бытия, а не существуя, он ничем бы не владел. Кроме того, *материал*, из которого сделал лук, — собственность человечества. До появления правлений она никогда и никем не от-

чуждалась. А если ее не присваивал один, то и другой не вправе захватывать и пользоваться ею. Сначала он обязан заручиться согласием всех. Какое он имеет право вкладывать свой труд в этот материал? По какому праву он превращает его в лук или что-то иное? Он не только не списал права *на* лук, но скорее согрешил перед великим обществом, к которому принадлежит. По справедливости он достоин наказания, а не права обладать тем, что присвоил без общего согласия и использовал ради своей личной выгоды. Наконец, неужели не ясно, что, вложив в *материал труд*, он не обрел права *на* лук? Разве, *овладев материалом*, он заслужил подобное право? Никоним образом. На все необходимо согласие. Иначе член банковской компании, в которую все участники вложили равный капитал, мог бы на тех же основаниях присвоить себе содержимое сейфа, хранящего общее золото и серебро. Мне могут возразить, сказав, что у сейфа есть владельцы, а у богатств природы их еще нет. Но подобное возражение не умаляет убедительности моих доводов. Более того, я незамедлительно опровергну его. Природа *является* собственностью. У нее есть владельцы, к тому же *равноправные*. Правда, они не *разделили* ее между собой и не определили долю каждого. Этого не сделала и банковская компания, тем не менее она владеет своим имуществом. Итак, аналогия полная.

Выходит, олень, подстреленный индейцем, ему не принадлежит? Безусловно, нет. Что стало бы с другими индейцами, если оленей

не хватало бы на всех? Может ли случай или даже преднамеренный поиск, позволивший выследить и убить животное, превращать оленя в собственность одного индейца, причиняя ущерб его собратьям, которые, по естественному праву, тоже могут притязать на эту добычу. Один объедается, а остальные голодают? Наконец, разве убийство оленя не такое же преступление, как и изготовление лука? *Животное — собственность всех*, и, если не было дано общего согласия на его поимку, оно остается общей собственностью, даже если кто-нибудь думал или поступил иначе. Ибо только *по своей доброй воле* владельцы оленя могут уступить права на него.

Если индеец собирает хворост и разводит огонь, разве костер не его? Ни в коем случае. Право, позволяющее одному индейцу складывать дрова в поленницу, позволяет другому раскидать их на все четыре стороны. Материал в равной степени принадлежит и первому индейцу, и второму. Он ничей. Он собственность *всего общества*, по крайней мере его большинства. Кроме того, *землю*, на которой разведен костер, волею занять даже тот, кто его не разжигал. Каждый из них имеет равное право (хотя идущее вразрез с правами остальных) пользоваться землей сколько угодно и как угодно. Она, как и дрова для костра, не принадлежит никому из них. Она общая собственность. Посему один может уничтожить то, что создал другой. Если один построил, другой может разрушить. Если один взял, другой может отнять. Если один делает

что-либо без общего согласия, другой может противодействовать ему, тоже не испрашивая согласия. На *место подле костра* тоже распространяется общее для всех право. Принципы, которые, как мы видели, действовали в предыдущих случаях, позволяют каждому приблизиться и беспрепятственно обогреться у него.

Предположим, индеец возделывает поле. Он его засеял. Принадлежит ли оно ему, если кто-то другой хочет использовать поле для других целей? Разве не одинаково прав и тот, кто отбирает поле, и тот, кто пытается удержать его за собой? Вне всяких сомнений. То, что принадлежит тысячам, не может без их согласия стать собственностью одного лица. Почему же *обладание* вещью не дает права на собственность? Потому что завладели предметом, который принадлежит другим. Право на собственность дает только *согласие* подлинного владельца. Справедливое право на владение проистекает из согласия. Почему *труд*, вложенный в собственность, не дает права на владение ею? Потому что *сама* собственность—чужая и, прежде чем честно вкладывать в нее *труд*, необходимо заручиться согласием ее единственного владельца. Почему занятие земли не дает права на владение? Потому что оно не более чем разновидность захвата собственности. Как и в предыдущих случаях, тут тоже необходимо согласие владельца. Если оно получено, значит, *право на владение*²⁵ дано, пусть даже до этого собственностью никто не обладал или не засеял ее. Следовательно,

согласие и только согласие владельцев собственности дает на нее право. Совершенно ясно, что если захват собственности, ее заселение или вложепный труд являются достаточными основаниями для права на владение, то истинные, полноправные хозяева собственности могут, вопреки своей воле и согласию, лишиться прав на то, что бесспорно принадлежит им. Итак, недостаточно овладеть, заселить или вложить труд, чтобы приобрести право на собственность. Если моя точка зрения верна, то согласие владельцев собственности есть единственно необходимое условие для получения прав на нее. Вне всяких сомнений, изготовление лука, убийство оленя, разведение огня, возделывание поля и любое подобное действие не дают права на собственность, поскольку *еще прежде у нее был владелец*. Она принадлежала ему одному, а не тем, кто исподтишка пытался присвоить право на нее.

В приведенных примерах труд, разумеется, увеличил *ценность* материалов и природных продуктов. Пожалуй, в мире сейчас больше собственности, чем во время его сотворения Создателем. Может показаться, будто я противоречу своему определению понятия «*собственность*», и тем не менее я утверждаю: *как только индейцу позволили сохранять в личном владении лук, оленя, костер, поле или что-то иное, фактически возникло настоящее правление* и, разумеется, утрачивает силу оговорка, с которой я начал рассмотрение прав собственности. Читатель помнит, что мои замечания относятся к периоду, предшествую-

вавшему образованию правлений. Пока не возникло правления, нельзя получить согласие. Некому его дать. А без согласия никто не вправе владеть чем бы то ни было. Получив согласие, индивид может запретить остальным пользоваться теми предметами, на которые в ином случае они со всей справедливостью могли бы притязать. Принципы остаются неизменными и тогда, когда право на владение пожаловано не пожизненно, а на определенный срок, короткий либо длительный. В течение данного времени индивид имеет абсолютное и безусловное право на владение. Если поле дано ему только на один сезон, то *в течение этого времени* его исключительное право на землю столь же безупречно, как если бы она была отдана навеки. Я знаю, некоторые склонны считать временное владение (к примеру, ограниченное годом) не чем иным, как *арендой*. Но разве *абсолютное право на владение* не тождественно вечной аренде? Когда клочок земли продается навсегда, то, несомненно, продается не сама земля, а те плоды, которые можно получить от ее использования в течение неограниченного времени. Именно такова суть понятия «аренда». Стало быть, различие только внешнее. Помоему, единственное отличие состоит лишь в том, что в первом случае земля отдается в пользование на год, а во втором — без ограничения срока, иными словами, навечно.

Может показаться, будто я излишне категорично утверждаю, что до установления первых правлений никто из рода человеческого

не имел права присваивать себе что-либо без согласия своих совладельцев. Но мне думается, я поступаю верно. Исследование прав требует прямолинейности. Она — залог беспристрастности и точности. Иначе отыскалось бы немало поводов сомневаться в истинности наших выводов. Одному египетскому фараону сказали: «Нет царской дороги в геометрию». Нет такой дороги и к отчетливому пониманию прав собственности. Их необходимо глубоко и кропотливо исследовать, иначе они навеки останутся непонятыми.

Поясню правоту и непреложность отстаиваемых мною истин на примере, близком нам всем. В наследство оставлено имущество. Для его раздела назначен душеприказчик. Пока раздел не произведен, позволено ли кому-нибудь из наследников брать себе что-либо из имущества, как бы ему того ни хотелось? Неужели не ясна недопустимость такого поступка? Разве не понятно каждому, что наследник должен обратиться к душеприказчику и заручиться его согласием? Только душеприказчик, облеченный властью действовать ради блага всех наследников, вправе разрешить взять желаемый предмет. В случае, коему сей пример служил иллюстрацией, в роли душеприказчика выступает общество. Оно *одно* обладает властью отчуждать в чью-либо пользу, на время или навечно, любую часть собственности, которой владеет.

Подобное отчуждение *действительно* независимо от того, соблюдены формальности или нет. В истории человечества, как известно, в

силу обстоятельств согласие давалось без формальностей. Немыслимо собрать воедино всех людей и, соблюдая все формальности, получить их прямое согласие. Об этом, наверное, даже не помышляли. Вероятно, когда один человек видел, как другой изготавляет лук, убивает оленя, разводит костер, возделывает поле, он знал, что сам может сделать то же самое, поскольку во времена первоначального заселения всех стран и даже века спустя повсюду было малоллюдно. Потому он *не препятствовал* действиям своего собрата, а поступал точно так же. Именно в этом и выражалось *согласие* общества, которое, я полагаю, в соответствии с непреложным правом обязан получить каждый.

Допустим, мы не сумели бы доказать, что согласия *никогда* не было дано. Ничто не меняется. Принципы незыблемы и вечны, они всегда существовали и никогда не исчезнут. Обнаружил ли, признал их человек или нет — они все равно существуют. Они образуют правило, определяющее права человека, и направляют его усилия на их обретенне. Они всегда в его распоряжении и могут пойти в ход, как только человек осознает, что они способны к его благу и счастью.

Хотя я говорил о согласии общества, которым каждый обязан заручиться, пусть не думают, будто оно и есть *источник* права человека на равную долю всей собственности земного шара. Ни в коем случае. Этим правом он наделен в силу своего бытия и существования собственности. Пока человек жив или

физически существует, право неотделимо от него. Согласно общества требуется не для пожалования прав, ибо они *появляются* одновременно с их обладателями, но чтобы определить и *установить* его долю собственности, *указать*, что именно, *где и сколько ему выделено*, обеспечить и охранить владение ею. Иначе никто не будет уверен, что данной собственностью не завладеют другие. Ведь они имеют точно такое же право на собственность, которой наделила индивида природа, а не люди. Утверждать, что общество *наделяет* своих граждан каким-либо правом, столь же неверно, как доказывать, будто воля душеприказчика есть источник права наследника на его долю наследства. Душеприказчик всего лишь попечитель о благе наследников, а само наследство предоставлено завещателем, им же *назначен* душеприказчик. Точно так обстоит дело с великим человеческим обществом. Все люди в совокупности с их коллективными полномочиями есть доверенные попечители о благе каждого индивида, а Творец вселенной — то существо, которое доверило попечителям собственность, повелев распределить ее поровну между всеми. Итак, никакое деяние наследника или любого представителя рода человеческого не ведет к *возникновению* прав по той простой причине, что права *уже установлены* — в первом случае завещателем, во втором — Создателем, сотворившим нас и все сущее. Ни душеприказчик, ни общество не властны *устанавливать* права, ибо они *уже установлены*, а посреднику непозволительно

переиначивать или изменять их хотя бы отчасти. Если бы бог выделил определенным людям некую долю сотворенного его трудами (как это бывает при разделе наследства), человеческое общество не имело бы повода для вмешательства. Дело, которое ему предстоит ныне свершить, было бы уже исполнено, и нам оставалось бы безропотно смириться. Ни душеприказчик, ни общество не полномочны наделять правами еще и потому, что не они создатели собственности и, конечно, не они ее исконные владельцы. Собственность появилась раньше и независимо от них. Она перешла к ним сообразно заветам и предначертаниям Силы, сотворившей и собственность, и их самих.

Никакие действия индивида не могут ни облечь его правами, которые уже принадлежат другим, ни на йоту увеличить или убавить их. Конечно же, и общество не властно переиначивать или изменять права. *Нет власти, способной попортить равенство прав*, кроме власти насилия и несправедливости. Изначально права были равны, и только насилие или невежество воспрепятствовали законным владельцам обрести их. Если бы мы признали, что действия, подобные превращению ветки дуба в лук, убийству оленя, разведению огня, возделыванию поля, наделают человека правом исключительного владения, пусть даже на короткое время, то сие предположение противоречило бы здравому смыслу. Оно довело бы нас до утверждения, будто право дается силой либо завоеванием, ибо все перечисленные дей-

ствия более или менее сродни ему. В наш век, обращаясь к народу, давно уже с негодованием отвергнувшему варварское и несправедливое «право» завоевателя, я полагаю, излишне добавлять что-либо к возражениям, высказанным против принципа, согласно которому занятие, захват собственности или увеличение ее стоимости дают индивиду право *удерживать* ее во владении. Если человек *имеет* честное право на собственность, то оно, вне всяких сомнений, проистекает из иного источника. Если же его нельзя обнаружить, то владелец должен быть готов *отказаться* от собственности и передать ее тем, чье право имеет более веские основания.

Кое-кто примется уверять, что перечисленные действия — мирные и созидательные, поскольку они ни в коей мере не связаны с насилием, далеки от него, а следовательно, несопоставимы с завоеванием. Подобное утверждение было бы верно в том случае, если бы во время захвата, занятия или использования неких предметов не существовало иных лиц, кроме совершившего эти поступки. Если же они есть, а в особенности если, составляя большинство, *они не возражают* против его действий, это равнозначно согласию. Тогда исключительное право владельца на предметы *основывалось бы на согласии*. Другой пример. Если бы собственностью завладели тайком, но большинство, ведая о намерениях лица, посягнувшего на нее, *не выказало бы никаких возражений*, то молчание означало бы согласие. Не захват собственности в личное владение.

ние, а *подобная форма согласия* стала бы хартией полномочий ее держателя.

Предположим, согласие не дано, а собственностью тем не менее завладели. В чем сходство подобного владения с завоеванием? Если владение оспаривается, оно *должно утверждаться силой* (хотя бы оно и не добыто силой). Если его не оспаривают, следовательно, возражений нет и мы можем считать, что дано согласие на владение собственностью. Если же возникает спор из-за собственности, а владелец *не отстаивает свои права силой*, значит, он отказывается от своих притязаний на исключительное владение и на этом дело кончено. У данного примера не так уж мало общего с завоеванием, как может показаться. Когда армия вторгается на территорию, где ей никто не противостоит, она овладевает ею без всякого сопротивления. Если бы впоследствии кто-нибудь оспорил право захватчиков на запятую землю, им пришлось бы сражаться, утверждая его, либо отказаться от него без сопротивления. Избрав последний путь, они уподобились бы индейцу, с готовностью отдающему свой лук другому индейцу, потребовавшему его. Допустим, что народ не возражает против запятая чужеземной армией части страны. Это равнозначно согласию. Если же по *малодушию* они не сразились с захватчиками, то это завоевание; правда, победа добыта одним лишь *видом* армии, а не битвой или кампанией. Так называемые скваттеры, селящиеся на наших общественных землях без согласия нации, могли бы утверждать, что они получают

песомненное и обоснованное право на владение на тех же основаниях, на каких индивид или союз индивидов, назовите его племенем, нацией или как угодно, заняв или захватив часть великого домена природы, счел бы себя обретшим полное право на владение ею.

Стоит обсудить еще один вопрос. Могут сказать, что индеец, присвоивший себе без общественного согласия материал для лука, но оставивший каждому из своих собратьев столь же добротный материал, поступил справедливо. Если он поступил именно так, стало быть, материал, оставленный им, равноценен пошедшему на изготовление лука. Следовательно, он не смеет возражать, если ему предложат уступить свой материал, взять взамен иной и получить возмещение за труд, который он затратил. Если же он *упрямо, без всяких на то оснований* хочет оставить себе свой лук, то, по-моему, у него не больше прав привередничать, чем у других, ибо все люди равны. Если один беспричинно неуступчив, то и другой тоже может упрячиться. Если один требует именно данную вещь, предпочитая ее равноценной, второй может настаивать на получении той же самой вещи. Ибо, как уже сказано, право одного человека быть упрямым, привередливым и неуступчивым столь же весомо, как и право второго. Если противоборство их взаимоисключающих желаний приведет к смерти одного из них, то вина целиком и полностью ложится на сторону, первой выказавшую упрямство. Даже в *настойчивости вожделений* необходимо соблюдать равен-

ство, ибо оно не должно нарушаться ни в чем.

Если мои слова о праве, основанном на овладении или приложении труда, верны, то, следовательно, ни одна нация²⁶ не имеет должного права на землю, на которой она обитает, даже если оно кажется обоснованным. Китайцы могут заявить народу Индостана: «У нас равное с вами право на то, что вы зовете своей землей». А индусы могут возразить: «Земля Китая принадлежит нам в той же степени, что и вам». Французы могут сказать англичанам: «Территория Англии в такой же мере собственность Франции, как и Англии», а английский народ может притязать на Францию. Европа может сказать Америке: «Владения, которые вы занимаете, являются вашей собственностью не больше, чем нашей», а американцы, в свою очередь, могут отплатить тем же заявлением.

Если бы имелась возможность доказать, что народы овладели своими землями с согласия большинства наций или хотя бы большинства их населения, сомнений не осталось бы, так как право каждой нации на занимаемую ею землю подтверждалось бы согласием остальных наций, по крайней мере их большинства. Стоит пояснить, что нации — это *люди*, их образующие, но не земля, не владения, не собственность, которыми нации располагают. Разумеется, нации имеют естественное право на равную и соразмерную часть земного шара. По ее *месторасположению* и *размерам* должны устанавливаться большинством обитателей земли. Если бы сейчас можно было собрать Все-

общий конвент всех наций, он был бы полномочен распределить земли подобающим образом. Я полагаю, с этим согласится всякий, если он на миг представит, что до сих пор не существовало правлений, а индивиды или их группы не присваивали участков земли или территорий. Конвент мог бы разделить все так же, как разделено теперь. Тогда нации владели бы своими территориями на основе подлинного и прямого общего согласия.

Нам следует считать общее согласие столь же достоверным, как если бы оно действительно было выражено Всеобщим конвентом. Его могли высказать непосредственно и официально, как принято в отношениях между странами, либо косвенно, не препятствуя возникновению новых наций, подъему их величия и мощи.

Если бы позволили обстоятельства, можно было бы значительно усовершенствовать существующий раздел земного шара между его обитателями. Многие страны перенаселены, отчасти по вине господствующих в них обычаев, представлений и по другим причинам. Тот, кто, покинув их, переселился бы в страны, испытывающие пехватку населения, и сам обрел бы большее счастье, и способствовал бы процветанию страны, в которую эмигрировал. Однако рассуждения о сем предмете не входят в мою задачу. Для меня достаточно того, что все нации признают право других наций устанавливать на своей территории тот порядок, который они посчитают лучшим, а также

позволять иностранцам селиться в своих пределах, принимать их в число подданных или членов своей политической организации²⁷ либо отказывать им в этом. К праву изгнания прибегают, впрочем, редко, поскольку разумная политика не допускает изгнания хороших и полезных граждан. Коль скоро каждый человек несомненно имеет естественное право на равную часть собственности мира, коль скоро не подлежит сомнению его искусственное или, я бы сказал, общественное право, то, полагаю, неоспоримым является и его право беспрепятственно выбирать страну, где ему хотелось бы получить свою часть собственности, поскольку это право связано с личной свободой, на которую никто не волен посягать. Однако при системе, которую я намерен предложить, он не сможет воспользоваться этим правом до тех пор, пока ее не введут все нации. Следовательно, граждане страны или нации, которая первой примет мою систему, не обретут данного естественного права, пока система не утвердится повсеместно. Но они утешатся сознанием того, что их права урезаны не собственным правительством, а по вине иностранных государств или наций, еще не готовых к восприятию бесспорных общественных прав человека²⁸. Боюсь, мои замечания не вполне понятны читателю. Но если он сообразовал последовать за мной дальше, запасаясь терпением и вниманием, то в должное время я сумею полностью разъяснить свою мысль. Тогда, я надеюсь, он осознает убедительность моих выводов и согласится со мной.

Пропагандистский читатель узрит противоречие в том, что вначале я говорил о праве великого сообщества людей выделять каждому индивиду определенную часть собственности мира, а затем обосновывал право индивида требовать получения своей равной доли²⁹ в избранной им части света. Я полагаю, противоречие исчезнет, если вспомнить, что я веду речь о временах, предшествовавших образованию правлений, когда деньги, конечно же, известны не были. Понятно, что сначала необходимо было *разделить*, по возможности равно, достояние природы между лицами, образующими великое содружество. Если же (в силу неких причин) после завершения раздела индивиды объединились бы в нации, которые совпали бы с существующими ныне, то мир предстал бы в точности таким, каким мы видим его, однако он был бы поделен поровну между всеми его обитателями и в нем не было бы денег. При таком положении вещей я, гражданин Америки, мог бы перевести свою долю, например, в Англию, предложив ее подданному обменять мою собственность на его. Но если предположить, что все нации обладают абсолютной и исключительной юрисдикцией в пределах своих территорий, то они могут воспрепятствовать обмену, запретив мне приезжать к ним. Впрочем, разумность подобной политики, равно как справедливость подобной власти, вызывает серьезные сомнения. Столь же сомнительной была бы власть, запрещающая человеку получать его естественную долю собственности в любой выбранной им стране,

если бы изобретение денег и разумные изменения политических институтов сделали это осуществимым.

Очень легко доказать, сколь несправедливо запрещать индивиду получать свою долю собственности в той стране, которая его устраивает. Предположим, что доли собственности, получаемые народом Китая от своего правительства, настолько больше получаемых народом Индии от своего, что китайцы не хотят обмениваться на равных условиях с индусами. Нежелание свидетельствует: тот, кто отказывается вести обмен, владеет (как нация, так, разумеется, и индивиды) не равной частью собственности земного шара, а так называемое право исключительной юрисдикции позволяет им сохранять за собой излишек собственности. В работе, призванной утвердить равные права всех людей как на свободу и жизнь, так и на собственность (ибо что проку от жизни и свободы, если нет собственности?), невозможно обойти столь важный вопрос, не выказав тем самым неуважения к предмету.

Интересно было бы выяснить причины, побудившие каждую нацию принять свою особую систему прав собственности. Возможно, обнаружилось бы, что в каждый данный период любая система своими существенными чертами обязана тысяче обстоятельств, почти не связанных с изначальными равными правами человека. Победившие революции меняли правления, но новые правления всегда приобретали тот характер, какой диктовали их создателям обстоятельства. К примеру, прави-

тельства, возникшие после американской революции, в большей или меньшей мере вобрали в себя политические пороки прежней системы. В пояснение скажу, что если бы революция совершилась прежде, чем на американской земле появилось рабство, или оно ограничивалось бы ничтожными размерами, то наши правительства, как штатов, так и национальное, постарались бы незамедлительно его уничтожить и не допускали бы впредь. Можно вдобавок заметить, что права отдельных лиц на владение огромными состояниями были пожалованы нашими губернаторами-собственниками³⁰. Если бы правительства Европы не отдали им территорий, размеры которых в большинстве случаев были неведомы, то ни они, ни кто-либо другой не владели бы ими, ибо наш народ, установив свое правление, никогда бы не допустил этого.

Право на собственность, в обычном понимании сего слова, в действительности гораздо более туманно и неопределенно, чем кажется большинству людей. Полагают, будто собственность можно распознать по такому свойству — ее нельзя взять без согласия владельца. Иначе трудно понять, почему нечто является собственностью. В истории нашего штата было время, когда в Сенат избирали лишь обладатели определенного количества и вида собственности. Помимо всего прочего, Сенат имел право отвергать все законопроекты, вносившиеся другой палатой. Если она предлагала закон о налогообложении, а он не нравился сенаторам, они могли сказать «нет»

и таким образом потуже затянуть свою мощь. Впоследствии наша политическая структура значительно изменилась. Каждый может избирать в Сенат независимо от того, есть у него собственность или нет. Эта перемена лишила богатых права вето, а вместе с ним, разумеется без их согласия, и собственности³¹. Все же, как бы ни менялись обстоятельства, в целом общество не стремилось нарушать права собственности, хотя ясно как божий день, что сегодня одно правило определяет их, а завтра — иное.

Я не сетую на изменение системы нашего Сената. Напротив, оно было безусловно верным, поскольку требовалось защитить личные права миллиона неимущих, хотя бы и посягнув на право горстки богатых на собственность. Любого вдумчивого и наблюдательного человека может осенить мысль: если владельцы собственности имеют на нее бесспорные права, то никому не дано власти отнимать ее у них. Значит, есть осязаемый изъян в системе правления, если оно вынуждено нарушать признанные им права одного вида, дабы сохранить остальные. Представим себе, что все граждане равны или приблизительно равны в имущественном отношении. Тогда бросающееся в глаза противоречие между различными видами прав бесследно исчезнет. Но, решившись на уравнивание собственности, придется признать, что нынешние держатели не имеют на нее достаточных прав. Следовательно, если бы правительство руководствовалось подобным представлением о свойствах права на соб-

ственность, оно тем самым опровергло бы свое теперешнее суждение.

При любом правлении законы собственности, похоже, не имеют ровным счетом ничего общего с естественными принципами. Иначе они были бы гораздо более схожи между собой, чем теперь, и, если бы речь шла об одной стране, намного единообразнее, независимо от эпох.

Я пазвал *не все* злокозпленные причины, которые мешают прибегнуть к изначальным принципам народу, свершившему революцию и обретшему возможность, нет, потребность воспользоваться ими. Когда революции завершаются и появляется необходимость заполнить пробитые в правлении бреши, на все первое ложится не только бремя грехов прошлого, но обрушивается и другая беда: закоположники, *вожди нации*, которые, по нашему разумению, лучше других обязаны разбираться в способах переиначивания политических механизмов, к сожалению, несведущи в правах человека. Мы живем во время, близкое к великой эпохе в истории нашей страны — Революции, отделившей нас от Англии³². Мы знаем выдающихся людей, сыгравших видную роль как в отделении двух стран, так и в создании новых правительств. Мы в силах понять их умонастроения и рассудить: насколько они соответствовали принципам правления, основанному на естественном праве. Ведь, исходя из своего понимания этих принципов, они поддерживали Революцию, а после нее возводили необходимые политические здания.

Среди этих людей никто более Джефферсона не заслужил чести именоваться «образцом Человека», воззрения коего олицетворяют наш век. Если кто-то и мог возвыситься до наипервейших принципов, то только Джефферсон. Если не от него, от кого еще можно было бы ожидать этого? Все же пристальное изучение его суждений о правах человека обпаруживает их крайнее несовершенство и двусмысленность. Я не утверждаю, будто сам он их так и оцепивал. Вне всяких сомнений, дело обстояло иначе. Давайте, однако, прочтем и обдумаем его слова; непредвзято обсудим его замыслы и тогда решим, обоснованно ли мое утверждение. Джефферсон говорит: «Мы считаем самоочевидными следующие истины: все люди сотворены равными; все наделены Создателем определенными равными и неотъемлемыми правами, среди коих — право на жизнь, свободу и *стремление к счастью*»³³. Таковы его слова в Декларации американской независимости.

Всякий, кто, взглянув на мир, присмотрится к населению всех стран, в том числе и нашей, увидит его разделенным на богатых и бедных, на сотни, имеющих все, и миллионы, не имеющих ничего. Если бы Джефферсон употребил слово «*собственность*» вместо «*стремление к счастью*», я согласился бы с ним, ибо тогда его язык был бы ясным, вразумительным и строго соответствовал естественному праву. Я убежден, что естественное право человека на *жизнь* или *свободу* не более священно и неотъемлемо, чем его право на *собственность*,

Но собственность предыдущего поколения переходит лишь к отдельным индивидам. Многие не имеют ни родителей, ни тех, кто дал бы им собственность, равную той, которую сыновья богатых получают от своих отцов и прочих завещателей. На чем же основано утверждение, будто они созданы равными? Или для счастья собственность не пужпа? Можно ли быть столь же счастливым, не имея собственности, как и обладая ею? Можно ли без нее сохранить жизнь или свободу? Разве не каждый зрим мы толпы тех, кто, стремясь к тому самому счастью, которое Джефферсон причислил к неотъемлемым правам человека, вынужден жертвовать свободой, здоровьем, а зачастую и жизнью, чтобы получить собственность? Если собственность — необходимое и непереносимое условие достижения счастья, то как можно утверждать, будто я от рождения наделен правом на счастье, равным праву другого, если трудом и страданиями я вынужден покупать у него собственность, тогда как ему не приходится покупать ее у меня столь же дорогой ценой? Если мы созданы равными, то какое он имеет право присваивать всю собственность предыдущего поколения или хотя бы ее ограниченную часть? Если без собственности право на свободу и жизнь столь непрочное и зыбкое, то для их сохранения необходимо такое толкование «стремления к счастью», которое провозглашало бы право каждого владеть тем, без чего право на жизнь и свободу лишь пустой звук.

Пусть не увиливают от ответа, заявляя, будто ни одно правительство не повинно в том, что у родителей бедняка нет собственности, которую они могут передать своим детям. Возможно, *при известном стечении обстоятельств* подобное утверждение было бы верным, но в целом оно не дает ответа на вопрос. Кто, как не правительство, утверждает завещания и принуждает их исполнять? Кто, как не оно, разрешает человеку, который вот-вот обратится во прах, распоряжаться тем, что он пока еще именуется своей собственностью; указывать, кому она достанется, а кому нет? Кто, как не оно, допускает, чтобы даже после смерти человек считался владельцем собственности? Кто, как не правительство, наделяет человека властью лишать по своему произволу родных детей и их потомков имущества, вынуждая их покупать собственность ценой рабства у тех, кому посчастливилось заполучить ее? Кто, как не правительство, поставило права детей в зависимость от собственности их отцов? Ведь если отцы отказываются дать своим отпрыскам имущество, перешедшее к ним от предков, то разве не по вине правительства дети бессильны что-либо поделать с этим? Разве не правительство сделало отцов всем, а детей ничем? В принципе, а зачастую и на деле все это деяния правительства. Если прежний (покойный) владелец собственности никак *не выразил* своей воли, то именно правительство решает, кому передать имущество. В одних странах *все* переходит к старшему сыну, в других — только сыновьям, по не

дочерям, в третьих — ко всем детям поровну. Именно правительство обладает властью отменять завещания и распоряжаться имуществом покойного по своему усмотрению. Если бы оно обладало властью или, скорее, способностью утверждать равенство только в свободе и жизни, но не равенство собственности, оно было бы полностью изобличено как неполномочный институт, отъемлющий «неотъемлемые права», коими Создатель наделил всех людей, *подавляющее большинство которых* не имеет собственности, никогда не имело и *не будет* иметь, покуда существует пышешный порядок вещей.

Автор Декларации независимости и те, кто поддержал его «своей жизнью, своим состоянием и святой честью», похоже, не сознавали, что поскольку их правовая система предоставляет одному человеку привилегию обладать таким количеством собственности предыдущего поколения (не имеет значения, досталась она от родителей или нет), которое позволяет ему жить в праздности, кормясь чужим трудом, то подобную привилегию следует распространить на всех. Иначе нет равенства в деловых начинаниях, а тезис, будто Создатель установил его, а людские законы разрушили, превращается в *теорию и практику* нашего правления.

Если автор Декларации и его сторонники захотели бы провозгласить равное и неотъемлемое право человечества на жизнь, свободу и собственность, они бы так прямо и сказали, не прибегая к туманному выражению «стремление к счастью». Непопятно, почему они

считали сколько-нибудь полезным «стремление», не обеспеченное какой-либо собственностью, по крайней мере *столь же* полезным, как стремление к счастью, которым может насладиться удачливый владелец имущества.

Кое-кто скажет, дескать, «время всякой вещи»³⁴, стало быть, Джефферсон и его соратники достойны почестей и славы за совершенное во имя своей страны и человечества, прежде всего за установление первого в мире представительного правления. Верно. Но все же, если бы мудрецы Революции увидели, что равное право *на собственность* принадлежит к таким же неотъемлемым правам человека, как жизнь и свобода, и во всеуслышание провозгласили бы его, их слава *не умалилась бы*. Если бы им не удалось превратить теоретические истины в реальность, то между ревностными друзьями свободы *в нашей*, да и во всякой другой стране нашлось бы немало людей, которые сумели бы восполнить это упущение.

Помимо членов Конгресса 1776 г., принявшего его бессмертную Декларацию, у Джефферсона были другие единомышленники, разделявшие его ограниченные взгляды на подлинные права человека. К ним принадлежал Томас Пейн. Пожалуй, немногие превзошли его в постижении предметов, которые они изучали. Его воззрения самобытны, но все же он погряз в некоторых ошибочных представлениях и не до конца исследовал предмет своих штудий. Ничего удивительного, ведь ему пришлось переворочить столько хлама. Настаи-

вать на большем, на безупречном исследовании принципов правления — непомерное требование к человеческой природе. Но будет справедливее по отношению к читателю и ко мне позволить г-ну Пейну высказаться самому.

«Когда люди соглашаются соединиться в РЕСПУБЛИКУ (ибо слово РЕСПУБЛИКА означает общественное благо и благо вообще в противоположность деспотической форме, которая делает благо властителя или одного человека единственной целью правления), итак, когда они согласились соединиться, следует понимать, что они сообща твердо решили и торжественно поручились друг перед другом, *богатые, равно как и бедные*, поддерживать и утверждать меж собой принцип равной справедливости. Они, следовательно, отрекаются не только от деспотической формы, но и от деспотического принципа, а также от такого правления, как правление лишь Желанием и Силой, и заменяют его правлением справедливости.

Этим взаимным соглашением граждане республики на все грядущие времена отказываются от власти, точнее, они отвергают, как отвратительную, власть, применяющую любую форму угнетения, а также творящую несправедливости лишь потому, что она власть большинства и численный перевес позволяет ей творить сие.

В подобном обещании и соглашении заложены основы республики. *Безопасность богатых и утешение бедных* состоит вот в чем —

то, что имеет каждый человек, есть его собственное, этого у него не может отнять ни один деспотичный правитель, а общий цементирующий принцип, связывающий воедино все части республики, ограждает его также от деспотизма многих, ибо деспотизм может успешнее осуществляться многими над немногими, чем одним человеком над всеми» (*Диссертация о правлении*, написанная в 1786 г. См. работы Пейна в 2-х томах. Филадельфия, 1797. Т. 1. С. 327—328).

В приведенном отрывке, как заметил читатель, Пейн рассматривает первую форму правления, по крайней мере первую *справедливую* форму. Он доходит, как ему кажется, до самых истоков и, поскольку обнаруживает там определенное положение вещей, стремится сохранить его в намечаемой им системе правления. Он находит там *богатых и бедных* (я выделяю курсивом эти слова, привлекая к ним особое внимание читателя) и заключает: «То, что имеет каждый человек, есть его собственное». Когда он писал приведенный отрывок, он, несомненно, забыл сказанное им по тому же поводу ранее, 14 февраля 1776 г. Тогда он выпустил «Здравый смысл», на первой странице которого поместил следующий отрывок: «Чтобы получить ясную и правильную идею о замысле и целях правления, давайте представим небольшое число людей, расселившихся на какой-то обособленной части земли, не имеющей связи с другими частями. Они будут представлять первоначеление любой страны или всего мира».

Тем не менее десятилетием позже Пейн говорит о существовании *богатых и бедных* во времена, когда люди, как он полагает, *впервые* вознамерились организовать для себя общее и равное правление. Позвольте мне воспользоваться предположением Пейна, взять его «небольшое число людей», привести их в «какую-нибудь обособленную часть земли, не связанную с другими», допустим на остров в Тихом океане, поселить их там и попросить учредить для себя справедливое и равное правление. Откуда возьмутся *богатые и бедные*? Создадут ли они их сами? Уподобятся ли они Локку³⁵, именитому автору трактата о «Человеческом познании», который во время заселения Южной Каролины разработал проект системы правления для этого штата. Выделят ли они, подобно ему, одной категории людей 12 тыс. акров земли, другой — 24 тыс., третьей — 48 тыс., не дав большей части населения ничего?

Не сочтут ли они скорее остров *собственностью*, по *собственности общей*, на которую каждый из них имеет равное право? Разве в соглашении, которое островитяне намереваются заключить друг с другом и о котором Пейн говорит как о начале всякого законного правления, разве в нем *собственность* не будет играть никакой роли? Разве не станет она одной из тем их споров? Разве не будет она на деле главным предметом обсуждения? Она, затрагивающая более насущные интересы, чем все прочие вопросы, возникающие в этом маленьком обществе, вместе взятые? Так неужели она не бу-

дет источником глубоких размышлений? Разве не смехотворно провозглашать неотъемлемыми права человека на жизнь и свободу, но ни словом не обмолвиться о собственности? Если бы им было ведомо хоть что-нибудь, то неужели им не было бы известно, что законные обладатели права на жизнь и свободу никогда не наслаждались ими в течение сколько-нибудь значительного времени, если у них не было никакой собственности, с помощью которой они могли бы их охранить и защитить? Если бы речь шла о разделе их общей собственности, разве не провели бы они его равно или настолько равно, насколько было им под силу? Если бы они не делили собственность, но решили владеть ею сообща, разве не предусмотрели бы они все мыслимые меры, обеспечивающие каждому равную долю плодов их совместных занятий?

Ответы на эти вопросы возникают сами собой. Не найти на обширных просторах земли человека, который не ответил бы на них утвердительно. Почему же столь мудрый, столь непредвзятый писатель, как Пейн, допустил просчет, пытаясь возвести равное правление на фундаменте, в коем уже было заложено неравенство, и даже не постарался уничтожить его, а, напротив, увековечил, выдвинув шаткое утверждение, будто все, что человек имеет,— его собственное? Конечно, человек, который силится сохранить существующее неравенство, столь же слеп, как и тот, кто первым предложил бы его создать. В данном отношении Пейн и Локк равно достойны быть представленными

человечеству, как примеры ошибок, в которые могут впасть величайшие люди. Тот, кому известно хоть что-нибудь о Пейне, знает: ему было не занимать неустрашимости и дерзновенности характера и, если бы он счел нужным, он поднялся бы выше, на более твердую почву, нежели та, на которой он стоял. Он не был человеком половинчатых взглядов в теории и полумер в действии, ибо ему доставало здравого смысла, дабы постичь: цель достигается легче и с меньшими затратами, когда видны и понятны все детали, а не когда они смутно различимы и, возможно, спутаны с чем-то совершенно посторонним.

Было бы поучительно отыскать истоки его ошибок. Их нетрудно обнаружить, просматривая его политические сочинения. В первой части «Прав человека», написанных в 1791 г. (с. 64 и 65 второго тома упомянутых сочинений), он помещает следующий отрывок: «Полагали, будто значительно продвинулись в установлении принципов свободы, сказав, что правление есть соглашение между теми, кто правит, и теми, кем управляют. Но это не верно, так как следствие ставится впереди причины, ибо существование человека должно предшествовать существованию правлений и неизбежно было время, когда не существовало правлений, а следовательно, первоначально не могло существовать правителей, с которыми заключалось бы соглашение. Следовательно, дело должно было обстоять таким образом, что *сами индивиды*, каждый на основе своего личного и суверенного права, *вступили в соглашение*

друг с другом для создания правления. И это единственный способ, оправдывающий возникновение правления, и единственный принцип, дающий им право на существование».

Я полагаю, можно согласиться и не согласиться со взглядами Пейна, по крайней мере с некоторыми из них. Вне всяких сомнений, «существование человека должно предшествовать существованию правлений». Столь же верно и то, что, если существует правление, должны быть и правители. Хотя Пейн называл это ошибкой, я готов утверждать: правление является, или скорее может быть соглашением между теми, кто правит, и теми, кем правят. Когда «все на основе личного и суверенного права», по выражению Пейна, *«вступают в соглашение друг с другом»* ради общей для всех цели, образуется правление, в основе которого лежит соглашение и ничего, кроме соглашения. Но совсем иное дело — *способ его осуществления*. В одном случае все индивидуальные участники соглашения могут время от времени встречаться в полном составе, чтобы поразмыслить о своих делах и отдать те распоряжения, которые считают нужными. В данном случае правление не только существует, но и полностью функционирует. Если меня спросят, кто правит, отвечу: все общество, совместно или сообща. Если меня спросят, кто подданные, отвечу: образующие его индивиды, порознь или поодиночке. По-моему, нельзя установить — есть или нет правления, исходя лишь из того, кем вершатся общественные дела нации: непосредственно всеми индивидами, без помощи каких-либо

уполномоченных, или кем-то иным. Именно здесь Пейн, похоже, допустил большую ошибку. Он, видимо, считал, будто пароды, у которых нет уполномоченных или доверенных лиц, действующих от их имени, вообще не имеют правлений. Сдается, он проглядел единственное *предназначение* общественного соглашения: воплотить в себе *волю общества*. *Осуществление* ее — *неважно как*, через наделенных властью уполномоченных или иначе, — означает начало правления. Оно распространяется на всех подданных и, согласно праву, на все предметы, кои по своей природе являются общей собственностью.

Г-н Пейн замечает: «Существование человека предшествовало возникновению правлений». Как долго это длилось, позвольте спросить? Вероятно, не более получаса. Ибо в сей период бытия человечества к роднику могли подойти двое, желая испытать прохладной воды. Они договорились о том, кто первым припадает к нему. Едва это дело улажено — возникло правление, даже если ему и суждено исчезнуть миг спустя. Если у родника окажутся трое и двое из них решат, кому утолять жажду первым, их решение есть не что иное, как договор. Возникло правление, причем, как и в любом мыслимом правлении, большинство, несомненно, вправе разрешить все вопросы, относящиеся к ведению правления. Вполне попятно, что иначе и быть не может. Ведь на воду имеет право каждый. Она не может быть безраздельно присвоена кем-нибудь одним, равно как никто не смеет своевольно захватывать право или возможность

утолить жажду первым. Подобная возможность может быть предоставлена лишь на основе соглашения или договора, а его заключение есть, по сути дела, проявление тех же функций, которые исполняли бы уполномоченные, ибо права равны как у сотен тысяч людей, так и у тех двух-трех, которые уступают первенство одному из них.

Может показаться, что я более усердно, нежели требуется, выявляю ошибки, существующие во взглядах на данный предмет. Но когда г-н Пейн упрекал г-на Бёрка³⁶ в том, что тот избегает дальних экскурсов в прошлое, ему пришлось немало потрудиться, чтобы доказать справедливость своего обвинения. Ныне я выдвигаю против Пейна сходное обвинение и мне приходится поступать точно так же, как и ему. Кроме того, я, как и он, борюсь с ошибками века, которым подвержены лучшие умы нашего времени. Нельзя ограничиться лишь отвержением этих ошибок, так как если принципы правления берут начало от *состояния* вещей, столь *удаленного от нас по времени*, что мы не в состоянии приблизиться к нему, то нам грозит опасность надолго заложить неверные принципы в основу политического здания.

Пейн был не одинок в своих ошибочных взглядах. Помимо оплошности, точнее, двусмысленного толкования некоторых прав человека в Декларации независимости Джефферсон, к коему я питаю уважение и любовь, в более поздних работах тоже проявил *недостаточное* знание истинных принципов правления.

В 1812 г. в окружном суде Соединенных Штатов для округа Вирджиния шел процесс, в котором Эдуард Ливингстон из Орлеана был истцом, а Джефферсон — ответчиком. Для своего адвоката он подготовил работу, опубликованную Эзрой Серджантом из Нью-Йорка и озаглавленную «Судопроизводство Соединенных Штатов, утверждающее собственное право на берег Миссисипи, примыкающий к Новому Орлеану, против присвоения чужих прав Эдуардом Ливингстоном». На странице 30-й этой работы я нахожу следующий отрывок:

«То, что земли, находящиеся в пределах территории данного народа, принадлежат нации как целому, было, вероятно, законом каждого из народов земли в некий период их истории. Право собственности на движимое имущество вводится до установления правления. Раздельная собственность на землю — лишь после. Право на движимость признано всеми окружающими нас ордами индейцев. Но ни одна из них не дает индивидам раздельной собственности на землю. Тот, кто засеял поле, владеет им до тех пор, пока не соберет плоды, после чего один имеет такое же право запать его, как и другой. Должно быть установлено правление и предусмотрены законы, прежде чем земли могут быть разделены и владения собственников охранены. До тех пор собственность — владение нации как целого и она или ее вождь как доверенное лицо должны жаловать ее отдельным лицам и определять условия пожалования».

Из вышесказанного видно, что критерием начала правления Джефферсон считает время,

когда нация вводит частную собственность на землю. Критерий Пейна — функции правления, которые осуществляются агентами или правителями, уполномоченными народом действовать от его имени. Эти критерии не устраивают меня. Что касается Джефферсона, то я не понимаю, почему следует считать правление установленным, если разрешено обращение земли в частную собственность, и не установленным, если то же самое происходит с движимостью. Кроме того, раз мне столь пространно говорят, будто «право собственности на движимость *вводится* до установления правления», позвольте полюбопытствовать, кем оно вводится. Не правительством? Не общим согласием или общественной властью? Кто же еще имеет подобную власть? Часть нации, не меньшая, чем большинство. А большинство, в сущности, и есть нация. Я полагаю, немислимо утверждать, будто существуют какие-то иные институты, имеющие отношение к этому делу.

Но Джефферсон уверяет, что «должно быть установлено правление и предусмотрены законы, прежде чем земли могут быть разделены и владения собственников охранены». Почему? Он же сказал: движимая собственность охраняется и без помощи того, что названо им правлением. Почему же с землей дело обстоит иначе? Ведь *пользование* ею в течение сезона, по его словам, вполне обеспечено. Возможно, мне скажут, что личную собственность оберегает мужество ее владельца. Но разве не то же самое происходит с землей? Если она дана павечно, то нет, ответят мне. Некое число людей,

пользуясь превосходством силы, может изгнать собственника, и поэтому необходимо правительство, которое своим вмешательством защитило бы его. Но почему нет надобности в правительстве для охраны *движимой собственности*? Ведь она тоже дана хозяину навечно. Разве нельзя привести толпу, которая отнимет ее точно так же, как и землю? Превосходя числом, люди могут выгнать и того, кто обрабатывает поле всего лишь в течение сезона. Но в обоих последних примерах мы видим, что сила, которую Джефферсон не мыслил вне существования правления, совершенно не пужна нашим индейцам и другим народам, пребывающим в сходном с ними состоянии. Почему? Чем это можно объяснить?

Только одним. У них движимая собственность и блага, даваемые земледелием, *настолько равны*, что нет никакого повода объединяться, дабы лишить собственника его владений. Следовательно, можно обойтись и без силы. Когда появится такое правление, которое сделает собственность в буквальном смысле этого слова личной и столь же равной, как у индейцев, которое сможет обратить землю в частную собственность теми же способами, какими ныне обращают движимое имущество, перед нами предстанет правительство, отправляющее свои функции простым изъявлением воли, а не применением силы. Ему достаточно будет сказать, чего оно желает, и все будет исполнено. Если нам еще не доводилось встречать такие правительства, если все учреждения подобного рода были вынуждены прибегать в той или иной

мере к произволу и насилию, то лишь потому, что они строились на принципах, не согласующихся с «неотъемлемыми правами человека на жизнь, свободу и собственность».

Если бы потребовалось добавить что-нибудь еще к моим рассуждениям *о времени*, с коего начинаются правления, я бы обратился к первым строкам приведенной выше цитаты, где Джефферсон говорит: «То, что земли, находящиеся *в пределах* территории данного народа, принадлежат нации как целому, было, вероятно, законом каждого из народов земли в пекий период их истории». Когда некое число людей объединяется по добровольному согласию в единое целое, именуемое нацией, и берет себе определенные земли (или, что равнозначно, *присваивает их* с разрешения, прямого или косвенного, других наций), то этот акт есть не что иное, как действие верховной власти, осуществляемое ими сообща (по не сама верховная власть). О заятии земель они правомочны заявить лично либо через уполномоченного или уполномоченных, избранных ими для этой цели.

В своих рассуждениях я не хотел придирааться к предпочтительности того или иного термина. Моим единственным желанием было добраться до истины. Если мне это удалось, то я осмелюсь сказать, что правления существуют столько же, сколько существуют люди. Они принимали разные формы, порой едва различимые, а иногда занимали все наше поле зрения, лишая нас возможности различать их крайние проявления. По моему убеждению, мне удалось доказать, что нация есть правление, а

правление — нация. Фактически это взаимообратимые понятия. Прославленные писатели³⁷ полагали, будто есть нации, не имеющие управления и законодательства. Это объясняется слишком *большими различиями* между нациями. Те нации, которые являлись предметом их размышлений, настолько отличались по *форме, целям и пределам власти*, что они усматривали в одних нациях все, а в других — ничто. Но мы обязаны помнить о множественности способов, которыми вершится управление и проводятся в жизнь законы. Мы вправе признать правительство существующим, когда оно озабочено тем, как распорядиться горстью песка, и когда его труды сказываются на судьбах сотен миллионов людей.

Глава 3

О ДЛИТЕЛЬНОСТИ ПРАВ НА СОБСТВЕННОСТЬ

Отстаивая свою точку зрения на право собственности, я был вынужден в предыдущей главе многое сопоставлять и многое опровергать. Ради исчерпывающего понимания предмета, казалось мне, необходимо установить, что есть собственность, а для этого выяснить, что ею не является. Напрашивается вопрос: разве не может человек вдыхать воздух полной грудью; разве не может он раскрыть глаза и любоваться светом; разве не может его тело занимать часть пространства и при этом не ощущать потребности в законодательстве? Разумеется, да! Все перечисленное — неотъемлемые стороны бытия каждого индивида, *в одинаковой степени* доступные всем, и *в этом проявляется их равенство*. Сии действия имеют отношение к *личным* правам, но ни в коей мере не к праву собственности. Мы вполне могли бы назвать их негативным правом, т. е. правом не нести урона по милости других лиц. Все человечество придерживается сего неоспоримого мнения. Никто его не опровергает, а, стало быть, нет смысла углубляться в обсуждение данного вопроса.

Зато нескончаемые споры вызывает все, что связано с владением землей и ее плодами, точнее, *правом* на владение ими. Именно этот вопрос требует уяснения. Чтобы дать на него

верный ответ, я был вынужден доказывать и, падеюсь, доказал, что *овладение, занятие* или приложение *труда* не дают права на собственность. Тому есть две причины. Во-первых, права не сотворены и не пожалованы людьми, но существовали, существуют и будут существовать независимо от них. Следовательно, никто не властен разрушать их. Во-вторых, владение собственностью нельзя считать законным, если на него не дано *согласие* тех, кому она принадлежит. Если *есть* подобное согласие, то бессмысленно выводить право на собственность из факта овладения ею. Если же согласия *нет*, то любое «право» не стоит и гроша. Любой хозяин собственности, который по недомыслию начнет обосновывать свои права не согласием общества, а тем малозначащим обстоятельством, что собственность оказалась в его руках, строит свои доводы на весьма зыбкой почве. Ведь, если, завладев вещью, я получаю на нее право, то в недолгом времени мошенничество, воровство, грабеж или насилие распоясавшейся толпы могут наделить правом на данную вещь кого-нибудь другого. Посему стоит крайне осторожно ссылаться на подобный источник права. Если же кто-то не способен пайти более верную основу своих прав, то вскоре он может лишиться всего и пожалеет, что уповал на «право», которому грош цена.

До сих пор я относил к собственности лишь то, что *создано* самой природой. Объясню почему. Вообразим, будто общество, правительство или любой иной институт, обозначаемые синонимами данных понятий, предоставили мне для

занятий трудом мрамор, причем по той цене, по какой его поставляет природа, т. е. даром. Тогда, пожалуй, я соглашусь назвать собственностью тот *труд*, который я вложил в мрамор, высекая статую. И все же я остаюсь при мнении, что именовать собственностью достоин только *материал*, а труд, умение и т. д. по сути своей не более чем проявление *личных* дарований, которые всего лишь увеличивают *ценность* материала. Поскольку я распоряжаюсь как материалом, так и его ценностью (первым в силу моего естественного права на собственность, вторым — в силу права личности), мы можем именовать их *как угодно*. В данном случае неверные термины не исказят существа предмета.

Как любой из нас, я не склонен вдаваться в частности, понятные каждому и потому излишние. Но, вопреки желанию, я был вынужден пойти на это, ибо обнаружилось, что предмет моего исследования окутан плотным туманом заблуждений. Чтобы уберечься от них, мне пришлось свернуть с прямого пути, которым я намеревался идти.

Кроме того, вскоре станет понятно, что я считаю наилучшей формой труда раздельный, индивидуальный, независимый труд, подобный пыле преобладающему, но целиком подчиненный личному благу человека. Конечно же, у меня не было и мысли о том, чтобы правительство руководило, надзидало или как-то вмешивалось в труд людей, разве что его принудила бы к этому забота о процветании общества в целом. К примеру, в управлении может нуж-

даться торговля с другими странами. Каждый человек лучше, нежели правительство, знает, как выгоднее применить свой труд, свои дарования, возможности, преимущества, собственность и т. д. Сия истина, я полагаю, неопровержима по самой своей сути. Следовательно, труд индивидов в совокупности принесет намного больше пользы, если верховная власть не будет регулировать его, позволит каждому беспрепятственно и спокойно идти по избранному пути. Причина вполне очевидна. Чтобы *найти* наилучшее применение труду того или иного человека, верховная власть должна прежде всего выяснить пожелания всех членов общества. Пока это происходит, потребность в руководстве общественной власти, скорее всего, отпадет. Труд и время будут потрачены впустую. Чем обширнее территория, чем многочисленнее общество, тем неразумнее подобная система.

Итак, по моему убеждению, каждый член общества должен иметь свободу распоряжаться своим трудом по собственному усмотрению, за исключением, пожалуй, необходимых и полезных общественных работ, связанных с дорогами, мостами, каналами и т. д. Посему мне нет нужды исследовать данный вопрос подробнее, чем того требует цель моей книги — обеспечить каждому индивиду равную долю богатств нашего мира, в которую, стремясь достичь счастья, он мог бы вложить свой труд.

Таков предел моих желаний. Так или иначе, но эту долю или часть должен получить каждый человек. Следует позаботиться, чтобы в дальнейшем ее передача причиняла наимень-

шие неудобства и наносила как можно меньший убыток труду каждого поколения живых. Этим качеством обязана обладать любая новая система, предлагаемая к установлению в обществе.

Однако путь к введению новой системы преграждает серьезное препятствие — повсеместное распространение ложных представлений о сроках или продолжительности прав на собственность. Их действие ограничивается на много более коротким временем, чем принято считать. Надеюсь, в дальнейшем читателю станет ясно, что именно это заблуждение было коренной, решающей причиной воцарения в мире чудовищного неравенства богатств и состояний. *Как долго* может человек владеть собственностью? Сей важнейший вопрос требует ответа.

Давайте начнем его поиски по возможности с самого простого способа.

Вообразим, что сотворен мир, подобный нашему, но пока еще необитаемый. Он не являлся бы собственностью, ибо существование собственности предполагает существование ее владельца.

Если в этот мир вселить лишь одного обитателя, то мир и все находящееся в нем стали бы его собственностью. Разговор о каких-либо правах был бы лишен всякого смысла, поскольку наш обитатель владел бы всем безраздельно, ибо некому было бы разделить с ним этот мир. Если бы мир был вечен, а его обитатель — бессмертен, то он владел бы им вечно. Он владел бы им навеки. Если же ему был бы отпущен определенный срок жизни, он владел бы

миром в течение данного времени, но не долее. Конец его жизни стал бы окончанием его владения, равно как гибель *мира* означала бы то же самое, даже если обитатель и уцелел бы. Немыслимо считать человека владельцем того, что не существует, как невозможно считать индивида, *отошедшего в небытие*, владельцем того, что по-прежнему существует. Как только вещь или ее владелец перестают существовать, тотчас же прерываются те *отношения* между владельцем и имуществом, между обладателем и обладаемым, которые мы именуем собственностью. Собственность не может существовать дольше, чем отношения, составляющие ее основополагающее свойство. Пока человек жив, его право на землю абсолютно и всеобъемлюще. Умирает он, умирает и его право. Умерев, он обратился в бездушное вещество, во прах, который ветры небесные могут развеять во все стороны, и его не соберет вновь воедино ни одно существо, не наделенное всемогуществом. Прах не может быть собственником. Лишь разумное существо в состоянии владеть чем-либо. *Разум* — главное условие, предъявляемое к собственнику. Дерево не может владеть другими деревьями. Нет разума — нет собственника. Нет вещественной материи — нет и собственности. Вещество не может владеть веществом. Лишь извращенный ум способен вымыслить подобную чушь.

Неужели человек, владевший собственностью, не смеет надеяться, что после его смерти ею распорядятся согласно воле, выраженной им при жизни? Я отвечаю — нет, разве что он

сам создаст собственность, сотворит ее своими собственными руками. Не могу ли я, в свою очередь, спросить: кто тот творец, который способен пережить собственную смерть? Или в стремлении пережить самого себя больше здравого смысла, чем в намерении ящерицы повелевать будущей судьбой глыбы прекрасного мрамора, поелику она, дескать, всю жизнь проползала по пей? Намного ли разумнее человек? Предуготованный к краткому пребыванию на земле, которую *бесспорно* сотворил не он, человек есть не кто иной, как временный владелец, а посему, расставаясь с жизнью, он обязан отринуть даже мысль о том, чтобы поучать или помыкать своим преемником. Ну а если преемника нет, то какой прок настаивать на таком, а не ином использовании своей бывшей собственности, если твои распоряжения некому исполнить? Предположим, что у вымышленного нами единственного владельца земного шара нет преемника. Умерев, он перестанет владеть землей, ибо вещество, разумеется, не может быть хозяином вещества. С какой же стати мы обязаны считать, будто он получает право на посмертное владение, если у него обнаруживается преемник? Разве преемник привносит в мир какие-либо иные права, кроме тех, что принадлежат ему? Разве он паделает прежнего владельца некими правами, которых тот не имел бы, не появившись у него преемник (причем паделает во вред самому себе)? Неужели права предшественника возрастают, а преемника уменьшаются лишь потому, что они оба жили в разное время? Если, не имея преемника, чело-

век не вправе распоряжаться своим бывшим добром, то неужели с появлением преемника он приобретает такое право? Если мы признаем это, то мы даруем человеку власть вершить судьбы созданий, во всем ему подобных, по родившихся позже него. Живи они в одно время, у него и в помине не было бы такой власти.

Кроме того, преемник не в состоянии чем-либо обеспокоить или потревожить своего предшественника, ибо тот ушел в небытие. Так позвольте спросить, на каком основании уже не существующему *предшественнику* дозволено вмешиваться в дела того, *кто* не тревожил и не может потревожить его. Разве недостаточно ему того, что он распоряжался отпущенной ему жизнью по своему усмотрению? Что он трудился и отдыхал, когда ему хотелось? Что своим трудом он увеличивал ценность природных материалов или, потакая своим желанием, разрушал их? Если его труды принесли ему больше, чем он способен потребить, то кто в этом виноват, как не он сам? Если, покидая мир, человек видит его не столь пустынным и диким, как в начале жизни, то неужели он будет *удручен* тем, что не может вернуть его в первоначальное состояние? Полностью пройдя избранный им самим жизненный путь, неужели он будет настолько неразумен, что запретит преемнику самостоятельно выбрать дорогу в этом мире? Допустим, первый владелец мира имел право распоряжаться им по своему усмотрению. Но откуда у него взялось право принуждать преемников *исполнять* свою волю? Хорошо, предположим, будто у него есть *право*

потребовать, чтобы преемник следовал его указаниям. *Но где власть*, к которой он мог бы обратиться, если преемник не повинуетя ему? А если такой власти нет, то позвольте спросить, что это за вид права, который не подкрепляется соответствующей властью. Между людьми таких прав не бывает.

Каждому *праву сопутствует власть*, утверждающая его. Конечно, подчас люди не видят, сколь велики их права, но стоит им прозреть, и никакая власть не сможет возбранить им пользоваться сими правами. Иначе обстоит дело с правами умерших. Они недействительны, ибо являются издевкой, падругательством над человеческим разумом.

Вдобавок позвольте полюбопытствовать: каково *предназначение* посмертной власти над собственностью? Призвана ли она ублажать мертвецов? Но они ничего не чувствуют. А если бы и чувствовали, то их удовольствие с лихвой оплачивалось бы мучениями живых. Быть может, посредством своей власти покойник способен предотвратить бедствие или кого-нибудь облагодетельствовать? Это немыслимо, ибо плоды его власти проявятся лишь тогда, когда повелитель собственности уже не сможет ощущать ни мук, ни радости. Или она должна потворствовать тщеславию человека, позволить ему с гордостью вещать: «Сию собственность я оставляю вам!». Благородный человек! Ты оставляешь нам то, что не в силах унести с собой! Твое благородство достойно преклонения не меньше, чем благородство душегуба, который за миг до того, как его вздернут на висе-

лице, объявляет, что решил никого больше не убивать!

Мне могут сказать, что наш вымышленный первый обитатель земного шара оставит преемнику не только землю, но и свою мудрость и опыт. Прекрасно! Однако, когда нам *повелевают* пользоваться чужой мудростью или опытом, невольно закрадывается сомнение: а достойно ли то, что пытаются нам навязать, импозоваться этими словами? Ведь на поверку сие может оказаться верхом невежества и глупости. Если подобное распоряжение является не требованием, но последней *волей* умирающего, то оно не более чем просьба об исполнении сокровенного желания. Излишне просить преемника воспользоваться твоим опытом и мудростью. Ему и так доступно все, что может дать этот источник. Честолюбие побудит его обратиться к нему. Преемник пополнит им свои личные обретення, и потому можно быть уверенным, что мудростью он превзойдет своего предшественника, ибо получит совокупность знаний. Вне всяких сомнений, преемник должен сам распоряжаться своей жизнью, хотя бы потому, что он сделает это лучше кого бы то ни было. А посему так называемое *право* завещания, т. е. право посмертного распоряжения собственностью, не имеет никаких оснований.

Для большей наглядности и ради исчерпывающего уяснения вопроса представим себе, будто два человека, о которых мы вели речь, в равной степени умны. Но ведь и у преемника будут свои преемники, тоже обладающие равными правами, которые, надо заметить, никоим

образом *не могут* ущемить прав предшественника. Если бы власть над собственностью принадлежала одному-единственному человеку, вся заслуга коего состоит лишь в том, что он появился на свет раньше других, то права преемников будут нарушены, ибо в отпущенное природой время каждый из них вправе распоряжаться собственностью так же, как и ее первый владелец. Не может быть исключений из наипервсйшего закона справедливости, который утверждает приоритет воли большинства над желаниями меньшинства. Но если один человек наделяется властью монарха над всеми своими преемниками на вечные времена, то закон справедливости, бесспорно, попрап.

До сих пор я рассуждал о *праве* первого владельца мира повелевать своими преемниками. Взглянем на вопрос с другой стороны. Мы уже убедились, что первый владелец не может наделять кого бы то ни было правами, продолжительность коих превышает срок его жизни. А раз так, то справедливость не позволяет преемнику принимать от своего предшественника какие-либо права, даже если сам он иного *мнения*. То, что нельзя пожаловать, нельзя и получить. Второе неизбежно вытекает из первого. Если нет одного, нет и другого. Если человек, коего наделяют правами, *верит* в мнимую законность завещания, суть дела все же не меняется. Обман, в том числе и самообман, не может служить основой прав. Права существуют сами по себе, они — неизбежность, которую нельзя обойти. Человек обладает ими, потому что существует! Они принадлежат ему, по-

сколько он живет и нуждается в них. Умирает он — гибнут они, так как права уже не могут принести ему пользу. Умирая, он вновь обращается в неодушевленную материю, которая не имеет никаких прав и не может их иметь, ибо права — достояние исключительно живых. Кроме того, почему обман может служить основой прав преемника, но не предшественника? К примеру, предшественник *возомнил*, будто мир и впредь останется в его владении навсегда и станет следовать его воле (полагаю, я полностью доказал нелепость подобных чаяний). Почему бы ему не повелеть: «Не приближайтесь к сим поместьям! Повелеваю — пусть сей дивный чертог природы, в коем отыскал я наслаждение, достанется зверям лесным и птицам небесным. Пусть ни единый человек не обитает в нем! Незамедлительно изгоните его прочь, если он дерзнет войти сюда»? *

Неужели человеческий разум способен измыслить подобное использование земли? Так зачем паделать людей *властью* отдавать подобные распоряжения? Пусть даже *не столь* безумные, а *просто* нелепые? Пусть хитроумный софист, плетущий паутину из уловок, дабы сокрыть права людей, не уваливает от ответа, не заверяет, будто при нынешнем устройстве правительства сие завещание сочли бы свидетельством помутнения рассудка и признали бы недействительным. Конечно, так могло бы случиться. Но не разумнее ли будет исправлять

* Перефразировано из Барлоу («Обращение к привилегированным сословиям». С. 31)³⁸.

неверные, хотя и не безумные решения судов, признавая *их* недействительными? Ведь бездумное исполнение воли завещателя — своего рода помешательство, исцелить которое обязано общество живых людей, *поскольку любое завещание затрагивает именно его интересы*. Необходим надзор за всеми завещаниями. Противоречащие интересам живых (лишь они могут судить об этом) должны объявляться не имеющими силы, а их недочеты исправляться надлежащим образом. Тогда завещания превратились бы в никчемную вещь и можно было бы сделать следующий шаг — отменить их вообще.

Итак, то, что нельзя отдать, нельзя и получить, а тем, что нельзя получить, нельзя владеть, по следует вернуть законному хозяину по первому его требованию. Скажем, обладатель краденых вещей, даже непричастный к краже, а получивший их, допустим, в наследство, обязан вернуть имущество законному владельцу и смириться с убытком, коли не удастся его возместить. Если лишь часть имущества принадлежит человеку незаконно, он обязан отступить от нее, все прочее добро остается у него. Нет права, позволяющего силой или обманом владеть чужой собственностью. Виновный должен понести наказание.

Из моих слов явствует, что при верном постижении сути предмета, понятный «завещатель», «завещание», «наследник» просто не существует. Они не более чем измышления закона. До тех пор пока люди, преднамеренно или без умысла, будут терпеть эти выдумки, собственность неизменно будет переходить от людей, имеющих на

нее подлинное и честное право, к тем, у кого его нет. Если бы пазваппые понятия были не вымыслом, но соответствовали действительности, а власть завещаний отвечала велениям разума и природы, то сын солдата, наверное, наследовал бы мужество отца, сын поэта — его вдохновение, сын художника — его талант, сын государственного мужа — его политические дарования, а дочь — красоту и совершенства своей матери. Однако мы не можем ограничиться только такими предположениями. Ведь если детям могут передаваться *лучшие* черты родителей, то, стало быть, могут и *дурные*? Не доводилось ли нам лицезреть отпрысков, которые, наследуя отцовское имение, вполне заслуживали унаследовать в придачу и *петлю на шею*?

Конечно, мои рассуждения о завещаниях отпосились к вымышленной ситуации, когда предполагалось, что миром владеет один человек. Однако, несмотря на эту оговорку, становится очевидным, сколь много глупостей, гнусностей и несправедливых деяний порождает принцип, подчиняющий собственность воле ее бывшего владельца, выраженной устно или письменно. Нам еще предстоит увидеть, какие изменения произойдут, если вместо единственного обитателя земного шара на нем поселится множество людей, численность которых будет достаточной для образования целых стран.

Начну с предположения, что сии люди согласились разделиться на некое число наций и по доброй воле поделили весь земной шар между собой. Поделили настолько равно, насколько

это было возможно, и все остались довольны разделом.

Теперь возьмем любую из наций и воспользуемся тем ходом рассуждений, к коему я прибегал, говоря о единоличном владельце земли. Там, где этот способ окажется неприемлем, будем действовать по обстоятельствам.

Представим себе, что рассматриваемая нами нация состоит из людей бессмертных. Кроме того, их численность неизменна. В таком случае право *нации* на собственность будет вечным. Если по каким-то причинам ее право станут оспаривать, значит, обнаружилось, что земля была разделена между нациями неравно. Думаю, нам стоит предположить, что нации сообща обладают властью утверждать равенство и перераспределять между собой собственность до тех пор, пока проблема не решится полностью или по крайней мере различия в собственности станут несущественными. После установления равенства нации сообща имели бы бесспорное право припуждать отдельные народы переселяться на новые места. Но так как переселение приносит лишь вред, то не будет повода для подобных распоряжений, а следовательно, никто их и не отдаст.

Поскольку все индивиды нашей вымышленной нации бессмертны, то завещания им не нужны.

Теперь предположим, что они не бессмертны, а умирают, прожив недолгое время, и оставляют после себя преемников.

Они вправе сообща владеть своей собственностью. Они могут договориться о совместном

труде. Они могут запретить срывать даже яблоко без дозволения общества, а могут позволить есть их невозбранно. Они могут промотать все свои средства к существованию. Они имеют полное право именно так распорядиться собственностью, выделенной им остальными пациями. Другой вопрос, насколько разумно и оправданно подобное ее использование. Но ни в коем случае нельзя ставить под сомнение их право на такой выбор.

Не можем ли мы и здесь применить наш прежний способ рассуждений о власти завещаний? Я доказал, что, умирая, единоличный владелец мира или некой его части не вправе преподнести мир в дар кому бы то ни было. Точно так обстоит дело и с пациями, так как ни пация в целом, ни образующие ее индивиды в отдельности не имеют власти, которая не окончилась бы с их смертью. Увеличение числа лиц или предметов не меняет сущности принципов. Справедливость едина для сотен тысяч, миллионов или вообще не существует ни для кого. Однако появляются новые вопросы, требующие ответа. Я говорил, что с разрешения общества человек вправе сорвать и съесть яблоко. Яблоко съедено, оно исчезло, и больше мы его не увидим. Но ведь так происходит не со всякой вещью. Своей властью общество может выделить в распоряжение индивида лук или стрелу. Он ими пользуется, но не уничтожает. Они сохраняются и, возможно, переживут своего владельца. Они были его имуществом, поскольку он получил их от подлинной власти на основании своего права, равного правам остальных.

Если мы предоставим ему право дарить (в предчувствии кончины) указанные вещи, то почему бы не разрешить ему подарить кому-нибудь свою часть общей земли или другой совместной, не разделенной собственности? Почему бы не позволить человеку, дышащему на ладан, преподнести в дар другому лицу свою часть Великого канала?³⁹ Или свою часть общественных дорог и улиц? Фонарных столбов? Ведь их тоже можно разделить. Если мы в принципе признаем власть завещаний, указанное имущество несомненно должно быть поделено, причем сделать это не трудно. Кто осмелится утверждать, будто завещатель не вложил своей собственности в это достояние. Напротив, оно оплачено его деньгами (таково убеждение не только его, но и общества в целом). Разумеется, в отличие от банковского вклада человек получает не расписку, не сертификат, а лишь квитанцию об уплате налога, но в остальном различий нет. Если мне возразят, сказав, будто, *отдав* свои деньги народу, он не вправе дарить их вновь, то я отвечу вопросом: что *есть* народ? Разве этот человек не относится к народу? Разве он не член сей общности? Или как совладелец он не *равен* своим согражданам? Более того, если руководствоваться господствующими принципами оценки собственности, принадлежащей совладельцам, то, быть может, он имеет большее право на эти предметы, нежели многие из его сограждан, ибо его вклад был *крупнее*. Вряд ли можно утверждать будто он не вправе дарить упомянутые предметы, так как, давая на них деньги, он надеялся с их по-

мощью увеличить ценность остальной своей собственности. Разве не может завещатель отказать ферму некоему г-ну А и в то же время завещать г-ну Б окружающий ее забор, деревья или дерево? Разве он не может разделить или поделить свою собственность так, как ему угодно? Если нет, значит, он может пользоваться своими правами лишь в определенных пределах, а если его права могут быть ограничены, следовательно, они могут быть отменены вообще.

Неизменный и безусловный запрет передавать по завещанию фонарные столбы объясняется просто: когда речь идет о собственности подобного рода, власть считает себя последним усопшим. Но если воля умирающего священна, если завещания вообще имеют право на существование, то можно ли мириться с подобными деяниями власти? Почему бы общественной власти не установить, основываясь на избранных ею принципах, какая часть дороги, улицы, канала, сколько фонарей причитается данному человеку, дабы перед смертью он мог распорядиться ими наравне с прочим своим имуществом? Нелепо утверждать, будто эти предметы нельзя разделить. Если не сами предметы, то их стоимость несомненно может быть поделена. Каков бы ни был ее процент, причитающийся индивиду, общественная власть обязана позаботиться о том, чтобы он мог им распорядиться. Надо либо так и поступать, либо полностью отказаться от завещаний, иначе невозможно оставаться последовательными.

Мои рассуждения о несправедливости или неправомерности завещаний, вероятно, убедят доброжелательного читателя. Однако сей предмет можно подвергнуть более точному, я бы сказал, математическому исследованию, вникнув в которое любой человек без колебаний отречется от права на завещание.

Тот, кто отстаивает законность и справедливость завещаний, обычно утверждает следующее:

1. Люди *приобретают* собственность своим трудом, бережливостью, дарованиями.

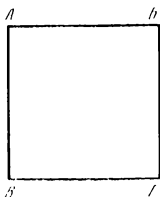
2. Поскольку она добыта указанными способами, они могут распоряжаться ею по своему усмотрению отныне и навек.

3. Посему ни отдельный индивид, ни большинство общества — никто вообще не имеет ни малейшего права отменять или ограничивать власть человека над собственностью.

4. Во имя заботы о своих детях, близких и друзьях человек *должен* обладать правом беспрепятственно приобретать собственность и распоряжаться ею.

Насколько верны эти тезисы? Для ответа на сей вопрос нам придется обратиться к самому началу существования человечества. Что мы там обнаружим? Ничего! Сплошную пустошь, на которой человек лишь начинает оставлять свои следы. Разумеется, она принадлежит в равной степени всем. Она является неразделенной, т. е. совместной собственностью, на которую каждый имеет право, но никто не наделен правом на владение некой обособленной частью или долей, превышающей доли его сотоварищей.

Изобразим эту пустошь в форме квадрата (форма в данном случае несущественна), помеченного буквами АБВГ. Во избежание придиорок к моим рассуждениям условимся, что квадрат изображает весь мир:

Итак, перед нами весь мир. Вообразим себе род неких существ, которые намерены поселиться в нем. Как случилось, что мир стал их собственностью? Разве вселение или, скорее, пребывание в нем равнозначно акту *приобретения*? Это нелено! Ведь даже в их действиях нет их заслуги. Они не сами вселились в этот мир, а были помещены в него Властью, или Неизбежностью, повелевающей ими и собственностью, на которую они притязают, Властью настолько могущественной, что даже не стоит пытаться перечить ей. Так можно ли утверждать, будто люди *добыли* собственность (по крайней мере вначале) трудом, бережливостью или своими дарованиями? Совершенно ясно, что, когда они вступали во владение миром, от них ничего подобного не требовалось. Истина состоит в том, что собственность (в том смысле, как я ее понимаю) имеет совсем иное происхождение. Она есть дар Бога, если,

конечно, имеется Существо, сотворившее мир и населяющие его создания. Они получили мир во владение без всяких усилий или действий со своей стороны, а потому не властны распоряжаться им. Мир был дарован всему роду человеческому как единому целому, как совокупности индивидов, а посему он принадлежит в равной мере и трудолюбивому, и бездельнику, и бережливому, и моту, и бездарям, и талантам. По правде говоря, на ранней стадии существования человечества подобные различия были незаметны, ибо они являются следствием более поздней организации общества. Стало быть, тот, кто, рассуждая, о правах на собственность, ссылается на указанные различия, не может не заметить, что он не доходит до истоков, а следовательно, рискует не постичь существо предмета.

Изначально люди получили мир в собственность как дар Творца, создавшего все сущее, но ни единой его части не добыли своим трудом, бережливостью, дарованиями или прочими свойствами. Итак, пока общая собственность человечества не разделена, явно нелепы любые притязания на право завещать, притязания, обоснованием коих служит акт *овладения* собственностью. Поскольку собственность не разделена, то какую часть или долю можно передать по завещанию? *Сам* индивид не вправе установить ее, а общество предпочитает не делать этого. Если бы кто-нибудь потребовал, чтобы после смерти его доля неразделенной, совместной собственности перешла к имярек, то он изрек бы сущую глупость, ибо его пре-

емник, едва появившись на свет, уже обрел бы право на свою долю общей собственности и без права завещания. Конечно, можно предположить, что люди, первыми заселившие этот мир, были способны запретить появляться в нем новым человеческим созданиям. Но такое предположение чересчур невероятно. Оно полностью противоречит всему, о чем свидетельствует история человечества, не ведающая примеров столь немыслимых запретов. Кроме того, запрет был бы несовместим с правами новых поколений.

Вероятно, мне скажут, что земля не может стать объектом завещания, так как она не разделена и является совместной собственностью. Однако с движимым имуществом дело обстоит иначе, а посему оно может передаваться по наследству. Тем не менее только воля общества устанавливает, в чьем владении будет движимая собственность: в личном или совместном. Если большинство общества решит, что движимое и недвижимое имущество (включая одежду) останется совместной собственностью (а оно правомочно принять такое решение), тогда не будет вещей, кои можно передать по завещанию. Во всяком случае, мы убедились: право наследования не могло существовать в период первоначального, естественного состояния человека. Итак, вопреки господствующему мнению, становится очевидно, что данное право — искусственный вымысел человека, а потому общество может отменить и запретить его навеки, если постигнет, сколь пагубно оно для счастья людей.

Мы увидели, сколь неубедительны попытки оправдать завещания, изобразив их неким способом передачи детям собственности, якобы *нажитой* трудом, бережливостью и дарованиями. Очевидно, что при первоначальной, наиболее естественной организации общества собственность указанным образом не приобреталась и не могла приобретаться.

Остается выяснить: имеет ли родитель право передавать детям собственность *при жизни* (так как мы убедились, что после смерти он не обладает таким правом)? Сей вопрос затрагивает, конечно, и обеспечение малолетних детей. Рассмотрением именно этой стороны дела я хотел бы ограничиться. Мне могут сказать, что подобное распоряжение собственностью не имеет никакого отношения к завещаниям. Но у меня нет сомнений: передача собственности детям или другим лицам, совершаемая дарителем при жизни, есть не что иное, как досрочное завещание. То обстоятельство, что наследником является младенец, не меняет его сути. Итак, если у отца нет имущества, которое считалось бы его собственностью (а так обстояло дело в рассматриваемый нами период), нет ничего, что можно было бы отделить от имущества его собратьев, чем он одарит своих детей? Если у него ничего нет, то какой смысл говорить о его праве отдавать дарственные распоряжения? Право дарения предполагает наличие даримого предмета. Если дарить нечего, то логично будет заключить, что права дарения не существует.

Человек, который мнит, будто его собственность *добыта* теми способами, о которых мы говорили, верит, что она, безусловно, принадлежит *исключительно ему* и, следовательно, он имеет право распоряжаться ею как угодно. Но, как я показал, по крайней мере при одной из форм общества или правления собственности *не* приобреталась указанными способами, а стало быть, можно считать доказанным: человек вообще не имеет собственности, которую он добыл бы своими силами. Даже если я и не сумел это доказать надлежащим образом, ничего не меняется. Ибо, хочу заметить, люди защищают свое *право* распоряжаться так называемой собственностью ссылками на то, что им должны позволить передавать ее детям. Однако, поразмыслив, каждый поймет: если собственность признана принадлежащей отцу, *он и только он* является ее владельцем. Она не принадлежит никому другому, будь то сын, друг, родственник или незнакомец. Согласно той теории права собственности, которую мы рассматриваем, отец может поступать со своим имуществом как ему заблагорассудится. Стало быть, *он вправе уморить голодом свое дитя* и его ни в чем нельзя будет упрекнуть. Вот до какой чудовищной глупости могут дойти люди, отстаивая право на абсолютное и исключительное владение собственностью.

Но вернемся к состоянию общества, при котором вся движимая и недвижимая собственность была совместной, и посмотрим, как тогда обеспечивались дети в младенческие, бес-

помощные годы. Если возвести в принцип тезис, согласно которому ребенок должен рассчитывать только на помощь своих родителей, обнаружатся ужасные последствия. Данный принцип, разумеется, предполагает, что ребенок не имеет права на равную или неравную долю общей собственности. Все, чем он располагает, перепадает ему от *щедрот* родителей. Прекращается их помощь, обрывается и жизнь ребенка. Довольно легко можно доказать, что подобное происшествие было бы весьма вероятным при упомянутой форме правления обществом, собственность коего не разделена. У большинства родителей, к примеру, было бы трое детей, а у остальных — от трех до двенадцати. Поскольку данная форма правления признает лишь *глав* семейств, то, стало быть, только они вправе притязать на равную долю диких и выращенных плодов земли, коими они могли бы прокормить домочадцев. Но если не оправдаются надежды на плодородие земли, что случится с самыми многодетными семьями? Урожая хватит для пропитания небольших семей, и *только*. А многодетные семьи обречены на муки, если не на гибель! Таково прямое и непосредственное следствие принципа, заставляющего ребенка рассчитывать только на поддержку родителей. Тем не менее, согласно праву на безусловное владение собственностью, коего домогается большинство людей, ребенок не смеет надеяться даже на помощь родителей, поскольку подобные упования, как я доказал, несовместимы с абсолютным правом на собственность!

Однако, если бы правительство распределяло собственность между семьями сообразно числу домочадцев, оно тем самым отвергло бы принцип, обязывающий ребенка полагаться только на родителей, и признало бы, что он вправе требовать поддержки от общества. Следовательно, его надежды опирались бы на единственно верную основу — на *право* получения помощи от общества, а не на *милосердие* родителей или иных лиц. Родители всего лишь доверенные лица, посредники, обязанные передавать детям то, что выделяет им общественная власть. Они не смеют ничего утаивать или лгать, будто сами помогают детям. Дети получают помощь в соответствии со своим *собственным* правом, а не по соизволению родителей. Это следует из того, что многодетные семьи владеют большим, нежели меньшие по численности, а дети, потерявшие родителей, имеют столько же, сколько и дети, чьи родители живы. Конечно, нелегко сослаться на историю какой-либо нации, которая действительно обратила бы все движимое и недвижимое имущество в общую собственность. Но правота моих наблюдений подтверждается историей тех состояний общества, которые наиболее близки к обрисованному мною.

Итак, в обществе, где все движимое и недвижимое имущество является совместной собственностью, человек не имеет права ничего дарить или завещать. Давайте теперь посмотрим, появится ли у него подобное право в обществе, в котором общая собственность отсутствует, но все находится в личном и безу-

словном владении. Возьмем снова квадрат, изображающий мир, но уже паходящийся целиком в частной собственности, так как первоначальное и естественное положение человека осталось в прошлом. Ради удобства доказательства предположим, что все население земли состоит из ста семей. Разделим квадрат ДЕЖЗ поровну между ними:

Д									Е
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
21	22	23	24	25	26	27	28	29	30
31	32	33	34	35	36	37	38	39	40
41	42	43	44	45	46	47	48	49	50
51	52	53	54	55	56	57	58	59	60
61	62	63	64	65	66	67	68	69	70
71	72	73	74	75	76	77	78	79	80
81	82	83	84	85	86	87	88	89	90
91	92	93	94	95	96	97	98	99	100
Ж									З

Я разделил его поровну, поскольку предположил, что земля повсюду одинаково хороша, а, кроме того, члены общества (если они, конечно, понимают свои равные права), конечно же, не допустят неравного раздела. Тот, кому не досталось бы равной и естественной доли, получил бы в возмещение нечто абсолютно равноценное. Не стоит усложнять наше исследование рассуждениями о возмещении, а посему условимся, что мир был поровну поделен между всеми.

Несомненно, общество полномочно разделить равную и общую собственность, выделив

одной семье первый маленький квадрат, или сектор, другой — следующий и т. д. Ни одна семья не имеет права паставать на выделе-нии ей данного квадрата, а не иного, скажем именно квадрата № 1 или № 100. Кому будет принадлежать тот или иной квадрат, определя-ет *большинство* семей. Только так можно со-блюсти справедливость и равноправие.

Общественная власть вправе установить *срок, в течение которого* квадрат, или сектор, будет принадлежать данной семье и считаться ее собственностью. Она может ограничить срок одним годом, выделяя затем каждой семье новый квадрат взамен принадлежавшего прежде. История знает примеры подобной практики. «В те времена, когда деньги были редкостью, египтяне вынуждены были наделе-лять воинов земель. Можно предположить, что возникало немало споров, ибо из-за различий в плодородности почвы урожай не мог быть оди-наково хорошим на всех наделах. Дабы иско-репить эти раздоры, законодатели постановили ежегодно менять военные наделы, передавая их от одного воина к другому, чтобы человек, владевший плохими землями, получил бы затем лучшие» *.

Египет — не единственная страна, в которой частная собственность на землю ограничива-лась годичным сроком. Историки сообщают: «Состояние собственности в Перу по своему своеобразию не уступало религии и в равной с ней мере способствовало формированию спо-

* *Пау.* Философские рассуждения о египтянах и китайцах. Т. 2. С. 276 ⁴⁰.

койного характера людей. Все земли, пригодные для возделывания, были разделены на три класса. Один был посвящен солнцу, и все, произраставшее на нем, отдавалось для совершения общественных религиозных обрядов. Второй принадлежал Инке и шел на содержание правительства. Третья, *самая большая* часть земли давала средства к существованию народа и делилась среди него. Однако ни один человек не имел права исключительного владения („исключительный“ здесь означает вечный) выделенным ему паделом. Он паходился *в его собственности в течение года*, а затем производился повый раздел, учитывавший *знатность, численность и степень нужды* каждой семьи. *Все* земли возделывались совместным трудом всего общества. Люди, созванные соответствующим чиновником, вместе шли на поля и отработывали свой общий урок, а песни и музыка подбадривали их во время трудов» *.

При том разделе собственности, который я показал на схеме ДЕЖЗ, сто семей, точнее, их большинство имело бы, бесспорно, право устанавливать срок, в течение которого каждая семья владела бы данным паделом. Совершенно очевидно, что эти сто семей не сами приобрели свою совокупную собственность, ибо она является той самой собственностью, которую мы представили ранее на схеме АБВГ. Столь же очевидно, что ни одна из семей *не приобре-*

* Эррера — цитируется по «Истории Америки» Робертсона. Т. 3. С. 166 ⁴¹.

ла своего сектора (см. схему ДЕЖЗ) своим трудом, бережливостью или дарованиями. Как и в примере, о котором мы говорили выше, *собственность*, равно как и *люди*, притязающие на владение ею, обязаны *существованием* и *обитанием* в этом мире не своим усилиям или действиям, но Силе (или Власти), стоящей над ними. Лишь в одном заслуга людей — в том, что каждая семья владеет своим сектором (первая — № 1, вторая — № 2 и т. д.) по общему согласию, иными словами, взаимному соглашению между собой. Иначе никто не мог бы владеть каким-то отдельным сектором. Все было бы общее.

Итак, если срок владения ограничен одним годом, то по истечении означенного времени все утрачивают исключительное право на свои секторы. Они уже не принадлежат *им*. Если же срок ограничен *десятью* годами (а то поколение людей могло установить любой срок, не превышающий срока их жизни), то тут право каждой семьи на владение определенным сектором аннулируется, едва ми́нут десять лет. Более того, большинство общества вправе выделить каждой семье сектор в пожизненное владение. И если бы все семьи умерли в один день, то власть данного поколения жителей земного шара разом бы прекратилась.

Если участки земли выделяются лишь на год, каким глупцом будет выглядеть человек, который потребует, чтобы ему позволили назначить себе преемника, к которому перейдет его земля, хотя сам он владеет ею *только* благода-

ря согласию большинства своих собратьев. А разве требование станет менее глупым, если срок владения ограничен десятью годами? Впрочем, оно не более вздорно, нежели притязания тех, кто пытается простереть свою власть за пределы отпущенного срока жизни. Любое подобное деяние есть неслыханное посягательство на права. В двух первых случаях был бы нарушен суверенитет и права большинства членов общества, ибо только *большинство* может решить, кто займет те или иные секторы, освобождающиеся по истечении установленного времени. В третьем примере нарушены права грядущего поколения, которое полномочно *само* решать, как разделить собственность, оставшуюся от предшествующего поколения. И на его право никто не смеет посягать.

В случае если срок владения ограничен годом, в течение сего времени все держатели паделов являются абсолютными и безусловными владельцами собственности (*по отношению друг к другу*). Это касается и десятилетнего и любого иного срока, не выходящего за время жизни данного поколения. Когда же срок превышает указанный предел, то налицо вторжение в права следующего поколения. Что касается индивидов, то, к какому бы поколению они ни принадлежали, их права не могут простирается за рамки, установленные большинством. Но в этих пределах права индивидов бесспорны и неотчуждаемы. Что касается поколения в целом, то оно не полномочно наделять кого-либо из своих членов права-

ми в ущерб другим поколениям. У него нет на то власти, я имею в виду нравственную власть, а если оно не обладает властью, то не может паделать правами.

Каждому очевидна нелепость желанія владельца равного надела земли, выделенного ему на год или на десять лет, пазначить себе преемника. Это очевидное вторжение в сферу прав общественной власти, присвоение ее прерогатив. Несправедливость, которую творит одно поколение, вторгаясь в права другого поколения, не так бросается в глаза, поскольку черта, отделяющая поколения, не очень заметна. Все же несправедливость не становится от этого менее вопиющей.

Но давайте изучим вопрос на примере отдельно взятого поколения (как я и делал до сих пор) и выясним, нельзя ли со всеї очевидностью изобличить абсурдность власти завещаний. Предположим, что сто семейств, образующих общество, разделили между собой мир так, как изображено на нашей диаграмме (с. 147). Представим себе, будто индивиды умирают в разное время (так оно в действительности и бывает), по в отличие от реальной жизни не имеют преемников. Если сие маленькое общество позволит завещать имущество, то в итоге может сложиться такое положение, при котором индивиды А, Б, В, Г и т. д. перед смертью откажут свои участки, или, иными словами, собственность, индивиду О, в то время как у всех других останется то количество собственности, которое они изначально получили наравне со всеми. Таким

образом, между О и остальными индивидами (обозначим их последующими буквами алфавита) возникает огромное неравенство, которое сохранится на протяжении всей оставшейся жизни данного поколения. Если бы они, проводя начальное равное разделение земли, могли предвидеть последствия власти завещаний, то ни за что не допустили бы ее.

Крайне нелепо полагать, будто общество, проведя равный раздел бывшей совместной собственности, впоследствии смирилось бы с воцарением принципа, разрушающего установленное равенство. Нации, равно как и отдельные люди, не могут сознательно следовать взаимоисключающим принципам. Они не могут быть сторонниками равенства и неравенства одновременно. Тем не менее к подобной пестурице привела бы власть завещаний, дозволенная обществом, у которого нет преемников. Истина состоит в том, что такое общество, если бы оно существовало или могло бы существовать, обязано было бы принять принцип, согласно которому после смерти одного или нескольких индивидов наделы, принадлежавшие им, дававшие им средства к жизни и счастью, должны быть возвращены тем, кто пережил их. А большинство живых затем распорядится наделами так, как сочтет нужным, невзирая на волю или желания тех, кто уже закончил свое земное существование. *Большинство* общества, и в том нет сомнений, разделил оставшиеся наделы, а также все привнесенные в них усовершенствования поровну между живыми.

Итак, мы убедились, что при системе правления, основанной на совместном владении собственностью или равном ее разделе, нет и не может быть ничего похожего на *приобретение* собственности личными усилиями или деяниями. Следовательно, никто не имеет права своевольно передавать собственность другим лицам, а все *претензии* на данное право не имеют под собой никаких оснований. Однако если с согласия большинства моих собратьев я получил право владеть сектором № 1 в течение года, то, конечно, я могу передать свой надел другому, но только на означенный срок. Если надел отдан мне в десятилетнее пользование, я могу передать его другому на это время, но не долее. Еще раз хочу сказать: если большинство общества, членом коего я являюсь, согласится признать меня *пожизненным* владельцем определенного надела, то я вправе распоряжаться им только в течение своей жизни, но не долее. Я не имею права владеть им дольше срока, предписанного обществом, так как не индивид, но большинство общества наделяет правами и если оно не дало права на владение *определенной* частью общей собственности, то такого права нет и быть не может. Почему же общество (если рассматривать его как единое поколение) не может наделить кого бы то ни было правом на владение собственностью, срок действия коего превышал бы продолжительность жизни индивида? Потому что оно само не обладает такой властью. Не только люди, но и поколения равны между собой. Если мы позволим прошлым

поколениям простирает действие своих законов или установлений на последующие поколения вопреки их воле и согласию, то мы признаем принцип, разрушающий равенство поколений. Ибо если грядущее поколение не в состоянии помешать нам, ныне живущим, то мы способны помешать ему, если, конечно, потомки не возмутятся нашим вмешательством и не окажут ему сопротивление.

Следовательно, нелепо утверждать, будто после равного раздела собственности, *приобретая имущество другого индивида*, человек обретает право на владение, действие коего превышает тот срок, на который собственность была отдана в распоряжение первого владельца. К примеру, общество предоставило мне в пользование *только* на один год некий надел, а я уступил свои права другому на *больший* срок, тем самым я совершил явное мошенничество, и никто не позволит моему партнеру по сделке наживаться на подобном обмане. То же самое относится и к *десятилетнему* сроку владения или *пожизненному*. Система, допускающая право передачи собственности независимо от продолжительности жизни владельца, допустила бы ее и при годичном и десятилетнем сроке пользования. А это означает признание принципа не менее чудовищного и несправедливого, нежели тот, который позволял бы человеку дарить больше, чем он имеет; арендатору распоряжаться землей дольше, нежели было условлено с хозяином, во вред другим арендаторам.

Итак, из наших рассуждений вытекает, что мир в том виде, в каком он предстает перед нами, есть великий домен, являющийся безусловной собственностью Верховного существа, Фатума и т. д., как бы ни именовали его люди. Каждое поколение в свой черед становится его арендатором. Все индивиды одного поколения обладают равными правами: сами поколения равноправны и обязаны не вмешиваться в дела друг друга.

Если мы рассмотрели предмет с правильной точки зрения, то можно считать установленной следующую истину: *все, что есть* в мире,—общая собственность человечества, принадлежащая в равной мере каждому индивиду и каждому поколению. Люди, не задумывавшиеся глубоко об этом предмете, как правило, полагают, будто они имеют право отдавать кому угодно те плоды своих трудов, в которых не пуждаются, даже если *все*, чем богат мир, извечно принадлежало всем в равной мере. Им следует понять, что плоды *труда*, которые они желают завещать, не являются каким-то особым, отдельным видом собственности. Они неотделимы от материалов, принадлежащих не только большинству ныне живущих, но и будущим поколениям. Смею ли я завещать свой труд или его произведения, если вместе с ними я вынужден дать то, что не является моей собственностью. Если мы возведем в принцип и узаконим такой порядок, при котором человек, вступающий, согласно своему праву, во владение неким материалом, вкладывающий в него свой труд, обретал бы *тем самым* право

собственности на него, а стало быть, и право распоряжаться им по своему желанию, то избранный нами принцип уничтожил бы *in toto*⁴² права всех последующих поколений. Ибо стоит мне лишь *огородить* поле, выделенное мне моими собратьями, или удобрить его, как я превращаю его в свою безусловную собственность и могу, если вздумается, запретить всем, кто будет жить после меня, владеть им. Ссылаясь на упомянутый принцип владения собственностью, мы могли бы сжечь все леса, дабы они не достались будущим поколениям. Будь это нам под силу, мы разрушили бы и угольные шахты. Как известно, глину, обработанную огнем, пельзя верпуть в первоначальное состояние. Стало быть, в некое столетие по капризу или произволу властей ее могли бы превратить в нечто негодное для дальнейшего использования. Теория, влекущая за собой столь губительные последствия, не может быть истинной и справедливой.

Нужно признать, что в ряде случаев труд действительно не требует применения природных материалов. Например, врач советует мне, как исцелиться. В оплату я могу оказать ему личную услугу, скажем отпести куда-нибудь его письмо. Но в данном случае ни один из нас не располагает чем-то, что можно завещать потомкам. Совет врача помог мне выздороветь, плод *его* труда — мое доброе здоровье и ничего больше. Я отнес его письмо, и это все, что произведено *моим* трудом. Если же я заплатил ему некими природными материалами, находящимися в моем владении, то мною

передано лишь право пользования ими, которым я наделен. Если они предоставлены в мое распоряжение на год, то, по справедливости, я могу отдать их только на это время или на десять лет, если таков установленный срок. Если материалы отданы мне в пожизненную аренду, он может получить их от меня только в пожизненное пользование, но не более.

Принцип, коим в первую очередь обязаны руководствоваться все правительства, состоит в следующем: раздел общей собственности должен быть равным для всех, а если возобладает убеждение (а так оно и будет, когда люди поймут, как достичь счастья), что пожизненное наделение собственностью является самым разумным, именно этому сроку владения будет отдано предпочтение. Тогда каждый поймет, что в течение всей своей жизни он волен распоряжаться выделенными ему природными материалами как ему угодно; употреблять с наибольшей для себя выгодой. Он поймет, что люди, которые придут за ним, захотят последовать его примеру, если им понравится его способ пользования собственностью. Если же нет, то преемник тем не менее имеет право распорядиться собственностью по-своему, причем и он будет знать, что человек, который сменит его, тоже будет свободен в своем выборе. Общество, организованное указанным образом, уведомит своих членов о том, что они обязаны трудиться для достижения собственного счастья и не сметь, даже под самым благовидным предлогом, вмешиваться в труды остальных. Тогда никто не будет

стремиться завладеть собственностью, дабы, передав своим детям, превратить ее в орудие их господства над детьми других родителей. Каждый будет желать, чтобы все без исключения, как ныне живущие, так и грядущие поколения, сохранили равенство во владении природными материалами и, конечно, средствами, обеспечивающими счастье.

Ради пущей убедительности сих замечаний можно было бы добавить, что господствующее представление о том, кто является последником собственности, а кто — нет, основаны на заблуждении. Если бы земля была равной и совместной собственностью общества, делилась бы поровну между всеми и каждый владел бы своей долей *только в течение года*, то кто посмел бы заявить, что имеет преемника? Кому он мог бы передать право на владение землею, если по истечении года он обязан освободить ее и отказаться от прав на нее? А если срок ограничен 10 годами, то и тогда у кого сыщется преемник? Если и есть преемник — то это само общество, и никто иной! Общество является единственным преемником и в том случае, когда собственность находится в пожизненном владении. После смерти человека она возвращается обществу и оно, исполняя свой долг перед каждым из своих членов, передает лицам, достигшим соответствующего возраста, *их* часть общей собственности и обеспечивает им владение ею на протяжении их жизни. Таким образом, и здесь нет последника в том смысле, как понимается это слово сейчас. Лишь незнание наших прав заставляло

нас мириться с таким употреблением слова «последник».

В приведенных примерах я говорил о людях, чье владение собственностью основано на тех же принципах, что и пожизненная аренда. В дальнейшем станет ясно, что я не настаиваю на полном запрещении продажи собственности. Однако система, которую я ныне представляю свету, твердо отстаивает принцип, согласно коему с концом земного бытия человек или поколение людей теряют право владеть собственностью или распоряжаться относительно ее будущего хозяина. Поясню это на примере денег. Допустим, общество дало мне надел № 46, изображенный на нашей схеме. Я могу продать его кому угодно по справедливой цене (и никак иначе!). Если ко времени моей смерти я все еще владею стоимостью надела (в чем бы она ни выражалась), то она должна быть унаследована обществом, давшим мне надел, от продажи которого я и выручил деньги. Если я получил за него деньги, их надлежит возвратить обществу, причем такую сумму, которой хватило бы для выкупа упомянутого надела или равноценного ему. По сути, здесь есть сходство с залогом на участок. Право распоряжаться ею вручено обществу, которое и решает, кому надел достанется. Предположим, я *продал* свое имущество, а кто-то, неважно кто, дал мне деньги для его выкупа. Точно так же обстоит дело и в данном случае. Преимущества и убедительность моих разъяснений станут зримее, когда мы продвинемся дальше.

С какой бы стороны мы ни рассматривали действие завещаний отдельных лиц и целых обществ, предписывающих определенное использование собственности, личной или совместной, неделимой, мы видим такое обилие глупости, невежества, несуразностей и несправедливости, что остается лишь удивляться, как люди терпели их.

Когда я прибегал к примеру с нациями, для большей доходчивости я домыслил, будто они одновременно вступают во владение отведенными им землями и одновременно прекращают свое существование. Я прекрасно знаю, что в жизни подобное явление невероятно. Но принципы остаются непреложными и в данном случае. Кроме того, я хотел помочь читателю мысленно представить себе поколение людей, заселяющих землю на определенное, ограниченное время, а затем *полностью* уступающих дорогу новому поколению. Благодаря этому приему я смог более убедительно, чем было бы возможно в ином случае, показать читателю явную недопустимость и *бесполезность* вмешательства одного поколения в дела другого. В приведенном примере у живых просто нет возможности сделать это. Что касается вопроса о соотношении прав каждого индивида одного поколения с правами индивидов последующих поколений, то я раскрыл его, когда для примера изобразил мир, который целиком и полностью являлся собственностью одного человека. Разница между примером и реальностью лишь в том, что отдельный человек не может завладеть столь

колоссальной собственностью. Других различий нет. Во всяком случае, права индивидов и отношения между ними те же самые.

Если мы вообразим себе иную ситуацию, права индивида или целого поколения все равно не изменятся. К примеру, предположим, что *половина* населения умирала бы, дожив до середины некоего общего для всех срока жизни. Если бы одновременно рождалось равное число людей, они вместе с индивидами, пережившими своих сверстников, могли бы получить во владение собственность умерших и использовать ее для своего блага, точно так, как делали их предшественники. И, если бы они получали ее указанным образом, они имели бы все основания считать, что она принадлежит им согласно их собственному праву, а следовательно, они ничем не обязаны *ни тем, кто был, ни тем, кто есть, ни тем, кто будет.*

Мы можем предположить и другое. Допустим, каждая нация во время изначального расселения обладала самым многочисленным населением, которое она могла содержать. Именно столько же людей желало работать на ее земле, добывая себе средства к существованию. Теперь вообразим, будто ежедневно умирает определенная, неизменная часть населения. Если же ежедневно будет достигать совершеннолетия столько же людей, сколько умирает, и они будут занимать место покойных, то существование нового поколения, каждый день возмещающего потери, вызванные смертью, сделает нацию вечной. В действии этой ежедневной замены проявляются те са-

мые принципы, которые я стараюсь внушить на протяжении всей моей книги, а именно равное право человека на собственность великого домена природы. Нет нужды говорить, сколь благотворно отразились бы эти принципы на счастье каждого человека, если бы люди сумели понять, как просто произвести желаемые пермены. Пока же заметим: *каждый человек имеет права*, которые никто не смеет нарушать, ограничивать или отрицать, не *навлекая на себя ужасной вины*. У меня есть основания верить, что к концу моей книги будет полностью разъяснен ее метод, который позволит обеспечить каждому человеку все, что необходимо для соблюдения его прав и его счастья.

Глава 4

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Если, по мнению читателя, я не погрешил против истины, изобразив мир и права человека на владение им такими, какими они должны быть, то следует признать, я сделал немало. Однако предстоит сделать намного больше, прежде чем законные владельцы собственности вступят в свои права. Каждый видит — мир разделен ныне на два обособленных класса — класс собственников и класс неимущих, на тех, кто владеет миром, и тех, кому не принадлежит ни единой его пяди. Если мы пристальнее рассмотрим к двум классам, то обнаружим, что даже среди имущих большинство — собственники лишь по названию, ибо их имущество настолько скромно, что, по совести, их следовало бы причислить к неимущим. Их можно уподобить людям, выигравшим ничтожные призы в лотерее, по тем не менее оставшимся в убытке.

Это явление прослеживается на протяжении всей истории человека, во всех странах и веках. Если бы оно сохранилось при системе, предоставляющей *каждому индивиду*, достигшему совершеннолетия, собственность, равную собственности каждого современника, я повто-

ряю — если и при такой системе творилось бы нечто подобное, причиняя тяжкие страдания человечеству, то надеяться было бы не на что. Отчаявшись увидеть более совершенный порядок вещей, мы безропотно смирились бы со своей участью.

Но господствующая система основана на принципах прямо противоположных. Она надеется потомка владельца собственности времен Уильяма Пенна⁴³ имуществом, оценивающимся, скажем, в миллион долларов, хотя сотни тысяч других граждан Пенсильвании, возможно, не имеют сообща и половины этой суммы. *И все это благодаря нитке бус, всученной какому-то индейцу два века тому назад!* Можно ли ожидать от подобной системы иных последствий? Если она с самого начала ввергала в нищету целые нации, то разве мы не вправе предположить, что она и *впредь* будет творить это? Воистину было бы неслыханным чудом обнаружить иное положение дел при нынешнем устройстве общества!

Правда заключается в том, что *все* правления мира строились на заблуждениях, на ошибках, совершенных или допущенных при *первоначальном обращении* имевшихся у них владений в собственность и *при передаче* ее потомкам. Вот два величайших зла, породивших все несчастья человека. Они, и только они, — виновники его мучений. Я не отношу к бедствиям страдания, причиняемые болезнями. Они — естественного происхождения. Впрочем, хорошее правление может почти полностью их уничтожить, дурное — лишь усугубляет.

Если я рассуждаю верно, то спасти человечество можно, только начав все заново. Впрочем, разве у нас есть повод поступить иначе? Порождения несправедливости и заблуждений, бесспорно, могут быть устранены, если мы знаем, как это сделать. Народ штата Нью-Йорк (как и жители других штатов) обладает достаточной властью, чтобы все переустроить, когда он постигнет, в чем кроется зло и как его исправить. Народ должен усвоить эти истины, дабы обрести нравственные силы и побуждение к действию. Полагаю, мне вполне удалось показать очевидную бесспорность *естественного* права человека на равную часть собственности. Его искусственное или общественное право не менее бесспорно. Ибо нельзя утверждать, будто у правительства больше оснований нарушать равенство общественных прав, нежели равенство прав *естественных*. В эпоху природного состояния человек имел право отстаивать, даже ценой смерти сородича либо сородичей, свою равную долю в общей собственности, если его собратья пытались покуситься на нее. И ныне, пребывая в обществе, человек вправе сражаться с подобной несправедливостью. Если бы сегодня собственность была поделена поровну между живущими, право восторжествовало бы. Но, если бы завтра родился новый член общества, а ему не выделили собственность, равную собственности остальных, свершилась бы несправедливость. Будь это ему под силу, он мог бы с полным правом отобрать причитающуюся ему собственность у тех, кто, помимо своей доли, присвоил и его. Даже большинству

общества не позволено попираť равные права ни единого человека. Если в одиночку он бессилен восстановить свои права, то он может объединиться с теми, кто находится в сходном положении, и добиться равенства. Представим, будто только вчера впервые было учреждено правительство и оно гарантировало всем равную долю собственности. Равенство было введено вполне законным путем. В таком случае не творит ли беззакония существующее несправедливое правительство, которое даже не помышляет об установлении равенства? Ведь почти весь народ, девяносто девять человек из ста, никогда и ни в какой мере не были равными владельцами собственности. Вероятно, некоторые станут уверять, будто неравное и несправедливое правление не должно уничтожаться, даже если оно и не обеспечивает человеку то равенство собственности, каким он обладал в естественном состоянии. На это я отвечу: *они и есть те самые люди*, коих следует лишить всякого имущества. Ибо совершенно очевидно, что будет не менее справедливо отобрать собственность у них, *чем у кого-нибудь другого*. И, если они окажутся в унижительном рабстве, их участь будет заслуженной.

После равного раздела собственности нужно всего лишь обеспечить равенство при передаче ее потомкам. Против этого нельзя выдвинуть никаких веских возражений. Думаю, мне удалось доказать, что право завещания и право наследования не более чем вымысел. Сии «права» должны быть запрещены, ибо они нарушают подлинные права грядущих поколений.

Не будь подобных «прав», Ван Ренселер⁴⁴ не владел бы собственностью, достаточной, чтобы осчастливить сотни, даже тысячи семей, которые имеют такое же *естественное право* на счастье, как и он, и должны иметь такое же *общественное право* на собственность. Напрасно он обосновывал бы свои права древней голландской хартией, полученной двадцать лет спустя после открытия Гудзоном⁴⁵ реки, посвящей ныне его имя. Естественные права неотчуждаемы. Мы лишены их только по вине невежества или насилия, но вновь обретем их, едва лишь исчезнут заблуждения и произвол. Права естественные выше всех «пожалованных» прав, какое бы правительство их ни даровало, наше или тем более чужеземное.

Смею утверждать, что предки упомянутого джептльмена никогда не получили бы дозволения именовать своей собственностью или *владеть* тем, что пожаловали им иностранное правительство и все пришедшие ему на смену власти, если бы они *испросили у своих братьев согласия* на владение занятой ими земель. Нет истины более неоспоримой, чем сия: *земли каждой страны принадлежат в равной степени всем, кто на них обитает* (разумеется, если это не вызывает возражений большинства остальных наций). Бессмысленно уверять, будто индейцы были безусловными и правомочными владельцами земли, а, следовательно, любая сделка с ними являлась, так сказать, законной куплей. Без согласия остальных наций индейцы не могли владеть всей страной и не имели прав на нее. Я возьму свои слова обратно, если

мне докажут, что в случае равного раздела земли между индейцами паделы не превысят честной и равной доли собственности земного шара. Как обстояло дело в действительности, знает каждый. Даже если допустить, что индейцы были подлинными владельцами земли, то подобное предположение придется обосновывать иными доводами.

Исследуем подробнее важный и интересный вопрос: к чему могут сводиться подобные доводы? К тому, что индейцы — туземцы? Родились на этой земле? Если этот аргумент вообще имеет силу, то только по отношению к отдельному человеку. Ибо *нации* не рождаются. Рождаются индивиды, из которых образуются нации. Но сами нации возникают лишь тогда, когда индивиды, *движимые общим желанием, объединяются или договариваются* между собой (не важно с какой целью). Только тогда, но не ранее появляются нации. А исчезают нации лишь тогда, когда их индивидуальные участники условятся уничтожить все следы *соглашения*, заключенного между ними. Но умрет только *нация*. Индивиды, некогда составлявшие ее, будут жить и далее.

К тому же если право на землю зависит от места рождения, то позвольте полюбопытствовать — на какое ее количество? На сто квадратных футов? На акр? На квадратную милю? Имеют ли причитающиеся индивиду земли форму круга, центром которого, возможно, является мать, рождающая дитя? А может, форму квадрата? Или параллелограмма? Треугольника? А если сие событие приключится в каное,

посреди озера Эри либо Онтарио? В таком случае какой прок от «врожденного» права существу, появившемуся на свет? Более того, история повествует о том, что здесь рождались и дети европейцев, а я уверен — индейцы не считали, будто кто-то обязан испрашивать у них разрешения на роды.

Когда здесь появились первопроходцы, индейцам даже в голову не пришло, что страна — их исключительное достояние, а посему они не запрещали созданиям, столь похожим на них самих, пользоваться щедротами природы наравне с ними. Лишь неумная алчность и предрассудки сделали их врагами. Итак, разве дети европейцев, родившиеся *здесь* в те времена, не имеют права на владение землей? Если на эти вопросы нельзя ответить так, как хотелось бы тем, кто утверждает противное, чья в том вина? Разве человек, чье право на владение оспаривается, не обязан *обосновать* его? Исключений быть не может. Допустимо ли требовать подтверждения прав от одного человека, не испрашивая их у другого?

Я полагаю, все согласятся со мной: *место рождения* не могло наделить индейцев правом на исключительное владение страной. Но существует ли *иная* основа подобного права? Владеют ли они ею как даром Великого Духа? Но где пергамент, на коем начертано дарственное распоряжение? Где восковая табличка? Где надпись на мраморной плите? Быть может, право на владение высечено на поверхности земли или начертано на солнце? Где же зафиксирована воля Великого Духа? Если право су-

ществовало, то должны найтись *какие-то свидетельства* либо упоминания о нем. Если их нет, то дело принимает прискорбный оборот, ибо по действующим законам недоказанное право не существует вообще. *De non apparentibus, et non existentibus, eadem est Ratio.*

Намного разумнее было бы сразу заявить: «Человек имеет равное с остальными право на собственность земного шара (а не какой-то конкретной страны) *в силу своего рождения*, а не на основе побочных *обстоятельств*, сопутствующих его появлению на свет, как-то: *место рождения*, те или иные *родители*, лица, принимавшие роды, и т. д. и прочие смехотворные аргументы».

Предположим (вопреки вышесказанному), что индейцы все же *имели* право продать свои земли *тем* лицам, о которых шла речь. Тем не менее они могли продать лишь то, что принадлежало им, но не более. Как я уже доказал, у индейского рода не было права продавать либо дарить имущество, принадлежавшее ему как нации, т. е. не только жившим в те давние времена, но в равной степени и будущим потомкам, *которым еще предстояло появиться на свет* и которые являлись такими же владельцами, как и они сами. Следовательно, они не имели *власти* продавать земли и, конечно, *не продали*, а если и уверяли в обратном, то их заявление — ложь, подобная той, что každодневно запечатлевается в различных документах, оставаясь при этом простым обманом. Поскольку индейцы ничего *не могли продавать*, то лжепокупатели *не смели* ничего ни приобре-

тать, ни владеть; а ничем *не владея*, не могли передавать что-либо по завещанию своим преемникам. Они не имели права так поступать, даже если бы владели имуществом на законных основаниях и в отличие от остальных людей веровали бы в справедливость права наследования.

Мы, естественно, могли бы ожидать от сего господина и ему подобных не сетований об утрате огромных владений, доставшихся по так называемому наследству, а признательности за то, что ему позволили вдоволь насладиться всеми благами, дарованными собственностью. Благодарность, должное уважение прав остальных людей обязаны были побудить его смиренно выполнить решение общества, повелевавшего ему отказаться от своих владений (при условии, что они будут разделены поровну между всеми, включая и его самого).

Если некто, заключив коммерческие сделки с джентльменом, чье имя я позволил себе упомянуть, присвоил бы таким способом часть собственности земного шара, превышающую равную и естественную долю, то ему надлежало бы испытывать глубокую благодарность к тем, кто долгое время позволял *ему* пользоваться бóльшим количеством земных благ, нежели имелось у них самих. *Сей* человек обязан безропотно воспринять запрет пользоваться впредь благами, недоступными остальным. Намереваясь отстоять свой личный интерес, он напрасно внушал бы себе, будто имеет право не подчиняться повелению общества. Он может, оправдываясь, говорить: «Дескать, я был тру-

долюбивее многих, умереннее в потребностях, бережливее, предприимчивее, превосходил физической силой и я сумел распорядиться ею с толком, а посему вы обязаны оставить мне все, чем я владею». Обязаны ли мы согласиться с ним? Допустим, он был *столь же* трудолюбив, как и многие тысячи его сограждан. Не обернется ли сей довод самым роковым образом против него? Ведь если признать его личные качества основанием права на *собственность* то почему такие же качества не дают остальным равного права на владение? Наделенные ничуть не меньшими дарованиями, они трудились всю жизнь, но у них нет ничего! Такова участь большинства. Нам доподлинно ведомо: богачи не могут почитаться *наиболее* достойными людьми из *всех* живущих. Чистая случайность, скажем, знакомство с человеком, у которого он выманил богатство, завоевав доверие, сумев воспользоваться подвернувшейся ситуацией, уловками, позволившими обобрать прежнего владельца, — все это не настолько существенно, чтобы давать богачу законное превосходство над прочими людьми (даже если мы допустим, будто прежний владелец собственности распоряжался ею на справедливых и законных основаниях). Но у него явно не было таких оснований, а посему богатство, полученное от предыдущего владельца, должно быть передано единственному полноправному хозяину — обществу. Отравленный колодец не напоит чистой водой. Тот, чье право на собственность бесчестно, никого не может наделить истинными правами.

В рассуждениях, которыми я увлекся в данной главе, говорилось сразу о двух сюжетах, кои следовало бы рассматривать порознь. Первый — несправедливость и бесчестность изначального неравного владения собственностью. Второй — его *последствия*. Читателю сейчас станет ясно, что именно я называю «изначальным владением». Оно выражается в следующем: правительства стран повелевают отдать индивиду, коему посчастливилось иметь так называемого «завещателя», все имущество бывшего владельца или часть его. *Последствия* подобного образа действий таковы: данная форма накопления собственности способствует процветанию порядка вещей, при котором немногие пользуются всеми благами жизни, большинство — ничего не имеет. Я употребляю слово «завещатель», хотя столь же правомерно говорить о «дарителе», поскольку в последнем случае передача собственности предшествует смерти. Разница лишь во времени. Впрочем, отложим разбор возможных возражений (а они неминуемо появятся) против проекта до тех пор, пока читателям не станут известны все детали.

Было так много сказано о том, чего в действительности нет и быть не должно, что читатель, несомненно, уже отчасти догадывается, какие изменения необходимо *внести* в правление нашего штата, прежде чем права на собственность, принадлежавшие человеку в естественном состоянии, будут обеспечены ему и в состоянии общественном, а права потомков будут содействовать их пользе и благу, точно так же как они послужат и нам.

Изменения будут достигнуты, когда осуществится нижеследующий

ПЛАН:

1. Необходимо созвать новый конвент штата. Он примет новую конституцию, которая после одобрения ее народом декретирует отмену всех долгов, как внутренних, так и внешних, долговых обязательств, заключенных между гражданами, а также между гражданами и иностранцами. Она провозгласит отказ от всей собственности наших граждан, находящейся за пределами штата. Она изымет всю собственность, находящуюся в границах штата, как движимую, так и недвижимую (за исключением принадлежащей иностранцам, проживающим здесь, а также движимой собственности, принадлежащей временным владельцам, не являющимся нашими гражданами). Необходимо отдать распоряжение о равном разделе всей перечисленной собственности между совершеннолетними гражданами. Способ раздела будет указан ниже. Конституция запретит любую передачу и перемещение собственности до завершения раздела, за исключением принадлежащей временным владельцам.

2. Необходимо провести перепись населения, занося в особые книги *имя, время рождения, присовокупляя к сему сведения о возрасте, месте рождения, происхождении, поле, цвете, занятии, постоянном месте жительства или проживания, времени проживания в штате*. Это позволит отделить чужеземцев от граждан. Необходимо постановить, что все иностранцы

(за исключением представителей иностранных правительств — послов и т. д.) считаются гражданами, если они проживали в штате не менее 5 лет, предшествовавших дате назначенного раздела собственности.

3. Во время проведения переписи каждый гражданин, ассоциация, компания и прочие лица обязаны представить опись всей движимой собственности, находящейся в его или их совместном владении, кому бы она ни принадлежала. Нужно провести подробную опись *недвижимой* собственности, находящейся на территории штата, кто бы ни был ее владельцем. На основе этих данных будет составлена всеобщая опись недвижимой и движимой собственности штата, не принадлежащей проживающим здесь иностранцам или временным владельцам. Сюда же надо отнести всю собственность, находящуюся в ведении судов, в том числе третейских, а также государственную собственность, которая может быть выставлена на продажу без урона для штата.

4. Затем общая сумма всей собственности должна быть разделена между всеми гражданами, достигшими 18 лет и старше (я полагаю, совершеннолетними будут считаться люди этого возраста). Причитающаяся каждому доля, или дивиденд⁴⁶, будет занесена в специальный реестр, на основе которого будет предоставляться кредит всем гражданам (мужчинам и женщинам).

5. После установления суммы дивиденда необходимо в самые краткие сроки провести публичные торги, предложив к продаже (по самым

высоким начальным ценам) всю движимую и недвижимую собственность штата. Стоит учредить особое ведомство, которое в случае необходимости разделит соответствующую собственность на участки, или партии, что позволит продать их с наибольшей выгодой.

6. Все лица, на чье имя открыт кредит в указанном реестре, правомочны и в то же время обязаны приобрести собственность стоимостью не менее 10% причитающегося им дивиденда, но не превышающей суммы отпущенного им кредита более чем на 10%. Может заключаться сделка на покупку всей собственности, если она состоит из недвижимого имущества и покупатель готов оплатить издержки за превышение кредита. В случае покупки движимой собственности сделка может заключаться только на сумму, равную сумме дивиденда или кредита. В случае превышения этой суммы необходимо поручительство.

7. Если стоимость предложений к продаже собственности, не поддающейся по своей природе разделу, как движимой, так и недвижимой, превышает размеры дивиденда одного индивида, то допустимо принимать совместную заявку от двух и более лиц. Они могут произвести общую покупку, указав во время торга свои имена.

8. Поскольку движимая собственность может быть сокрыта или утаена, необходимо издать распоряжение, согласно которому с момента проведения описи имущества и до завершения всеобщих торгов ответственность за сохранность собственности несет ее владелец. В слу-

чае нарушения он будет наказан тюремным заключением сроком на 5 лет (так карается ныне крупное воровство). Подобное наказание будет наложено на всякого, кто умышленно даст неполные либо ложные сведения о собственности, находящейся в его владении, а также на лиц, которые, получив причитающуюся им долю, уедут за границу штата, дабы получить долги или собственность, от которых штат отказался.

9. После завершения всеобщих торгов будет установлена *общая сумма* выручки и определены размеры новых отчислений. Тогда станет известно, насколько эти отчисления, которые можно назвать «*наделом*»⁴⁷, отличаются от начального дивиденда. Сравнивая сумму покупок каждого индивида с размером его надела, можно будет установить, является ли он должником штата или его заимодавцем. Соответственно либо ему будет выплачена разница, либо от него потребуют уплатить ее штату.

10. Существует одно ограничение при передаче собственности лицам, которые могли бы ее купить. Речь идет о людях, которым из-за их крайней неводержанности, помешательства и прочих проявлений недееспособности закон может и обязан обеспечить надлежащих, достойных доверенных лиц или опекунов. Собственность будет поручена *их* управлению на основе соответствующих предписаний.

11. Пока будут вершиться эти дела, некоторые люди, достигшие совершеннолетия, возможно, умрут, не вступив во владение своим наделом. Посему отныне и навсегда необходи-

мо ввести ежедневный реестр рождений и смертей на всей территории штата. Собственность лиц, умерших до получения надела, равно как собственность индивидов, получивших ее во время всеобщего раздела, по скончавшихся ранее первого дня января следующего после всеобщих торгов года, должна быть поровну распределена между лицами, достигшими совершеннолетия в период между окончанием вышеназванной переписи и упомянутым первым днем января.

12. Постоянно должно проводиться ежегодное разделение собственности лиц, скончавшихся в течение года. Она должна переходить к мужчинам и женщинам, достигшим совершеннолетия в упомянутый период. После раздела выморочной собственности означенные лица будут вправе получать причитающиеся им дивиденды наличными или использовать их в качестве кредита для покупки иной собственности, которую штат постоянно будет выставлять на торги, являясь преемником лиц, скончавшихся в данном году.

13. В распоряжении собственностью лиц, не являвшихся гражданами штата, но проживавших и скончавшихся в нем, следует руководствоваться законами штата или государства, гражданином коего являлся данный человек. Разумеется, это действительно при условии, что штат или государство разрешат нам забрать собственность умерших там *наших* граждан или возместят ее стоимость, т. е. позволят поступить с собственностью сообразно нашим законам.

14. Если штаты или государства, установившие у себя порядки, сходные с нашими, согласятся предоставлять подросткам, достигаящим совершеннолетия и являющимся уроженцами нашего штата, соответствующий надел (разумеется, если подобное лицо желает получить его в иностранном государстве и предъявит документы, удостоверяющие его происхождение и возраст, а также подтверждающие, что оно не получило надела на родине), то в отношении этих штатов и стран мы будем проявлять ответную взаимность. В противном случае подросток, родившийся в другом государстве, должен прожить в нашем штате не менее десяти лет, чтобы по достижении совершеннолетия получить право на надел, подобно нашим гражданам. Если же, получив у нас надел, он примет какую-либо собственность (посредством дарения или по наследству) от своего родного государства или иной державы, а также в случае, если, не достигнув совершеннолетия, получит некий дар или наследство, а затем и надел от нашего штата, то он подлежит суровой каре.

15. Все совершеннолетние иностранцы (за исключением послов), проживающие у нас в течение года и более, приравниваются к гражданам и обязаны передать штату всю собственность, превышающую установленные на данный год размеры надела. Исключение делается для граждан государств, признавших, подобно нам, равное право всех людей на собственность.

16. Все граждане нашего штата с момента

рождения и до совершеннолетия будут получать от государства средства, выплачиваемые ежемесячно или в иные сроки, достаточные для полного и подобающего содержания. Родитель или родители являются лицами, уполномоченными на получение указанных выплат. Если родители умерли либо из-за своих порочных наклонностей или помешательства не способны воспитывать детей, для попечения о детях и получения соответствующих выплат должны быть назначены опекуны. Дети должны получать образование за счет общества.

17. В случае смерти одного из супругов за вторым оставляется половина их совместной собственности при условии уплаты долгов. Другая половина изымается общественным распорядителем в пользу государства. Названный чиновник ведает попечением имущества всех умерших лиц.

18. Тюремным заключением сроком на 14 лет карается каждый, кто при жизни передаст свою собственность другому лицу. Гостеприимство не возбраняется, однако раздача милостыни запрещена, ибо штат будет предоставлять достаточное обеспечение каждому нуждающемуся. Добродетельный гражданин обязан лишь подсказать просящему милостыню, куда следует обратиться, дабы получить вспомоществование.

19. Все граждане, получившие свой надел, будут пользоваться полной свободой проживания на территории штата, либо согласно их воле, они могут получить надел или его стоимость и переселиться в любую часть света,

стать подданными или гражданами иного государства.

20. Таким образом, собственность будет постоянно перераспределяться поровну, а получившие ее смогут избирать для себя любые занятия и промыслы. Посему их промыслы и занятия должны быть защищены от конкуренции иностранных государств, в противном случае штат обязан возместить ущерб.

Итак, я изложил принципы изменений, которые необходимо внести в систему правления штата, чтобы каждый гражданин, находясь в общественном состоянии, мог обладать правами, принадлежащими ему в естественном состоянии, а также обрисовал средства, коими можно произвести эти перемены. Посему я оставляю читателя наедине с его раздумьями. В следующей главе я намерен, насколько возможно, привести доводы, убеждающие в разумности предложенных перемен и средств их осуществления.

Глава 5

ДОВОДЫ В ПОДДЕРЖКУ ВСЕОБЩЕГО РАЗДЕЛА СОБСТВЕННОСТИ И СПОСОБА ЕГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Излагая доводы, я буду (по мере возможности) придерживаться того порядка рассуждений, которому следовал в предыдущей главе. Поэтому мне необходимо объяснить предназначение нового кооператива штата. Если не вникать в суть дела, то может показаться, будто исследуемая мною проблема заключается лишь в выяснении, кому достанется данная собственность, кому другая; кто будет владеть тем или иным имуществом, когда нынешние хозяева расстанутся с ним. Т.е. в первую очередь это вопрос о *теит* и *теит*, о «твоем» и «моем», и во вторую — о наследовании собственности. Законодательное собрание и сейчас полномочно решать указанные вопросы. Следовательно, пересмотр действующей конституции ради внесения в нее частных поправок кажется совершенно излишним. Но если мое суждение о правах на собственность верно, то, стало быть, общепринятое мнение ошибочно. По моему убеждению, если в общественном состоянии существует какое-либо право на собственность, то исключительно право, равное для каждого индивида, а также вытекающие из сего принципа равные личные права всех видов. Но, поскольку действующая конституция

их не признает, необходимо отменить ее и выработать новую. Например, я предлагаю выставить на всеобщие торги все общественные земли штата. В частности, те, на которых расположены наши знаменитые соляные источники и прилегающие к ним территории, а также земли, отведенные, согласно конституции, так называемому «школьному фонду» и индейцам. Я бы предоставил равные избирательные права краснокожим, черным и белым. Я бы боролся с привилегиями⁴⁸, изуродовавшими нашу конституцию, в какой бы форме они ни проявлялись. Бесполезно устанавливать равенство в *изначальном владении* собственностью (так я именoval то, что затем называл «наделом»), если мы тотчас же начнем раздавать привилегии и хартии. Едва установившись, равенство нарушится, так как собственность, отобранная у одних достанется другим.

Несомненно, найдутся люди, привыкшие к *существующему порядку вещей*, которые сочтут неразумной передачу соляных источников в частную собственность. Поскольку, по их мнению, богатства, сосредоточенные в руках владельцев, независимых от политической власти и преследующих корыстные интересы, имеют тенденцию со временем возрастать, то источники, став собственностью немногих состоятельных лиц, превратились бы в орудие вымогательства, если бы конституция не запрещала подобного зла. Но, быть может, вскоре воцарится новый порядок. Тогда ни один из соляных источников не попадет в чьи-либо ру-

ки на срок, превышающий время человеческой жизни. Затем он вновь поступит в распоряжение общества и достанется другим владельцам (число коих будет зависеть от количества частей, на которые удастся разделить названный вид собственности). Чрезмерное, неравное богатство, позволяющее полностью завладеть этим ценным достоянием нашего штата, может образоваться только при условии, еслижитое одним поколением собственников будет передаваться по наследству другому. Но поскольку общественная система, предложенная в моей книге, предотвращает подобную опасность, то исключается даже малейшая возможность превращения источников в собственность группы лиц настолько малочисленной, что между ними прекратилась бы конкуренция, являющаяся непременным условием производства любых товаров по низким ценам. Следует к тому же учесть: источники не только избыточны, но и занимают большую площадь. Они снабжают пять, а то и более графств⁴⁹.

Если кто-нибудь опасается, что с отменой конституционных запретов источники окажутся во владении небольшой группы лиц, пусть он вспомнит об их стоимости. Тогда он поймет: после проведения предлагаемых изменений не пайдется человека, располагающего средствами, достаточными для их покупки, даже если все источники будут одновременно выставлены на торги (после первого всеобщего раздела). Подобное вряд ли произойдет за время жизни ближайших ста поколений. Сто-

имость источников и сейчас крайне велика. Впрочем, я не могу точно определить ее. На протяжении предыдущих 12 лет штат ежегодно получал с них около 75 тыс. долларов *пошлины*. Не погрешив против правды, мы вправе предположить, что проценты с вложенного капитала равны указанной сумме. Это может служить нам более-менее верным критерием при установлении стоимости источников сообразно современным способам оценки собственности. Капитал, необходимый для получения 75 тыс. долларов в качестве годовых процентов, составляет не менее полутора миллионов долларов. Если при первом разделе собственности каждый совершеннолетний получит около 3 тыс. долларов, то, следовательно, совокупная стоимость собственности штата составит 3 млрд долларов. Сможет ли человек, обладающий всего 3 тыс. долларов, приобрести собственность стоимостью в полтора миллиона? Потребовалось бы 500 человек. Вероятно, число лиц, ныне занимающихся соляным промыслом, значительно меньше. Не может объявиться в нашем штате и иностранец, имеющий достаточно средств, чтобы монополизировать источники. Для этого ему придется принять наше гражданство, ибо иностранцам запрещено владеть землей. Но, даже если наши законы позволяли бы им приобретать землю, было бы вполне разумно и нетрудно изменить их. Ставлясь гражданином нашего штата, иностранец возлагает на себя соответствующие обязанности. Прежде всего он должен отдать излишек собственности, превышающий размеры

надела остальных граждан*. Следовательно, если, сдав излишек собственности, он тем не менее купил бы столь дорогостоящее имущество как источники, это послужило бы доказательством сокрытия им части своих богатств, а, стало быть, мы вправе конфисковать его приобретение и вдобавок покарать его самого. В отдаленном будущем, когда новая система прав на собственность распространится повсеместно, будет излишне и неразумно принуждать иностранцев отдавать всю собственность, коей они располагают, оставляя им только имущество, равное паделу совершеннолетних граждан. *Подобный образ действий оправдан лишь в том случае, если иностранец приехал из страны, не признающей равные права людей на собственность.* Если же он прибыл из государства, узаконившего данные права и давшему ему соответствующий надел, к которому он, быть может, присовокупил нажитое многолетним трудом, то недопустимо забирать у него при жизни хотя бы цент (за исключе-

* Статья 14 предусматривает, что дети эмигрантов, получивших наше гражданство, приобретают право на надел по достижении совершеннолетия в том случае, если они прожили в штате не менее десяти лет. Пожалуй, это не юридический вопрос, а принцип здоровой политики по отношению к тем, кто может претендовать на получение падела. Сдается мне, неплохо было бы поразмышлять — не будет ли самой верной политикой передача пенумцам иностранцам, припавшим наше гражданство, а также их детям, родившимся в других странах, излишков собственности, которые, согласно статье 15, должны сдать штату *состоятельные* иностранцы, вступающие в наше гражданство?

нием, разумеется, налогов на содержание правительства). Подобные действия противоречили бы принципам системы, предложенной в моей книге, и духу статьи 19, изложенной в предыдущей главе, позволяющей каждому человеку беспрепятственно вывозить свой падел в любую избранную им страну, если ему заблагорассудится жить там.

Кое у кого возникнет возражение иного свойства. Не смогут ли многочисленные владельцы источников объединиться, дабы установить грабительские цены на соль? Ни в коем случае! В будущем, как и ныне, сохранятся суровые уголовные законы, преследующие любые сговоры подобного рода, более того, они будут соблюдаться намного строже. Избежать нежелательных последствий можно, ограничив число лиц, образующих ассоциации. Ограничение будет основано на следующем принципе. Если промысел, которым намерена заняться ассоциация, с равным успехом и пользой для общества могут вести индивидуальные производители, то объединение *будет категорически запрещено*. К примеру, вполне можно разрешить десяти гражданам совместно владеть кораблем. Во-первых, они не смогут *пользоваться* им иначе, а во-вторых, у меньшего числа людей не будет достаточно средств для его приобретения. Но ни в коем случае нельзя допустить, чтобы объединение разрасталось*.

* Дома, особенно в городах, стоят так дорого, что одному человеку не по карману купить целое здание. Кроме того, во многих случаях дома состоят

Опасно позволять судовладельцам вступать в соглашение друг с другом и устанавливать монопольную цену на фрахт. Было бы пагубно разрешать всем булочникам сговариваться и поднимать цену на хлеб или позволять мельникам объединяться и диктовать цены на муку. Подобные профессиональные объединения преследовали бы цель получить с помощью ассоциации больше прибыли, чем при индивидуальном труде. Следовательно, на них, равно как на соляные источники и подобные промыслы, распространялся бы уголовный запрет.

С помощью математических подсчетов можно легко доказать всю нелепость предположения, будто один человек был бы в состоянии приобрести такую колоссальную собственность, как соляные источники нашего штата. В современном мире один человек порой владеет состоянием в миллион, даже в десять миллионов долларов, а то и больше. Но, допустим, повсюду введена предлагаемая мною система. Тогда дела будут обстоять совершенно иначе. Всякий человек, в том числе и тот, кто при нынешних порядках нажил десятки миллионов долларов, сможет полностью воспользоваться плодами своего трудолюбия, знаний, талантов, бережливости. Но тем не менее никто не сможет воспользоваться обездоленностью своих сограждан, ибо никто не будет терпеть лише-

из помещений, достаточных для проживания нескольких семей. Следовательно, их можно продавать по частям и каждый владел бы помещением точно так, как ныне владеют домами.

ния, а следовательно, будет невозможно получать чрезмерный барыш от предприимчивости и усердия. Но, даже если такая вероятность сохранится, наличие множества конкурентов (а это неизбежно при постоянном равном пределе собственности) не даст прибыли превысить разумные пределы. Мне могут возразить: дескать, все это верно, но неисполнимо, пока новая система не установится *повсеместно*. Я отвечаю: осуществимо, причем в большей степени, нежели кажется на первый взгляд. Конечно, можно купить партию муки в Нью-Йорке по пять долларов за баррель и переправить, к примеру, в Лиму. А там, пользуясь войной и вызванным ею голодом, продать по шестьдесят долларов. Однако, если бы новая система была принята в нашем штате раньше, чем корабль с грузом отправился в Лиму, солидная прибыль, полученная от подобного предприятия, была бы, по всей вероятности, поделена между десятью, двадцатью или пятьюдесятью людьми.

Следует учесть, что равная собственность, которую каждый человек будет получать по достижении совершеннолетия, неизбежно приведет к полному или почти полному равенству в обучении, воспитании и образовании. Система, которую я отстаиваю, предусматривает равное обучение, поскольку оно будет оплачиваться обществом. Следовательно, никому не удастся нажиться на неимущих, так как их не будет. Не будет и настолько большой разницы в умственных познаниях, которая позволила бы более просвещенному завладеть собствен-

ностью менее сведущего в науках. Когда установится равенство в имущественном положении и знаниях, никто не сможет накопить состояние, намного превышающее достаток остальных. Трудно вообразить, будто человек, вступивший в мир с такими же знаниями и собственностью, как и его собратья, располагающий, к примеру, 3 тыс. долларов, сумеет нажиться на своих согражданах. Это немыслимо, ибо не будет людей, за счет которых можно было бы накопить состояние, скажем, в 3 млн долларов и присовокупить их к своему наделу. Если предположить, что названная сумма добыта трудом, приносящим, допустим, один доллар в день (не считая расходов на пропитание), то потребовалось бы три миллиона дней или ровно десять тысяч лет (если в году 300 рабочих дней), чтобы получить ее! Но вряд ли зрелая пора жизни человека превысит 50 лет, а во многих случаях она бывает вдвое меньше. С какой стати, позвольте спросить, труды десяти тысяч лет должны отдаваться за труд пятидесятилетних? Почему тридцати-, сорока- или пятидесятилетний труд Джона Джэкоба Астора⁵⁰ должен оплачиваться так же, как многолетний труд десятков тысяч его современников, *жизнь и труды которых* не менее достойны похвалы, не менее полезны для общества, нежели жизнь и дела Астора? Если бы существовала система, о воцарении коей я мечтаю, подобное стало бы немыслимым в человеческом обществе.

Людей, вступающих в жизнь с равной собственностью и знаниями, никому и никогда не

удастся примирить с вопиющей несправедливостью: оплатой пятидесятилетнего труда — плодами труда десяти тысяч лет! И уж конечно, если бы Джон Джэкоб Астор или кто-то иной обладал в начале жизненного пути только наделом (а может, подобно Астору, не имел бы за душой ровным счетом ничего), он не смог бы приобрести такое огромное состояние! Лишь потому, что человечество терпело правительства, которые, пользуясь властью завещаний, обманывали потомков, попирали их права на собственность, стало возможным накопление несметных частных состояний. Я полагаю, при новом порядке вещей никто не сможет заполучить пожизненную монополию на соляные источники или на другую сходную собственность.

После того как я отмел возможные возражения против продажи соляных источников частным лицам, хочу высказать свои сомнения по поводу целесообразности сдачи их в аренду (при сохранении за ними статуса общественной собственности). При новом порядке вещей люди, как и ныне, будут стремиться к обладанию, так сказать, «пожизненной рентой», т. е. чем-то, что они могут именовать своей собственностью и при жизни распоряжаться по своему усмотрению. Если ввести определенный срок *аренды*, одни сочтут его справедливым, другие — несправедливым, но все признают его неразумным, ибо никто не ведает, умрет ли он до истечения срока аренды или позже. Если арендатор скончался раньше, чем кончился срок, трудно будет найти

человека, желающего взять аренду на оставшееся время. Иное дело, если речь идет о безусловном владении (я имею в виду безусловное в течение жизни арендатора). С другой стороны, может статься, что после истечения срока арендатор не захочет возобновлять соглашение, хотя при бессрочной арене он, возможно, и не задумался бы об этом. Кроме того, не исключено, что некто, достигший совершеннолетия, решит вложить свой надел в аренду одного или нескольких соляных источников. В течение пяти или десяти лет он доволен своим положением, но затем приходит к выводу, что проживет лучше, если продаст свои источники, подобно тому как землевладельцы продают свои участки. Возможно, есть человек, охотно купивший бы источник по взаимоприемлемой цене. Но он не может приобрести его в пожизненное пользование, т. е. появляется помеха полной свободе обмена, которая является одним из важнейших предназначений общества. А посему я решительно против передачи общественной собственности в аренду. Во-первых, аренда несовместима с личным благом людей, поскольку в переустроенном обществе они будут занимать равное положение. Во-вторых, препятствуя свободе обмена, она неизбежно повлечет сокращение общественных богатств.

Аналогичные возражения, по крайней мере сходные, я мог бы выдвинуть и против сохранения общественных земель во владении так называемого «школьного фонда»⁵¹. Несомненно, народ штата уделяет образованию должное

внимание. Расходы на него должно возмещать государство. Однако было бы ошибкой исключать эти земли из всеобщего раздела собственности. Торг привлечет на них поселенцев, что повысит их ценность. Что касается сдачи их в аренду, то я мог бы привести не менее веские возражения, чем в случае с соляными источниками. Кроме того, если штат, имеющий право исполнить все задуманное, начал бы откладывать в одном месте средства, выделяемые на одни нужды, а в другом — на иные, он поступил бы не менее пелепо, нежели джентльмен, который, намереваясь расплатиться за все заказанное в таверне, держит в одном кармане деньги для уплаты *за стакан вина*, а в другом — *за печенье и сыр*. Если государство или джентльмен не в состоянии заплатить по счету, они ничего и не купят. Но, если они могут рассчитаться, им нет нужды хранить деньги в двух карманах. Не лучше ли ликвидировать «школьный фонд» и позаботиться о других источниках, из которых по распоряжению Законодательного собрания казначейство оплачивало бы необходимые расходы, не проводя между ними вздорных и бессмысленных различий.

Действующая конституция гарантирует индейцам полное, исключительное и безусловное владение землями, которые они именуют своими. В соответствии с принципами, изложенными в моей работе, эти земли следует изъять⁵². Если выяснится, что размеры земельных владений индейцев превышают равную долю, излишек будет отобран. Если же они

имеют меньшее количество земли, следует выделить им дополнительные территории, дабы они находились в равном имущественном положении со своими белыми собратьями. Отменить указанную гарантию можно, лишь изменив конституцию, а для этого необходимо созвать конвент.

Есть вечный и неизменный закон, не ведающий исключений,—«люди сотворены равными»⁵³. Ни правительство, ни кто-либо вообще не вправе, так сказать, «пересотворять» людей. Избирательное право черного человека, являющееся его личным правом, а также его право на собственность столь же истинны, как и права белых. Если оставить в неприкосновенности действующую конституцию, то цветные, обретя свои равные доли движимой и недвижимой собственности штата, в отличие от белых не имели бы права появляться у избирательных урн. Необходимо наделить их данным правом, иначе у них не будет иного способа защитить свою собственность, кроме незаконного насилия. Придя к избирательным урнам и подав свои голоса, мы смогли бы повлиять на цветного человека, не давая ему повода к бунту. Нелепо уверять человека, будто ему принадлежит некая собственность, и одновременно заявлять, что в отличие от остальных граждан у него нет права защищать ее. Кое-кто, ссылаясь на так называемую политику, уверяет, будто отказ в предоставлении прав неграм обусловлен рабством, некогда существовавшим у нас. Я нахожу подобное мнение безосновательным. Цветное население штата

Нью-Йорк наимного малочисленнее белого. В 1825 г. насчитывалось около 1 570 тыс. белых и около 46 тыс. цветных. Т. е. на одного человека африканского происхождения приходится 34 белых. Соотношение настолько неравное, что даже самый придирчивый ум не сможет возразить против предоставления неграм всех без исключения прав.

Если получит признание принцип, согласно которому каждый индивид в силу своего существования наделен правом на собственность, а также избирательным правом, являющимся средством защиты собственности и личной свободы, т. е. правом личным, а потому неотчуждаемым, то, стало быть, женщины должны обладать избирательным правом наравне с мужчинами и никто не смеет отказывать им в нем. Нет смысла доказывать преимущества или пользу избирательного права. Не общество, а сам человек, коему принадлежит данное право, может решить — пользоваться им или нет.

Чтобы возвратить избирательное право тем, кому до сих пор в нем отказывали⁵⁴ (хотя они имеют такие же основания пользоваться им, как и все), необходимо пересмотреть конституцию штата. И это еще один довод в пользу созыва нового конвента штата.

Будет вполне справедливо и правильно отменить привилегии всех видов, предать их земле, из которой нет воскрешения. Поскольку я и раньше разъяснял, почему следует поступить тем или иным образом, объясню и сейчас.

Когда собственность разделена поровну между всеми, когда каждый наделен равными личными правами, а равные для всех законы соблюдаются неукоснительно и беспристрастно, зачем могут понадобиться привилегии? Для получения больших денег или большей прибыли? Если нет, то для чего они вообще нужны? Если они необходимы для *увеличения* барышей, то за чей счет они будут расти? Когда привилегий не было, источником прибыли служило общество. Разве после их раздачи она уже не будет создаваться за счет общества? Так что же *выигрывает* общество от привилегий? А как быть с правом? Можно ли говорить о правственности той власти, которая принуждает общество или некую его часть платить за товар или услугу больше, чем до появления привилегий? Допустим, власть, чья мораль и честные принципы права, все же склонна даровать привилегии. Имеет ли она на то полномочия? Кто наделил ее правом жаловать привилегии? Только общество обладает подлинной властью давать привилегии и принимать законодательные акты. Но вызванное привилегиями удорожание товаров или услуг вредит благосостоянию общества. Кто же уполномочил законодателей на предоставление привилегий? Если же они даруют то, чего на самом деле не властны жаловать, то не следует ли считать их пожалование незаконным или же, скорее, несправедливым деянием узурпаторов власти? Можно ли вообще именовать его пожалованием? В глазах беспристрастного общества оно — ничто, пустое место. Кроме

того, если у законодателя нет права раздавать привилегии, то вправе ли получать их тот, кому они дарованы? Может ли *укравший* власть *наделить* правом более весомым, нежели право на владение награбленным имуществом, которым разбойник наделяет *скупщика* краденного? Неужели правдолюбивое общество, заботящееся о всеобщем благе и карающее лиходеёв, не наказало бы преступников, не уничтожило бы их привилегии?

Разумеется, я не имею в виду привилегии, обладатели коих не стремятся с их помощью выгадать на обществе больше, чем они получали без хартии. Подобные привилегии (если они, конечно, существуют) по крайней мере безвредны для общества независимо от того, приносят ли они пользу их обладателям или нет. Говорить, что народ некогда захотел узаконить привилегии, равносильно утверждению, будто он без обиняков выразил желание быть ограбленным! Ни одна конституция (чтобы она ни гласила) не могла подразумевать ничего подобного. Иначе остается предположить, что весь народ лишился рассудка, но в таком случае его конституция — дурной источник власти.

Уверяют, будто привилегия есть контракт, заключенный между правительством и обладателями хартии во имя блага общества, а посему его нельзя нарушать. Это довольно странно, ибо контракты расторгаются ежечасно. Разве не может общественная власть разорвать контракт с «Бруклин ферри боатс»? ⁵⁵ Почему бы и нет? Или власти не способны воз-

местить неустойку? Кроме того, насколько чувствительными окажутся убытки владельцев хартии, если они лишаться права препятствовать появлению других компаний, которые брали бы с пассажиров за перевоз *дешевле*? Какую сумму убытков могла бы обосновать «Нью-Йорк газ лайт компани»⁵⁶, если бы другие компании пачали обеспечивать освещение не худшего качества, по *по более низким ценам*? Можно ли сказать, будто с человеком или компанией поступили *несправедливо*, лишив права устанавливать более высокие цены, чем запрашивали бы их более честные конкуренты? Нам внушают, что привилегии служат *благу* общества. Каким образом? Если возникнет тяжба между обществом и обладателями привилегий, народ должен сказать: поведайте, насколько больше своих конкурентов вы запрашивали с нас, и мы терпеливо выслушаем вас! Но до тех пор ваша хартия отменяется. Вам придется вести дела на равных условиях с согражданами, которые станут вашими соперниками.

Говорят, будто некоторые привилегированные компании оказали услуги обществу, но еще не получили обещанного вознаграждения. Например, «Манхэттэн банк» поставляет воду нашим гражданам. Но разве они не платят за нее? А если нет, то по чьей вине? Неужели хартия *запрещает* компании устанавливать цены, которые окупали бы расходы? Следовательно, некоторые из наших граждан получают воду по цене *ниже ее стоимости*, зато остальные с лихвой восполняют убытки ком-

паний. Вот вам и признаки несправедливости, которых вполне хватило бы для отмены хартии, если бы не было и других.

Есть весьма серьезные причины незамедлительно уничтожить прежде всего привилегии, данные якобы *навечно*. Дело в том, что правительство, пожаловавшее, точнее, считавшее себя полномочным жаловать хартии, не имело на то никакого права, ибо сим поступком оно простерло свою власть на последующие поколения. Его действия выглядели бы более объяснимыми, если бы им двигала забота о том поколении, ради чьего блага оно руководит страной. Дабы подчеркнуть верность данной мысли, я приведу слова, как нельзя лучше объясняющие суть дела.

«Нигде и никогда не существовал, никогда не будет и не может существовать парламент, или некий род людей, или некое поколение, обладающее правом или властью *до скончания времен* повелевать и управлять грядущим, или устанавливать навечно образ правления миром, или указывать, кто должен им править. Следовательно, все подобные оговорки, акты или декларации, при помощи которых их творцы пытаются содействовать тому, что они не вправе и не властны совершать и исполнять, *по сути своей* недействительны. Каждый век и каждое поколение должны быть столь же свободны в своих поступках и действиях, как и предшествующие века и поколения. Самонадеянность и тщеславие замогильного правления есть самая смехотворная и дерзкая из всех видов тирании. Человек — не собственность другого

человека, ни одно поколение не может владеть грядущими поколениями» (*Пейн Т. Права человека*).

Не хочу быть заподозренным в неуважении к мертвым. Однако тому, кто не согласен с доводами, которые множество выдающихся писателей не раз выдвигало против «вечных привилегий», мы могли бы сказать: «Поскольку ни нынешнее поколение, ни его правительство не падало тебе сей древней хартией, ступай к своим дарителям! Отправляйся к ним, подними их из могил и потребуй от них соблюдения хартии или возмещения убытков, ибо если ты и вправе предъявлять претензии, то только к мертвым, но не к живым. Живые должны помышлять о собственном счастье, им нет дела до тех, на чью волю ты ссылаешься».

Банковские операции — один из самых распространенных предлогов, по которым испрашиваются привилегии. Однако они превращают банки в политические машины⁵⁷, приносящие большой доход с оборота денег, нежели можно получить без их помощи (в противном случае они были бы ни к чему). Против них я мог бы привести такие же возражения, как и против привилегий на перевозки, газовое освещение и т. д. Но, так как ради достижения своих целей банки ухищряются полностью или отчасти завладеть той верховной властью, которая связана с денежной системой или монетным двором (причем им потворствуют законодатели, нередко, а вероятнее всего, всегда подкупленные ими), и поскольку истинная природа прибыли, получаемой от присвоения, этой

власти известна не столь хорошо, как следовало бы, уместно подробнее исследовать сей предмет. Это привлечет особое внимание к моим предостережениям об опасности, которой грозит сохранение упомянутых институтов при системе, вынесенной на рассмотрение читателей.

Чтобы постичь сей предмет, впрочем как и любой иной, *необходимо копнуть поглубже*, дабы обнаружить его истоки; вернуться к тем *отдаленным временам*, где сокрыты первопричины, и тогда даже самый неискушенный ум уберется от ошибок. Представим, что народ нашего штата ввел предложенную мной организацию общества: каждый владеет равной собственностью, все заняты различными ремеслами, делами и промыслами сообразно своему выбору. Но есть пужда в дорогах и каналах. Их намереваются соорудить, а деньги в обращение еще не введены. Как быть? Допустим, гражданам штата хорошо известно, сколь важны и полезны деньги при обмене товарами, ибо они избавляют от хлопот и неудобств меловой торговли. Как ввести деньги в употребление? *Единственным* способом, а именно: правительство, как можно догадаться, располагает неким количеством серебра. Оно приказывает отчеканить монеты разного достоинства, наподобие тех, которые выпускает сейчас монетный двор Соединенных Штатов. Никому, кроме правительства, не разрешается владеть даже толикой этого металла. Как только будет отчеканено столько монет, сколько, по мнению правительства, необходимо для

задуманного дела, они поступают в обращение. Общественная власть обращается ко всем гражданам приблизительно с такими словами: «Все вы равны, как в правах личных, так и в праве на собственность. Вы все одинаково заинтересованы в прорытии каналов и прокладке дорог, поскольку они послужат вашему общему благу. Так пусть же каждый из вас запасется провиантом, инструментами и примет участие в одной из этих общественных работ. Каждый будет трудиться равное число дней до тех пор, пока работы не завершатся. Тогда каждый получит равную по весу долю сих кусочков серебра, больших и малых. Они являются вознаграждением за ваш труд на общественных работах (хотя, по правде, дороги и каналы — ваша совместная собственность — и уже сами по себе служат наградой для вас). Отныне пусть эти кусочки серебра переходят от одного к другому в качестве платы, *разумеется по взаимному согласию*, за то, что вы приобретаете или продаете. Они заменят меновую торговлю, которую вы вели до сих пор». Вполне вероятно, что именно так деньги были введены в употребление (хотя это, возможно, и не подтверждается фактами).

Даже если сразу после введения денег у каждого имелось бы равное их количество, вскоре равенство нарушится, ибо промыслы, коими заняты члены общества, *отличаются* друг от друга. Скажем, прежде чем получить доход от своих трудов, земледелец вынужден дожидаться урожая. А тем временем он тратит имеющиеся у него деньги, а возможно, и зани-

мает в долг, чтобы приобрести необходимое для жизни. Другие ремесла приносят доход ежечасно, вторые — ежемесячно, третьи — ежегодно. Хотя в течение года, двух или трех лет каждый будет располагать приблизительно одинаковой суммой денег, полученных от общественной власти (а к этому призвано стремиться правильно устроенное общество), все же в более короткие отрезки времени доли не могут быть неизменно равными.

Теперь вообразим, будто некие сметливые, но корыстолюбивые люди обнаружили, что в силу естественных и неизбежных причин возникло неравенство во владении деньгами. Понимая, насколько обмен с помощью денег выгоднее меновой торговли, и располагая в течение некоторого времени суммой денег, превосходящей равную, они попытаются получить привилегию на совершение сделок в благородных металлах, а для этого пустят в ход любые средства, чтобы обмануть правосудие или подкупить правительство. Что же произойдет? К каким бедам приведет сосредоточение почти всех денег в руках немногих? Разве монетная система не будет подорвана, по сути уничтожена? Не вернемся ли мы к меновой торговле? Перед лицом подобной альтернативы не придется ли человеку, ничего не выгадавшему от хартии, договариваться с банком о цене, которую он будет платить за пользование деньгами, т. е. *за пользование тем, что создавалось за счет общества и должно принадлежать ему*; условливаться о плате, которую бы никто с него не требовал, если бы

не *противозаконное объединение* случайных обладателей монет. Я утверждаю, что оно является *противозаконным*, хотя и получило от правительства хартию. Ибо данная привилегия наносит *ущерб* подавляющему большинству общества во имя *беззаконной и преступной* выгоды немногих. Именно эти свойства ставят объединение вне закона.

Если не по *форме*, то по *замыслу* оно столь же противоправно, как любой тайный *сговор*, преследующий ту же цель. Подобные сообщества карались всеми правительствами. Пожалуй, привилегий настырно домогаются прежде всего потому, что правительство, санкционировав объединение, по сути ничем не отличающееся от нелегального сообщества, не может беспристрастно карать преступление, в котором оно замешано как соучастник, или, выражаясь языком юриспруденции, *particeps criminis*⁵⁸, хотя суровая и неумолимая справедливость требует от него незамедлительно наказывать тех, кто *добыл* противозаконные хартии, даже если они выданы им самим. Если бы вершилось подлинное правосудие, правительство *должно* было бы тоже понести наказание. Ибо слово «правительство» в данном случае означает не что иное, как «слуги общества». Следовательно, они заслуживают кары, как заслуживает ее лакей, самовольно отдавший вино своего хозяина приятелю или знакомому. Было бы забавно, если бы приятель отказался вернуть вино хозяину, ссылаясь на свой контракт с лакеем! Вряд ли дело выглядело бы привлекательнее, если бы другой слуга этого

человека, например конюх, изображая из себя судью, решил бы дело в пользу незаконного владельца вина. В этом примере явно усматриваются все свойства пожалованных прав и привилегий.

Итак, надеюсь, читатель уяснил, как следует поступать обществу. Привилегии и тайный сговор — единственные способы, коими можно получить *барыши* от *обращения денег*. Так как оба способа порочны и противозаконны, то и прибыль преступна.

Пусть не говорят, будто обладатель некой суммы денег является безусловным владельцем, а следовательно, имеет полное право поступать с ними как заблагорассудится: не пускать в обращение или вовсе уничтожить их. Ничего подобного! Они его собственность *лишь в определенных пределах*, установленных им совместно со своими согражданами через общее для них правление. *Деньги отчеканены на средства всего общества, следовательно, были, есть и будут его собственностью*. Их владелец только пользуется ими. Применение денег позволяет избежать меновой торговли. В том и состоит смысл их употребления. Уничтожить или *держать их под судом* — значит мешать их использованию, искажать то предназначение, ради которого они с согласия общества были созданы. Имеет ли кто-нибудь право противодействовать намерениям общества? Нет! Не исключен и такой вопрос: позволено ли владельцу некой суммы денег хранить их без применения *сколь угодно долго*, подобно тому как хозяин поля может, если ему вздумается,

не возделывать его? Я отвечаю: конечно, нет. И добавлю: земледelec тоже не имеет на то права! Когда общая собственность человечества делится поровну между людьми (а я имею в виду именно такой раздел), то преследуется определенная цель. Иначе собственностью и впредь владели бы совместно. Какова же эта цель? Чрезвычайно простая: соглашаясь на раздел общей собственности, люди улаиваются заняться различными промыслами, дабы каждый получал от своего труда бoльшую выгоду, нежели при ином порядке вещей. Не будь подобного соглашения, каждому пришлось бы удовлетворять свои потребности исключительно собственными силами. А это поставило бы человека в довольно жалкое положение. Чтобы избежать никчемных затрат своего труда, он, становясь членом общества, соглашается изготовлять шляпы при условии, что кто-то другой будет тагать ботинки, третий — выращивать пшеницу, четвертый — ковать железо и т. д. При чем каждый обязуется производить достаточно продуктов не только для удовлетворения собственных потребностей, но и для нужд других. В том и состоит суть соглашения, чтобы *каждый использовал свои способности и возможности ради блага остальных*. Так можно ли говорить будто человек поступает справедливо, если он не трудится и не возделывает свою землю? Каждый человек, вступая в общество, по существу, соглашается своим трудом и собственностью производить излишек, которым могут воспользоваться остальные, а те, в свою оче-

редь, обязуются работать и для *него*. Конечно, сей долг не предписывает, каким именно образом человеку надлежит использовать свой труд и собственность. Причины достаточно очевидны. Но тем не менее сама *обязанность* является *настоятельной*, *непременной*. Справедливость не допускает никаких уклонений от нее. Она и есть подлинный общественный договор. «Ты удовлетворишь некоторые из моих потребностей, я удовлетворю некоторые из твоих» — так говорит каждый член общества другим. Люди, объединившиеся в общество, никогда не позволили бы войти в него тому, кто не обеспечивает ничьих потребностей, хотя бы собственных. Деньги же *были изобретены и введены* обществом для того, чтобы продукты без затруднений передавались от производителя к потребителю. Ради этого их создали, таково их назначение. Но есть и другие основания для запрещения любых попыток уничтожить деньги или держать их без применения.

Если все приведенные доводы не рассеяли сомнений в неправомерности действий человека, уничтожившего честно заработанный доллар, то я выдвину еще один аргумент. Я предположил, что при образовании государства было отчеканено и пущено в обращение определенное количество денег, после чего их выпуск прекратился. Каково бы ни было это количество, цены вскоре достигнут некоего уровня, который останется неизменным, пока его что-нибудь не нарушит. Пойдем в наших рассуждениях еще дальше. Вообразим, будто наш штат не имеет никаких связей с другими

штатами и странами. Совершенно ясно, что в этом случае цены не будут колебаться, а употребление денег окажет обществу и всем его членам величайшую услугу. Но, положим, некий таинственный, неведомый властям субъект раздобыл (что вполне вероятно) серебро столь же высокой пробы, как и пущенное в обращение правительством, изготовил такое же количество монет, причем неотличимых от подлинных. Итак, все принимают их за монеты, отчеканенные правительством. Каковы возможные последствия? Не попадут ли вскоре в руки подобной личности огромные состояния? Будет ли его богатство равноценно приобретенному естественным образом? Наверное, большинство общества воспротивилось бы подобному накоплению богатства. В данном случае подлинное серебро ничуть не лучше фальшивых монет, изготовленных из низких металлов. Конечно, серебро — более редкий металл, его сложнее раздобыть, а потому оно *меньше подходит* для тайной чеканки новых средств обращения. Однако изготовленные из серебра деньги, неотличимые от выпущенных правительством, привели бы к тем же последствиям, что и подделки фальшивомонетчиков.

Переход чужой собственности к человеку, тайно чеканящему пезаконные монеты, не единственное бедствие, которое может произойти. После того как цены установятся на определенном уровне, лжемонеты постоянно будут менять количество средств обращения, увеличивая его. Уровень цен нарушится, в умах неминуемо пробудится тревога и неуверен-

ность в ценах, что пагубно скажется на продуктивности труда.

Итак, если выпуск незаконной монеты, ничем не отличающейся от денег, отчеканенных правительством (за исключением того, что они изготовлены без его согласия), приведет к печальным результатам, то каковы же будут последствия сокращения числа монет, находящихся в обращении? Разве не точно такими же? Или *уменьшение* средств обращения не поколеблет уровня цен? А коли так, никто не вправе уничтожать принадлежащий ему доллар. Разумеется, уничтожая деньги, человек *не обогащается* в отличие от фальшивомонетчика. Но, уменьшая свое состояние, он вредит интересам всего общества, а это совершенно непозволительно. Справедливость — достояние общее, а посему он не вправе нарушать ее даже в отношении самого себя, не говоря уже о других.

Если моя теория роли денег, в частности последствий увеличения или уменьшения их количества, представляется вполне обоснованной, то остается признать, что правительства всех стран, правильно поняв свои обязанности, должны объявить драгоценные металлы общественной собственностью.

Действительно, изредка подобные распоряжения отдавались, то ли из корыстолюбивых побуждений, то ли из просвещенного понимания разумности такого решения. Впрочем, сейчас это не важно. Завоевав Мексику и Южную Америку, Испания одно время присваивала себе половину чистого дохода от всех серебра-

ных и золотых приисков, разрабатывавшихся в этих странах. Затем долю сократили до *одной трети*, потом до *одной пятой*. Такой она оставалась вплоть до окончательного падения испанского господства. Значительно увеличить накопления этих металлов можно только за очень длительный срок, быть может за несколько веков. На то есть известные причины: названные металлы встречаются гораздо реже остальных; затраты на сооружение рудников велики, столь же велик риск и сомнительность успеха; часть металлов утрачивается из-за износа, невосполнимых потерь в океане и других местах; часть — расходуется на изготовление посуды и прочих предметов; несмотря на резкое увеличение производительности труда, вызванное машинами, заменяющими труд человека, спрос на металлы со стороны коммерсантов возрастает быстрее; наконец, хотя металлов накопилось и накапливается все больше, но и численность населения мира тоже увеличивается. Если бы существовал иной порядок вещей, правительство, конечно же, сочло бы необходимым объявить эти металлы неотчуждаемой собственностью верховной власти, не подлежащей частному присвоению или владению, либо узаконило в качестве средства обращения какой-нибудь иной материал.

Из вышесказанного следует, что общество не должно мириться с существованием банков, даже если они используются только как хранилища золотых и серебряных монет (а лишь они и являются деньгами). Банки можно сохранить только при условии ликвидации част-

ного контроля над ними. Управление банками следует поручить чиновникам, назначаемым правительством, как это заведено в Амстердаме. Они обязаны принимать на хранение от частных лиц золото и серебро, открывать на имя вкладчика счет, равный сумме вноса, и выплачивать по его распоряжению часть суммы или всю целиком либо переводить деньги на счет другого лица, располагающего соответствующим распоряжением вкладчика*.

Однако нынешнее правительство позволяет банкам принимать деньги ради их обращения в прибыль, или, говоря простым языком, *в ба-рыш*. Последующие страницы убедят читателя в том, что подобные действия являются несправедливостью по отношению к человеку, вносящему деньги, и преступлением со стороны того, кто их берет. Но поскольку многие люди, страдающие от притеснения и гнета банков, все же верят, что названные учреждения являются скорее благом, нежели злом, то уместно развеять их заблуждения. А посему стоит исследовать, каким образом деятельность банков ухудшает даже современное положение вещей.

Дабы разобраться в этом вопросе, надо обратиться к временам, предшествовавшим появлению банков, и сравнить существовавшее тогда состояние дел с возникшим впоследствии. В те недавние времена (а банки — изобретение новейшее, даже сейчас они неведомы в большин-

* Доклад Гамильтона⁵⁹ о Национальном банке. 1790. С. 34.

стве стран мира) учетная ставка определялась сама собой, подобно тому как устанавливается сама собой цена товаров в коммерческих сделках. Объединение *заимодавцев*, стремящихся с помощью хартии либо иного средства *устранить конкуренцию между собой*, дабы получать с *должников* бóльшие проценты, чем прежде, явно посягает на принципы честной торговли. Означенное объединение, имеющее охранную хартию или ее не имеющее, по справедливости заслуживает такого же наказания, как любое подобное сообщество пекарей, мясников, суконщиков, судовладельцев и т. д., ибо оно тоже является заговором с целью как можно больше нажиться на обществе. По своему замыслу и характеру это напоминает поведение портного, который, сшив одежду за плату, к коей вынуждает его честная конкуренция, подкарауливает своего клиента и, представив пистолет к груди, требует заплатить еще столько же. В качестве члена сообществ, о которых идет речь, он, по сути, действовал бы точно так же, а потому должен понести кару как в первом, так и во втором случае.

В нашей стране размер учетных ставок определен законом и банки *формально* не осмеливаются превышать его. Но *фактически* делают это. Что же происходит?

Порой люди, не отличающиеся проникательностью ума, говорят, будто проценты, взимаемые банками, нельзя считать ростовщическими, ибо они установлены законом. Но, позвольте спросить, зачем же тогда банкам нужны хартии? Чтобы получать *меньший* процент?

Если закон ограничивает учетную ставку, скажем, семью процентами, то неужели займодавцы оскорбили бы святость закона и права *остальных* людей, взяв только три процента? Итак, рассматривая сей вопрос и стремясь разрешить сомнения пытливого ума, нам придется опереться на совершенно иные принципы. Весь секрет в том, что банки выпускают обязательства на сумму, превышающую то количество золота и серебра, которое они имеют (хотя они и сулят оплатить обязательства по первому требованию). Выпуская обязательства, они получают такую же прибыль, как если бы на самом деле обладали необходимым запасом драгоценных металлов. Но попросите их ссудить золота и серебра на сумму выпущенных ими обязательств, и они вынуждены будут сознаться: «У нас нет такого количества, мы имеем намного меньше». Следовательно, ростовщичество банков проявляется в том, что они извлекают прибыль из *обязательств*, не являющихся деньгами (как, впрочем, и из *подлинных денег*, поскольку располагают и наличными для выплат).

Как свидетельствуют последние отчеты, все банки штата Род-Айленд выпустили собственные обязательства на сумму 887 969,17 доллара. В то же время их наличные средства, предназначенные для выплат, составляют всего 357 512,07 доллара. Таким образом они получили в виде прибыли 530 357,10 доллара, что значительно превышает их ссудные возможности и, конечно, больше, чем они ссудили на самом деле.

Согласно последним отчетам, банки штата Джорджия имели в обращении обязательства на сумму 2 243 482,44 доллара. Тогда как наличные составляли 662 087,65 доллара. Таким образом, в данном случае полученная прибыль равна 1 571 394,79 доллара.

«Кемикл банк», находящийся в нашем городе, равно как и «Драй Док банк», занимается еще более гнусными делами.

«Кемикл банк» получает доход от обязательств, ссуженных его клиентам. В обращении находятся обязательства на сумму 155 164,00, а наличные для производства выплат составляют 20 094,47. Излишек равен 135 069,53.

«Драй Док банк» получает прибыль от обязательств, выпущенных на сумму 158 100,00. Тогда как наличные составляют 8 476,55 доллара, т. е. излишек равен 149 623,45 доллара.

Разве найдется человек, который, несмотря на мои разъяснения, не поймет ростовщической сущности банков? Так пусть он отправится в «Драй Док банк» и от имени общества возьмет в кредит 8476 долларов и 55 центов наличными и даст расписку, обязуясь на следующий день вернуть долг и уплатить проценты, но не с суммы, полученной наличными, а с 158 100 долларов (а именно такова стоимость бумаг и обязательств банка). Неважно, оставались бумаги в банке или нет. В любом случае банк, ссудив 8476 долларов, получил бы проценты, которые причитались бы с 158 100 долларов, т. е. в 18 раз больше суммы денег, ссуженной на самом деле! Хотя данная компания занимается вполне обыденными де-

лами, связанными с нашим торговым флотом, и тем самым *всего лишь* исполняет свой гражданский долг, она получает проценты, в 18 раз превышающие запас золота и серебра, считающийся по закону ее собственностью.

Пусть кто-нибудь пойдет в «Кемикл банк» и, заняв 20 094 доллара золотом и серебром, выплатит проценты с 155 164 долларов (в семь раз больше, чем следовало бы). Пусть он займет у «Банка Джорджии» 672 087 долларов наличными, но выплатит проценты с суммы, превышающей эту сумму в три с лишним раза, а именно с 2 243 482 долларов и 44 центов. Пусть, наконец, он обратится к банкам Род-Айленда, займет все их наличные, т. е. 357 612 долларов, и выплатит проценты с суммы 887 969 долларов. А затем, вернувшись домой, пусть спросит себя: понятно ли ему теперь, как осуществляются эти ростовщические операции?

Могут возразить — дескать, никто не обязан платить подобные проценты. Тем не менее операции банков остаются не чем иным, как ростовщичеством. Пока выплачиваются и получаются проценты — ростовщичество существует. Более того, деяния банков — это принудительное ростовщичество, ибо все или почти все деньги общества, т. е. золото и серебро, находятся в руках этих корпораций. Пока у нас есть две возможности: обходиться без денег, вернувшись к меновой торговле, либо наряду с подлинными деньгами пользоваться деньгами мнимыми, выплачивая проценты как на те, так и на другие.

Пусть читатель подумает: не прибегают ли банки к тем же самым уловкам, коими пользуется частный ростовщик, желающий получить бóльшие проценты, нежели позволяет закон. К примеру, он дает в долг 1 тыс. долларов золотом и серебром и тайно, без свидетелей, взяв от должника расписку в получении 12 тыс. или 15 тыс. долларов, смотря по договоренности, требует уплаты процентов именно с этой суммы. Не важно, в какой *форме* проворачивается махинация. Главное, ее последствия те же самые. Хотя расписка, полученная частным ростовщиком от своего должника, не поступает в обращение, суть дела ровным счетом не меняется. С точки зрения общественного блага это не так важно. Даже если подлинная ценность расписок соответствовала бы указанной на них, ничто не изменилось бы. И без расписок, и без обязательств, находящихся в обращении, солнце будет вставать и садиться, жажда и голод утоляться, а труды человека — вершиться по-прежнему. Именно так обстоит дело, когда банков не существовало. Именно так и поныне обстоит дело там, где их не существует. Следовательно, банк, ссужающий больше денег, нежели он имеет в наличности (а я протестую именно против подобных банков), нарушает законы, запрещающие ростовщичество, а его учредители заслуживают кары, а хартия — отмены.

Могут спросить, не напрасно ли я приравниваю сделки частного ростовщика к операциям банка, ведь последний содействует денежному обращению. Давайте представим, будто некое-

му банку, к примеру «Кемикл банк», велели прибавить к их наличному золоту и серебру оцениваемому в 20 094 доллара и 47 центов, определенное количество неблагородных металлов на сумму, равную сумме его обязательств, находящихся в обращении, т. е. на 155 164 доллара. Пусть банк ссужает обществу эти поддельные доллары; пусть они переходят из рук в руки; пусть люди выплачивают на них проценты и последствия будут в точности такими же, как и у современной системы банковских бумажных обязательств. И в том и в другом случае не без оснований предполагается, что должник вернет деньги и уплатит проценты. Поэтому банкам ни к чему обеспечивать свои обязательства подлинными деньгами. Черты ростовщичества просматриваются здесь столь же зримо, как солнце в божий день. Никакого отношения к нуждам обращения система обязательств не имеет.

Стоит сказать еще несколько слов про обращение банковских обязательств, ибо сторонники банков всегда ссылаются на него, когда у них иссякают другие доводы. Необходимо раз и навсегда уяснить, что проценты выплачиваются не потому, что банковские обязательства выпущены в обращение, а поскольку они даны взаймы. Должник может, если ему вздумается, запереть их в столе, но банк все равно взыщет с него проценты. Более того, если уж кому-нибудь и следует платить за обращение банковских обязательств, то должнику, а не банку, ибо именно должник пускает их в оборот. С этой целью он их и занимает. Иначе он вовсе не стал бы их брать.

Кое-кто скажет: «Да, отчасти вы правы, но разве не может банк получать проценты за предоставление кредита?». Я отвечаю — нет! Если банку или какому-нибудь лицу предоставлено право давать кредит под проценты, такое право должны иметь и остальные. К примеру, Джон Джэкоб Астор, который в состоянии купить пять таких банков, как «Кэмикл банк», мог бы обратиться в него с просьбой ссудить 155 164 доллара. Несомненно, банк окажет ему эту услугу, т. е. ссудит свои обязательства, а он, в свою очередь, *даст им обязательство* со временем погасить долг. Позвольте спросить, почему бы Джону Джэкобу Астору не взыскать проценты с обязательства, данного им банку на том же основании, на каком банк намерен получить их с него? Да, возразят мне, но обязательства банка оплачиваются по первому предъявлению. Конечно, если речь идет только о 20 094 долларах и 47 центах. Все остальное лишь обещание уплатить по первому требованию, однако обещание невыполнимое, а стало быть, *ложное*. Если во все банки одновременно были бы предъявлены требования оплатить все выпущенные обязательства, они не смогли бы помочь друг другу; они не сумели бы помочь хотя бы одному банку выполнить данное обещание, ибо враг стоял бы и у их собственного порога. Следовательно, если бы Джону Джэкобу Астору причитались проценты, то лишь с 20 094 долларов и 47 центов, поскольку обещание остальной суммы было *ложью*, причем заведомой.

А потому рабочий или кто-то иной, кому

привелось иметь дело с человеком, которому Джон Джэкоб Астор заплатил за пекую услугу *бумажными долларами*, мог бы сказать: «Сэр, это не деньги, а всего лишь *обещание их*. Я *могу* принять эти бумажки вместо денег, но, пока я не обращаю их в подлинные деньги, я надеюсь, что вы будете выплачивать мне проценты с этой суммы». Никто не смог бы оспорить правомерность подобного требования. Раз Джон Джэкоб Астор выплачивает непомерные, ростовщические проценты «Кемпкл банк», то всякий, кто ведет с Астором денежные дела, должен понимать, что ему тоже придется заплатить часть процентов. Если же он не станет платить, то придется расплачиваться самому Джону Джэкобу, и тот вскоре утратит платежеспособность, а в недалеком будущем докатится до нищеты. А ведь именно описанным способом каждого человека вынуждают оплачивать часть этого ростовщического процента!

Итак, с какой бы точки зрения мы не рассматривали банковские операции, совершенно очевидно, что они усугубляют пороки современного порядка вещей и, конечно же, недопустимы при системе, которая призвана, во-первых, дать каждому человеку его равную долю собственности; во-вторых, по справедливости передавать эту равную долю грядущим поколениям; в-третьих, уберечь равенство от всех посягательств на него. Следовательно, конвент штата обязан запретить законодательной власти штата раздавать хартии на создание подобных корпораций.

Если придерживаться моих доводов против привилегированных корпораций, скажут мне, то нужно лишить наше городское управление права ремонтировать улицы и устанавливать фонари. Да, польза наделения сего учреждения слишком большой исполнительной властью весьма сомнительна. Если бы не сомнения, правительство штата давно предоставило бы городскому совету право взимать налоги с граждан, нарушать границы частных владений при прокладке улиц и делать многое другое, что совет пока не вправе совершать без предварительного разрешения властей штата. Что касается *наиболее важных* законодательных вопросов, то наш городской совет, по сути, является комитетом, уполномоченным гражданами рассматривать общественные дела. Он может судить о целесообразности той или иной меры и испрашивать у общественной власти ее дозволения. Однако, по моему убеждению и с точки зрения общественного блага, совет сосредоточил в своих руках слишком большую власть. Но я рассматривал привилегии под иным углом зрения. Я имел в виду хартии, предоставляющие исключительные привилегии, а не те, которые препоручают графству область суверенной власти, относящуюся к попечению о дорогах, пролегающих по его территории (хотя и здесь следует соблюдать осторожность, дабы полномочия графств были разумно ограничены). Я бы даже осмелился предложить (правда, не по зрелому размышлению) учредить постоянно функционирующую законодательную власть, которая управляла бы всеми

делами графства. При известных обстоятельствах она была бы плодотворнее нынешнего способа ведения дел. Могут возразить, что у законодателей не хватит времени на вопросы о дорогах и т. д. Конечно, где им найти время, если зимняя сессия полностью занята прениями о банковских биллях и прочими предметами, связанными с предоставлением исключительных привилегий! Но если бы конституция штата запретила институты, отнимающие у общества столь много времени, по крайней мере запретила бы законодателям *обсуждать их*, дело обстояло бы иначе.

Г-н Пейн писал: «Утверждать, будто хартия наделяет правами, — значит искажать истину»*. Хартия приводит к обратному — к *лишению прав*. Права, безусловно, *опираются* на волю большинства граждан, а привилегии, лишая большинство принадлежащих ему прав, передают их немногим. Если бы в хартиях прямо говорилось, что *каждый гражданин, не состоящий членом корпорации, не имеет права голоса*, то подобные хартии даже формально были бы привилегиями не на получение прав, а на их лишение. И в нынешней форме они ведут к тем же самым последствиям. Привилегии воздействуют единственно на тех людей, которых они лишают прав. Человек, чьи права охраняются, т. е. не отчуждаются, пользуется только теми правами, которыми он наделен и без хартии, иначе говоря, правами члена обще-

* Права человека. С. 202. (Второй том работ Т. Пейна, изданный в Филадельфии в 1797 г.)

ства и некоторыми иными. Следовательно, привилегии имеют только отрицательную силу.

Я мог бы проиллюстрировать мои замечания примерами, близкими нам. «Бруклин ферри боатс», точнее, ее владельцы, пользуясь полученной хартией, *никому не позволяют* перевозить пассажиров. Если бы не привилегия, многие могли бы заняться этим промыслом (и за более низкую плату). «Нью-Йорк газ лайт компани» обеспечивает освещением некоторые кварталы и наделена привилегией, *запрещающей* другим поставлять в них газ. Если бы не хартия, потребители получали бы его *дешевле*. «Драй Док банк», помимо всего прочего, имеет исключительное право создавать *корпорации* и предоставлять (используя свои запасы золота и серебра) кредит на условиях 120 или 130 % годовых. *В то же время частным лицам запрещено создавать подобные объединения и получать больше 7% годовых.* Названные компании не смеют утверждать, будто они вполне справедливо наделены полномочиями в той области суверенной власти штата, которая относится к денежной системе. Даже если предположить, будто правительство штата все-таки вправе принимать подобные решения, даже если допустить, что выпуск бумажных денег способствует благу штата, тем не менее как можно позволять одному займодавцу получать 120 или 130% годовых, тогда как другие должны довольствоваться 7? Это яркое свидетельство несправедливости ведет к немедленной отмене хартии.

Спросите владельцев «Драй Док банк»: на каком *основании* они притязают на право вымогать у общества 150 тыс. долларов барыша в виде совершенно необоснованных процентов? Что мы услышим в ответ? Не сошлутся ли они на то, что, изготовляя банковские обязательства (якобы во имя блага общества), компания, во-первых, затратила колоссальную сумму — 2776 долларов и 32 цента на бумагу, гравировку и т. д., во-вторых, понесла непредвиденные расходы, а посему отныне и навсегда имеет право получать ежегодно в виде процентов более 10 000 долларов? *

Против подобных привилегий, а не против корпораций города или графства были направлены мои возражения. Деятельность корпораций ограничена узкими рамками, подчинена общим интересам, а не частной или личной корысти. Хотя, как уже было сказано, даже этих дел не стоило бы им поручать, если бы суверенная власть могла успешно справляться с ними, опираясь непосредственно на свои права. Вероятно, так будет, когда установится равенство людей в собственности и во всем остальном. Тогда всякий поймет, что при всем желании, несмотря на любые ухищрения, ему не завладеть имуществом своих сограждан. И, конечно, наши законодатели не будут впустую тратить время, обсуждая никчемные пред-

* См. отчет компании Законодательному собранию штата. Сумма непредвиденных расходов составила 1736 долларов и 77 центов. Остальные затраты — как указано выше.

меты. Время, отнимаемое ныне несправедливым делом, заполняют проблемы честного и полезного законодательства. Наши законодатели наконец-то займутся действительно насущными вопросами. *Тогда правительство станет, как говаривал Свифт⁶⁰, предметом, доступным умственным способностям каждого.*

Ратуя за позволение десяти или двадцати гражданам совместно владеть кораблем или парходом, я не противоречу собственным доводам, доказывающим вред хартии. Мне могут сказать, что подобные ассоциации являются разновидностью привилегированных компаний. Неверно! Если, вступая в жизнь, все мы будем обладать равной собственностью, то во многих случаях нам придется владеть ею совместно. Иначе исчезнут многие крайне необходимые виды собственности. Ассоциации должны создаваться только по необходимости. Примером такого объединения может служить «Драй Док», компания, которую я упоминал, говоря о банковских привилегиях. Чтобы включить небольшие ассоциации в наш политический механизм, нужно выяснить, дадут ли они нам желаемые результаты и можно ли устроить так, чтобы они не принесли вреда.

Прежде чем перейти к другим вопросам, я думаю, полезно поговорить о необходимости ассоциаций, совместно владеющих некоторыми видами собственности. После установления в обществе предлагаемого мною порядка найдется немало промыслов, в которых человек сможет приобрести все необходимое для труда только на свои средства. К примеру, корабль может

купить достаточно большая группа людей, вероятно не уступающая числу его матросов. Скорее всего, и пароход могли бы приобрести только в складчину те, кто занят его обслуживанием. В таком же положении оказались бы доки, на которых трудятся сто и более человек, и крупные торговые предприятия, где занято много клерков, носильщиков, возчиков, и другие подобные промыслы. Следует учесть, что жены всех мужчин, занятых этими промыслами, будут владеть равным с ними имуществом, а следовательно, сумму совместной собственности следует удвоить. Будет естественно и разумно, если лица, связанные с подобными ремеслами, вложат свою собственность в то предприятие, где они намерены использовать свой труд. Всюду, где потребуется создать ассоциации, необходимо предусмотреть, чтобы глава, управляющий или капитан, избранный членами ассоциации, подчинялся ее уставу, а в случае нарушений заменялся бы более достойными людьми. Теперь я перейду к *политической* стороне создания ассоциаций.

Рассматривая характер и свойства ассоциаций, нам следует иметь в виду, что они будут связаны не только друг с другом, но и с обществом, на которое окажут несомненное влияние, равно как и само общество будет воздействовать на них. Посему ассоциации, во-первых, не должны быть чересчур большими, дабы они не могли нанести ущерб обществу. Если нашему городу нужны, скажем, два дока, то нельзя позволять одной ассоциации владеть ими. Конечно, ограничение собственности ассоциации

вызовет у многих несогласие. Но им следует учесть, что, разрешив ассоциации с неограниченным капиталом, мы, по существу, позволим, к примеру, *пекарям* объединиться под единым началом и произвольно устанавливать цены на хлеб. Тогда они поймут: создание *больших* ассоциаций, *не вызванное крайней необходимостью*, противно интересам общества. Мои замечания относятся и к остальным промыслам. Появление крупных ассоциаций привело бы к подчинению одних ремесел другими, а их деятельность была бы не чем иным, как покушением на интересы общества. Если нашему городу потребуются два дока или больше, то падлежит создать две ассоциации. В них не должны входить одни и те же лица, иначе деятельность ассоциаций окажется под их контролем или руководством. Ассоциациям запрещается уславливаться между собой о ценах. Иначе общество постигнут бедствия, которыми сопровождаются заговоры, направленные против него.

Во-вторых, долги ассоциации не должны причинять ущерб обществу. Каждый ее член отвечает своей собственностью за долги ассоциации. Взяв кредит на свои личные нужды, он обязан погашать долг только за счет своего имущества или своей доли собственности ассоциации. Остальные члены ассоциации не должны нести убытка.

В-третьих, отношения внутри ассоциации должны строиться на принципе уважения большинством прав меньшинства. В случае его нарушения великая, общая для всех нас власть, стоящая надо всем и всеми, полномочна потре-

бовать от большинства, впрочем как и от любого члена общества, соблюдения данного принципа.

Если ассоциации будут организованы указанным образом, они принесут ту пользу, на которую мы вправе рассчитывать, и не породят бедствий, которыми чревато злоупотребление властью. Собственность ассоциации может быть распродана только в том случае, если выкуплены все пай, а для этого требуется согласие каждого члена. Большинство членов не могло бы самовольно заключать подобные сделки, оно лишь руководило бы и управляло использованием собственности, считаясь с правами всех участников ассоциаций и подчиняясь надзору верховной власти, если того потребует кто-либо из ее членов.

У меня есть и другие возражения против действующей конституции. Исходя из религиозных мотивов, она предоставляет привилегии и лишает прав. Итак, конвент штата необходим для внесения в нее соответствующих изменений. Если есть хоть крупица истины в утверждении, что все люди равноправны в почитании Создателя всего сущего, то, конечно же, творения рук человеческих, коими являются правительства, не смеют посягать на это равенство. Можно ли усомниться в том, что Тот, кто насылает дождь на праведных и неправедных, кто создал землю равной для всех, не одобрил бы систему правления, которая дает человеку некую долю собственности земного шара, но в то же время отбирает ее, ибо освобождает некоторых индивидов от обязанности вносить на-

равне с другими равную лепту в служение обществу, которое *охраняет* их подлинные права?

Если общество состоит из людей, паделенных равной собственностью, владеющих ею по праву своего существования, то сколь возмутительна конституция, освобождающая определенньй класс людей от пошения оружия в обмен на уплату государству денежных взносов. Ради всего, что свято, к чему только может взывать человеколюбие, скажите: какие деньги возместят жизнь и кровь? Каким пелепым, каким чудовищно извращенным выглядит разум человека, когда на страницах конституции свободного народа обнаруживасшь, что жизнь приравнивается к некой сумме денег!

Истина — чистая, подлинная истина состоит в следующем: нет никаких разумных оснований чинить препоны человеку, пожелавшему получать свою долю собственности в данной части земного шара, к примеру в штате Нью-Йорк, а не где-нибудь еще. Но если он *не желает исполнять свой общественный долг, по характеру и степени опасности равный долгу остальных*, то нет никаких разумных и естественных причин, обязывающих нас выделить ему собственность именно в данной стране. Если мы пренебрежем этим условием, нам грозят разные бедствия (включая порабощение), которые обрушатся на всех, а не только на уклонившегося от исполнения долга. Поэтому общество имеет бесспорное право изгнать всякого, кто отказывается пожертвовать кровью для его спасения. Принцип самозащиты дает обществу такое право. Человек, не желающий

сражаться за свою собственность и свободу, не смеет упрекать своих *соотечественников*, если они лишат его имущества и изгонят из страны раньше, чем это сделает враг-чужеземец. Не все ли ему равно, кто изгонит его? Человек, не защитивший свою собственность так, как повелевало ему правительство страны, *тем самым отказался от нее*. Не ссылайтесь на право свободы совести! Нет совести у того, кто, бросив свое имущество на произвол врага, *вновь притязает на него*, после того как другие отстоят его добро от завоевателей! Нет совести у того, кто желает сохранить *свою собственность* ценою крови и достоинства *собратьев*, и, конечно же, никто не вправе требовать, чтобы закон относился к нему иначе, нежели к остальным гражданам.

Поскольку принцип равенства необходимо оградить от любых посягательств, государство не может считать своим гражданином человека, который попирает равноправие, отказываясь исполнять столь жизненно важный долг, как защита общества. Принцип равенства не позволяет препятствовать кому бы то ни было избираться или занимать любую гражданскую или военную должность, любой государственный пост. Грош цена словам, будто человек, «посвятивший свою деятельность служению богу, не должен отвлекаться от своих великих обязанностей»*. Законодательство не вникает в отвлеchenные домыслы. Оно призвано обеспечивать благополучие общества: во-первых, оберегать

* Конституция нашего штата. Статья VII. Раздел IV.

равные права на собственность и равенство в ее передаче последующим поколениям; во-вторых, защищать *равенство личных прав*. Как может устоять равенство, если в дни мира я обязан тратить 35 дней в году (причем за свой счет), обучаясь военному *искусству*, дабы принести пользу в случае войны, тогда как другой человек, величающий себя «служителем», полностью освобожден от несения военной службы? Хорошим гражданином, вне всяких сомнений, является только тот, кто учится защищать отечество, если того требует безопасность общества. Так мыслимо ли уверять, будто некий человек освобождается от исполнения долга честного гражданина? И можно ли оправдывать его освобождение ссылкой на «служение богу» или на другое сомнительное занятие?

Поскольку все люди равны, то «служение богу», освобождая одного гражданина от какой-то общественной обязанности (неважно какой), должно освобождать от нее и всех. Священнослужитель всего лишь человек. Его долг перед богом и людьми ничем не отличается от долга его сограждан, а следовательно, на него распространяется закон вечной и непреложной справедливости. Кроме того, позвольте спросить: что означает «служение богу»? Разве религия не является сугубо личным, частным делом? Разве она не касается исключительно отношений между человеком и Создателем, который, по его вере, сотворил индивида, — отношений, к коим правительство не имеет никакого касательства и не смеет вмешиваться ни под каким предлогом? (Конечно, оно *вправе потре-*

боясь от священника исполнения его гражданских обязанностей). Как понимать «служение богу»? Если бы речь шла о служении человеку, я бы постиг смысл этого выражения. Служение есть нечто приносящее человеку пользу, творящее ему благо, улучшающее его положение. Но как понимать «служение» в данном случае? Способен ли священник улучшить положение Всемогущего? Пристало ли Верховному существу получать благодеяния от своего творения? Убежден — нет человека, настолько слабого рассудком, чтобы отстаивать подобную глупость. Если слово «служение» означает заботу о благе самого священника, то дело в корне меняется. В таком случае со «служением богу» следует считаться не более чем с любым другим ремеслом.

Раз каждый человек обязан совершенствоваться в военном искусстве, обязан упражняться в нем и священник. Если, служа своей стране, каждый человек обязан идти на бой и на смерть, священник должен разделить эту обязанность наравне со всеми. Нет и не может быть исключений. Этого требует равноправие. Нельзя поступаться им в угоду прихоти отдельных индивидов.

Вот, пожалуй, и все о военной службе. Что касается лишения священнослужителей права избираться на гражданские должности, то это есть не что иное, как притеснение и явная несправедливость. Ее нельзя оправдать ссылкой на нежелание священников занимать гражданские посты. История свидетельствует, что не так уж редко они стремились к ним. Да что там! Стоит

оглядеться вокруг, и мы увидим во многих странах немало священников и пыше стоящих у власти. Но это еще не все. Поскольку в нашей конституции содержится статья, запрещающая народу, верховному суверену, избирать священника своим гражданским магистратом, мы не в силах избрать его, даже если бы этого пожелали девяносто девять человек из ста. Устаповив свой суверенитет, народ тем не менее сковал собственное верховенство столькими оговорками (включая и рассматриваемый пример), что превратил его в пустой звук. Оковы эти являют собой нечто невероятное. Оговорки недвусмысленно возвещают, что свободный народ, наделенный всей полнотой власти, не смеет беспрепятственно пользоваться ею. Это не подлинная свобода! Людям подобает быть дерзновеннее. Став свободными, они станут отважнее! Если некий класс людей, рвясь к власти, ссеет страх и ужас, то настал час вступить с ним в противоборство всюду, где только можно,— на выборах и т. д. Это единственный, по крайней мере наиболее действенный, способ добиться свободы. Церковники имеют права пожелать гражданских постов. Дайте им возможность воспользоваться ими, и, слово чести, через несколько лет они утратят безмерное влияние и почитание, коими окружают их многие, слепо преданные им. Если же они не захотят занимать должностей, то существующий запрет станет бессмысленным.

Не следует говорить, будто запрет на занятие гражданских постов как бы уравнивает освобождение священников от военной службы,

а стало быть, общество и священнослужители квиты. Не стоит обольщаться, это вовсе не равенство. Кроме того, правительству не пристало торговать или узаконивать обмен правами. Каждый паделен всеми правами, они принадлежат исключительно ему. Не поступаясь честью или справедливостью, нельзя выпудить человека поменяться ими.

Было бы правильно упразднить сенат штата. Два законодательных органа, каждый из которых может наложить вето на решения другого об отмене, реформе или введении законов, являются собой невиданный феномен: правительство, которое якобы выражает волю народа, и законодательные палаты, не считающиеся с ней. Более представительная палата может единогласно одобрить некую меру, а фракция большинства в самой малочисленной палате (сенате) беззастенчиво проваливает ее! Воля меньшей части законодателей главенствует над волей большинства! Пора избавить нашу конституцию от этой чепухи. Ни при каких условиях меньшинство не должно править; оно не смеет препятствовать ни принятию новых законов, ни отмене или изменению старых. В обоих случаях меньшинство попирает волю народа, а этого нельзя допускать в стране, намеревающейся уберечь равные права людей. Кроме того, каким посмешищем выглядит общество, граждане коего, назначив уполномоченных для ведения своих совместных дел, позволяют им проваливать любой законопроект, который сам народ наверняка бы принял? Ведь глупо было бы посылать двух послов в одну и

ту же страну, поручая каждому из них заключить договор по своему усмотрению. Если бы послы сходились во взглядах, договор, возможно, оказался бы толковым, в противном случае он был бы пустым местом. Нации не прибегают к подобной практике в отношениях друг с другом. Не следует использовать ее и во внутренних делах.

Я не перестану опровергать множество так называемых «доводов», которыми пытаются опорочить великий принцип, утверждающий приоритет воли большинства в делах правления. Пока действует этот принцип, у человека сохраняется возможность защитить свои права. Не станет его, и человек немедленно лишится прав, превратится в раба, не имеющего надежды на освобождение. Отмените сей принцип, и тут же раздадутся бесчисленные призывы ко все большему ограничению прав, а в итоге один человек будет править всем родом людским, полагаясь на свою волю и прихоть. Золотой середины не будет. Говорят, будто народ назначает всех правителей, а посему он в безопасности. Это не так, особенно при нынешнем порядке вещей. Да, народ избирает своих законодателей, но не следует забывать о классе аристократов, располагающем большими денежными средствами для их подкупа. Причем каждый знает — легче подкупить несколько человек, чем многих. Если нам скажут, что большинство членов палат законодательных ассамблей порой ведет себя опрометчиво и неразумно, то с этим мнением следует согласиться. Но согласиться с *фактом*, а не с выводами. Многолюд-

ные сообщества приходят в возбуждение, особенно во время выборов. В суете они часто поступают так, как никогда бы не поступили по трезвому и глубокому размышлению. Но не глупо ли искать противоядие от распрей в предумышленном разделении избирателей на два класса — один многочисленный, второй — небольшой — и вдобавок предоставлять каждому из них право вето! Можно ли вообще в таких условиях избрать кого-нибудь на гражданские должности? По существу, это равнозначно правлению мстительного меньшинства. Впрочем, так ныне и происходит.

Законодательные палаты нередко бывают не только опрометчивы, но и подкуплены. И то и другое — нарушение закона, палящее вред избирателям. Так пусть же законодатели приготовятся дать отчет о своих делах и, если заслужат, понести наказание. Сознание *неотвратимости* расплаты за провинность — самое действенное средство искоренения пороков правления. Зло не исцелить опровержением основополагающего принципа, согласно которому бразды правления должны принадлежать большинству общества.

При неравном распределении собственности, которое существовало и существует поныне, неимущим было безразлично, что собой представляют судьи, ведающие делами собственности, кто их назначает, на каких условиях они вступают в должность и какими принципами законов руководствуются. При новой системе равнодушных не будет. Получив равную собственность, все люди станут испытывать

одинаковый интерес к указанным вопросам. Воцарится правило, по которому судей будет назначать непосредственно народ, без вмешательства должностных лиц, как это практикуется ныне. Полномочия судей надо ограничить коротким, строго установленным сроком. Отправляя правосудие, они будут руководствоваться теми принципами законов, которыми снабдит их общество, принципами, почерпнутыми из элементов собственного политического устройства, а не заимствованными, как ныне, из варварских обычаев чуждых нам стран. Если мои предложения когда-нибудь возымеют влияние на народ, то для проведения реформ придется созвать новый конвент.

Я пространно доказывал необходимость созыва нового конвента штата в качестве предварительного шага к тем преобразованиям системы правления, которые завершатся наделением каждого гражданина равной долей собственности. Рассуждения заняли много страниц и потребовали от читателя немало времени и внимания. Однако, я верю, они принесут пользу. Если вообще существует необходимость разделить собственность нашего штата между его гражданами и обеспечить равенство в получении грядущим поколением равных долей собственности, то нельзя допустить появления каких-либо сил, способных уничтожить равенство собственности тотчас после его установления, факторов, которые при нынешнем положении вещей ведут ко все большему имущественному неравенству. Мистер Питт заметил как-то с присущим ему сарказмом, что если бы утром

возникло республиканское правление, основанное на принципах прав человека, то оно развалилось бы еще до наступления ночи *. Так может случиться и с правом на равную собственность: произведите раздел утром, а к вечеру от него не останется и следа, если сохранят свое губительное воздействие хартии, монополии, привилегии, правление меньшинства и т. д.

Поверяя свои размышления читателю, я тешу себя надеждой, что он постарается докопаться до истины, понять и признать ее, даже если она противоречит его нынешним взглядам. Если *он* по натуре враг истины, то ему следует знать — большинство людей *правдолюбивы* по своей природе. Если, выслушав меня, уяснив мои предложения, они уверуют в указанный мною путь к *величайшему* счастью, то им *под силу* заставить лживого человека подчиниться системе, честно оценить которую у него не хватило совести. Напрасно он будет возражать против равного раздела собственности, извергая злобные пасмешки вроде реплики мистера Питта ⁶¹: если уравнивать собственность на основе самых несовершеннейших принципов, то к ночи она вновь будет неравной, а посему раздел бессмыслен. В давние времена, а кое-где и поныне существовали законы, по которым старший сын наследовал все имущество отца, а его братья и сестры оставались ни с чем. В нашей стране все делится поровну между сыновьями и дочерьми (если завещатель не отдал иных распоряжений). Разве человек, который возра-

* См.: Письмо г-на Пейна секретарю Дандэсу ⁶².

жает против равного раздела собственности между *всеми*, не может протестовать и против равного раздела отцовской собственности между сыновьями и дочерьми? Разве не может он сказать, что, будь она поровну разделена утром, к вечеру вновь станет неравной, а следовательно, раздел недопустим? Вероятно, ему стоило бы честно сознаться: дескать, по моему мнению, *всю* собственность следует отдать старшему сыну, оставив остальным детям нищету и зависимость от своего брата?

Одно время, причем не так давно, в нашей стране старшие сыновья получали двойную долю. Почему бы и здесь не применить тот же аргумент? Если собственность, согласно уверениям некоторых лиц, претендующих на знание сего предмета, тяготеет к неравенству, то, следовательно, лучше и впредь оставлять старшему сыну двойную долю имущества отца, а не делить его поровну между всеми детьми. Если твердо придерживаться этой доктрины, то разумнее всего *потакать* тем порокам, которые нельзя излечить. К примеру, если произойдет убийство, то следует видеть в нем пекую природную, естественную тенденцию, с которой правительство не в силах совладать. Из чего напрашивается вывод: правительство обязано поощрять убийства. Если кто-то *возомнил*, будто *при любых условиях* собственность естественно тяготеет к неравенству, то, следуя его точке зрения, правильнее всего увеличить неравенство или воспринимать как должное (что, по сути, одно и то же). Тогда мы обязаны отдавать старшему сыну не в два раза больше

собственности, чем другим сыновьям и дочерям, а все имущество отца. Если развивать этот принцип и дальше, то стоило бы выбрать одного из всех старших сыновей, живущих в данное время, возможно самого пожилого, и отдать *ему* все, что имеют остальные первенцы, ибо «естественная тенденция» к неравенству распространяется и на них. Вот тогда подобные доводы предстали бы во всем своем великолепии! Сей принцип превратил бы весь мир в собственность одного человека. Он стал бы господином над своими братьями, подобно тому как ныне человек считается владельцем дерева, если оно растет на его земле!

Таким образом, упомянутые возражения против равного раздела собственности (к тому же предусматривающего ее равную передачу следующим поколениям) явно необоснованны. Кроме того, они подводят к мысли, что корни неравенства уцелеют и при новой системе и будут впредь порождать его.

Предположим, что мы с моим оппонентом сходимся в мнении: неравенство есть зло, заслуживающее искоренения. Тогда несколько простых вопросов разрешат наш спор. Итак, собственность отца разделена поровну между всеми его детьми. Что правдоподобнее: сохранение равенства, установленного сразу при разделе, или постепенное приближение к равенству после изначального неравного распределения? Мыслима ли надежда на то, что неимущие, задавленные нищетой и сопутствующими ей бедами, со временем обзаведутся собственностью? Все — никогда. Одному или двум из тысячи,

возможно, удастся, и скорее всего обманом. Глупые пристрастия и невежество богачей, коварство человека, ловко обирающего последнего огромного состояния, порой наделяют собственностью тех, кто прежде ничего не имел, но неравенство тем не менее сохраняется. Происходит лишь смена имущих и неимущих. Итак, поскольку неравное распределение собственности между детьми ввергает большинство из них в безысходную нищету и муки, не является ли очевидной необходимость изменить закон и настоять на равном разделе собственности отца между его детьми? Неужели такое распределение собственности менее благоприятно для всех, нежели система, не считающаяся с принципом равенства? Если кто-нибудь усомнится в правоте моих слов, пусть он спросит себя: согласился бы он вернуть прежний порядок вещей? Стал бы он настаивать на том, чтобы все имущество доставалось старшему сыну? Или, быть может, *двойная доля*? Выделять сыновьям по две доли, а дочерям — по одной? Этого *мог бы* пожелать только *старший сын*, поскольку подобный раздел выгоден ему. А каково мнение остальных детей? Пагубность неравного распределения собственности состоит не в том, что большая ее часть достается определенному человеку, а именно в неравенстве. Представьте, будто нам предложили вернуться к прежним порядкам, когда один отпрыск наследовал все или больше, нежели другие. Если *жребий должен был бы определить* единоличного владельца, старую систему, несомненно, оставили бы в забвении.

Душе, чувствам человечества противно любое неравенство, в том числе и имущественное. Сколько существует род людской, никогда не встречалось человека, считавшего, что равная доля собственности нанесет ему убыток. Вряд ли кто-нибудь из тех, кто получил равную часть отцовского состояния, полагает, что она повредила его правам и счастью. Ни один человек не осмелится уверять, будто равная доля имущества разрушила его права и счастье. Потому каждый и стремится сохранить и приумножить отцовский дар, а не избавиться от него, как от проклятия. Это свидетельство о чрезвычайной важности равенства для каждого, на кого оно распространяется. Все сказанное мною можно признать неопровержимым доказательством. Если бы кто-то счел равную долю собственности помехой своему счастью, он мог бы легко поправить дело: стоит лишь отказаться от нее, не прося ничего взамен. Однако за всю историю человечества еще нигде и никогда не случалось ничего подобного!

Я знаю множество глупцов или упрямцев, которые вознамерятся опровергнуть мои доводы. Они примутся доказывать, будто повсюду есть люди, которые, по их собственным *заверениям*, получили естественную долю собственности себе в убыток; станут клясться в искренности подобных признаний; уверять, что независимо от того, есть у них имущество или нет, зная свои наклонности или невоздержанность, они предпочли бы не иметь собственности. Они обманывают себя. Им вредила не *собственность*, а дурные *привычки*, посеянные в их душах по-

рочной системой неравенства. Уничтожьте эти привычки, и вы увидите — возражения совершенно безосновательны.

Среди множества доводов против введения системы, вынесенной мною на суд моих сограждан, видимо, будет и такой: «Современное распределение собственности вполне приемлемо, оно лучше любого другого, так как даже бедняки заинтересованы в существовании и богатых, и неимущих. При иной системе собственности общество не сможет вести свои дела столь же успешно, как сейчас, отчего пострадают все. Зло, которое, по мнению многих, обременяет наши труды, — вымысел. Проведя предлагаемые преобразования мы безмерно усугубим наши общие страдания а потому лучше оставить все в неприкосновенности».

Да утешится тот, кого гнетут подобные страхи. Хотя изобретенная мною система по причинам, вполне ясным (если они не до конца понятны, то проявятся позже), под угрозой наказания запрещает отдавать свою собственность другим лицам (см. план, статья 18), тем не менее после всеобщего раздела собственности штат сможет взять себе надел гражданина, который сочтет, что владение собственностью будет ему в тягость. Если число людей, принявших такое решение, окажется равным числу лиц, не имеющих ныне собственности, то нет повода опасаться, что при новой организации правления государство лишится выгоды, которую, как нас уверяют, приносит всякому обществу наличие в его низах многочисленного класса бедных, зависимых и несчастных чело-

веческих созданий. Кроме того, обнаружится неожиданная выгода. Люди станут неимущими *по собственной воле!* Они будут *добровольцами, патриотами* своей страны и своего счастья, конечно же, *умиротворенными, довольными и радостными*. А если не будут — в том их вина. Во всяком случае, правительство вправе принять от них наделы, *если они того пожелают*. Пока существует государство, сохранится потребность в различных общественных работах — строительстве каналов, дорог, мостов и т. д. Правительство может вести их в большем размере, используя собственность, от которой отказались. Если же после всеобщего раздела собственности не найдется людей, считающих самолишение и отказ от *своего* имущества выгодным и для себя и общества, то мы получим доказательство ложности, по крайней мере сомнительности, доктрины, о которой мы вели речь. Если *большинство* общества не одобрит появления значительного класса добровольных бедняков и предпочтет сохранить равенство собственности хотя бы в своей среде, то меньшинство, каким бы оно ни было, вправе придерживаться своих устремлений и помыслов, не опасаясь притеснений. Перед нами было бы необычное явление: в республике существовало бы большинство и меньшинство, расходящиеся во взглядах, но действующие в полном согласии со своими убеждениями.

Итак, пусть успокоятся богачи, ибо именно они, как я догадываюсь, воспротивятся равному распределению собственности штата между всеми гражданами. Пусть они утешатся: при

новом порядке вещей у них появятся неограниченные возможности добровольно отведать сладость нищеты и зависимости, а затем расхваливать ее, опираясь на личный опыт. Будет неплохо, если кто-то, выдвигающий против новой системы *подобные возражения*, подаст нам пример самолишения. Законом это не запрещено, не трудно найти людей, согласных взять его собственность. Так пусть же богач, *не откладывая*, передаст свое имущество кому-нибудь из своих сограждан, лучше — бедняку; они испробуют, а затем поведают: бедняк о том, насколько тяжела и неприспособлена жизнь в достатке, а богач — насколько приятна жизнь, полная нищеты и лишений. Пусть они поставят такой эксперимент, а я заранее могу сказать, что *один* из них наверняка окажется мудрее.

Даже у людей честных неизбежно возникнут возражения против уравнивания собственности штата. К примеру, могут сказать, что после раздела собственности моряк и сын богатейшего человека с Бродвея получают равные доли, но из-за склонности к кутежам и мотовству, которую взрастила в них самая пагубная система правления, они быстро растратят свое состояние и впадут в нищету. Какая польза от раздела, спросят люди, предпочитающие хулить любую реформу, а не искать путей избавления от зла. Я отвечу — большая. И потом, неужели в обществе нет множества людей, вовсе не похожих на моряка или сына господина с Бродвея? Разве им безразлично — есть у них права или нет? Должны ли они отказаться от того, что *принадлежит* им и *необходимо* для их

счастья и благосостояния, лишь потому, что современная порочная система правления и передачи собственности сделала никчемными людьми как часть низов, так и часть верхов? В таком случае как вы посмотрите на предложение лишить наследства *всех детей* некоего отца, поскольку один из них может стать мотом и распутником? А ведь именно такова суть возражений против возвращения обществу принадлежащей ему собственности, — возражений, основанных лишь на домысле, будто равная собственность не принесет пользы нескольким индивидам, уже погубленным пороками существующего строя. Бесспорно, мы вправе приписать легкомыслие и расточительность воздействию пороков, порожденных неравенством собственности. Если бы система прав собственности не позволяла отцу накапливать несправедливое, чрезмерное богатство, он бы его и не нажил, а его дети с ранних лет приучились бы рассчитывать только на свои силы, а не на состояние родителя. Они приобрели бы более похвальные, более чистые склонности⁶³. Необходимость заставила бы их обеспечивать себе жизнь собственными усилиями. В равном положении находились бы все их сверстники. Не было бы ни побуждений, ни условий, потворствующих тому нравственному падению, которое мы каждодневно наблюдаем в богатых семьях. С другой стороны, отсутствие собственности у многочисленных классов общества, повлиявшее на их взаимоотношения с другими классами, привело к образованию противоположных свойств характера.

Следовательно, возражение против равного раздела собственности, основанное на мнении, будто некоторые личности не готовы к владению ею, несостоятельно. Счастье большинства не должно зависеть от редких исключений. Что касается людей, *явно* не способных разумно распорядиться собственностью, то правильнее всего будет назначить им опекунов, или лиц, заботящихся об их благе. Именно так поступают современные правительства, так надо поступать и при новой системе. Ее введение весьма целительная операция, на которую стоит решиться, дабы исправить уже возникшие политические пороки. Лучше согласиться на нее, нежели терпеть зло, от которого иным образом нам не избавиться. На этом мы завершим главу и вернемся к нашему предмету в следующей.

Глава 6

ДОВОДЫ В ПОДДЕРЖКУ ВСЕОБЩЕГО РАЗДЕЛА СОБСТВЕННОСТИ И СПОСОБА ЕГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ. ПРОДОЛЖЕНИЕ

Уверяют, будто отмена права завещаний, т. е. права распоряжаться дальнейшей судьбой собственности, уничтожит все стимулы трудолюбия и прилежания. Человек якобы окажется в положении фермера, который засеял поле пшеницей, но собрал ее кто-то иной, оставив ему лишь стерню. Подобные суждения общеприимны, хотя и чудовищно неверны. Стоит всмотреться в них пристальнее, и, я уверен, выявится множество заблуждений. Распространенное мнение гласит: человек работает не для себя, но для своего потомства. Конечно, я смею говорить только от своего имени, однако пусть каждый в душе рассудит, совпадают ли его чувства с моими.

Я люблю собственность, ибо она дает мне дом, где я укрываюсь от летнего зноя и зимней стужи, где я могу принять друзей и поселить свою семью! * Я люблю собственность, ибо она устилает мне пол коврами, дает зеркала и шкафы, стулья и столы, книги и атласы, бумагу. Я люблю ее, поскольку она кормит и одевает меня, позволяет путешествовать по

* Согласно принципам, отстаиваемым в моей работе, равные права члена семьи будут гарантированы.

делам или ради удовольствия, дает возможность приобрести бумагу, на которой я пишу эту книгу, и даст средства опубликовать ее. Тысячью разных способов собственность приносит мне наслаждение. Потому-то я и люблю ее. Не кривя душой скажу: если мой преемник сможет устроить свою жизнь лучше, нежели обеспечил ему я, то мне не пристало, более того, мне не позволительно вмешиваться в его распоряжение собственностью. Итак, *несомненно*, я люблю не *саму собственность*, а уголь, который она подбрасывает в камин; ростбиф, который она подает мне на стол; лекарства, которыми она излечивает меня; экипаж, который она присылает мне, если я не склонен идти пешком. Я люблю ее за те средства, которые она самыми разными способами предоставляет мне, дабы одарить меня наслаждением, уютом и счастьем. Мне и в голову не может прийти, будто чужое благополучие является источником моей любви к собственности.

Итак, есть множество совершенно явных причин привязанности человека *к собственности*. Они будут существовать, покуда жив человек, более того, их число возрастет, когда увеличится число искусственных, вновь возникающих у людей потребностей, а следовательно, не стоит опасаться, что побуждения к труду исчезнут. Кроме того, внимая человеку, уверяющему, будто он скапливает богатства только из любви к своим детям, можем ли мы поверить в его искренность? Как знать, быть может, он путает любовь к детям с любовью *к самой собственности*? Почему родители не-

редко цепко держатся за свою собственность вплоть до глубокой старости, а порой до смерти? Если бы родители действительно любили собственность из-за блага детей, мы чаще лицеизрели бы отцов, дарующих детям достаточную, честную долю собственности в начале их самостоятельной жизни, когда она может принести им наибольшую пользу. Но гораздо чаще мы видим иное: прожив 80 лет, покоясь на смертном одре, человек наконец-то соблаговолит отдать детям нажитое состояние. Старшему из отпрысков порой уже под шестьдесят, он давно обзавелся детьми, младший из которых, может статься, тоже имеет свою семью. Какой прок от подобного наследования собственности, тем паче что можно изобрести лучшую систему? Упорство, с коим люди держатся за свою собственность и побороть которое способна только смерть, свидетельствует: человек питает любовь *к собственности*, помышляя исключительно *о своем благе*.

Если и эти доводы не убеждают, то объясните мне побуждения людей, которые никогда не имели и не намеревались иметь детей, но тем не менее страстно жаждут богатства? Они испытывают к собственности *не меньшую* привязанность, чем другие. Следовательно, в самом порядке вещей, в природе человека и окружающих его условиях заложено достаточно стимулов к трудолюбию.

Но пойдем дальше. Мне могут сказать, что людей притягивает к собственности не столько желание передать ее детям, сколько право назначать ее следующего владельца. Полагаю,

я уже доказал: подлинные истоки привязанности следует искать в личности человека, в способности богатства удовлетворять его потребности. *Иного источника нет.* Позвольте наглядности ради привести следующий пример. Предположим, мне пришлось бы странствовать по чужим краям. Причем я знал бы, что во время путешествия, но неведомо где и *когда*, на меня нападут разбойники и отберут все мое добро, *однако позволяют мне указать, кому из них оно будет отныне принадлежать.* Мое положение ничем не отличалось бы от положения человека, скапливающего богатство и прекрасно понимающего, что в неведомый ему день он неизбежно умрет. Право назвать имя человека, к которому перейдет имущество после моей смерти, само по себе не может быть достаточно мощным побуждением к еще большему накоплению собственности. Если же я стремился увеличить свое богатство, значит, на то были иные причины. Зачем мне из года в год не покладая рук трудиться, приумножая свое имущество? Не лучше ли встретить грабителей с пустыми руками, чем *радеть о приращении богатства?* Так обстоит дело с человеком, отходящим в мир иной. Он увеличивал свое состояние, *но не ради того*, чтобы на пороге смерти воспользоваться правом назначить наследника. Он заботился о своем достатке, ибо нуждался в нем *при жизни.* Он не ведал часа своей кончины и боялся преждевременно, до своей смерти лишиться имущества по вине случая, над коим он не властен. Именно эти обстоятельства породили укоренившуюся со

временем привычку держать при себе свою собственность до последнего часа. Если недостаточно этих объяснений мотивов, побуждающих людей приобретать все больше собственности, то приведу еще один довод. Как известно, в конце жизни многие люди терзаются ужасными сомнениями, оказавшись перед необходимостью избрать наследника (в особенности те, у кого нет детей, а потому нет достаточного выбора).

К чести человечества следует признать, что не так уж редко родители наделяли своих детей собственностью, с которой начинали свой жизненный путь. Не будь подобных примеров, темная сторона природы человека была бы еще мрачнее. Конечно, желание выделить имущество детям, вступающим в жизнь, прибавило родителям *хлопот*. Но разве их *трудолюбие* уменьшится, если кто-то другой, к примеру государство, ничуть не хуже обеспечит детей? Конечно, у родителей *убавится забот* о детях, но их усердие обретет новый стимул, ибо перед ними откроются дополнительные возможности своим трудом добиться еще большего благополучия. Стремление к удовольствиям заложено в природе вещей, а потому не следует опасаться, что человек перестанет любить собственность. Разумеется, любовь может дойти до крайностей. Доказательством тому — люди, которые при нынешних порядках совершают чудовищные, омерзительные преступления, дабы завладеть собственностью, хотя многие из них и без того владеют изрядным имуществом, а потому им нечего сказать в свое оправдание.

Допустим, что, умирая, человек завещал собственность наследнику, ради которого он ее приобретал. Каков смысл этого посмертного дара? Богатства излились на преемника, однако может статься, получив их в свое распоряжение, он не сумеет воспользоваться ими столь выгодно, как надеялся его благодетель? К примеру, наследство состоит из домов в городе, земельных угодий и денег. Но если не станет бедняков, не станет тех, кто трудом своим содержит род человеческий, то, скажите на милость, какова будет цена наследству? Какой прок от сотен домов Лорилларда?⁶⁴ Если нет бедняков, которые селятся в них (у богачей есть собственные дома), то разве он получит квартирную плату? Какая польза от ферм, если их никто не арендует и не платит ренту? Если не будет должников, кто выплатит проценты по ссудам? Истина в том, что Лориллард *завещает* наследнику не только обширные владения, дома и земли, деньги, нюхательный и курительный табак *, но и сотни тысяч бедняков, дабы эти предметы имели ценность. Иначе наследство бесполезно, так как его ценность в том, что оно *позволяет жить за счет труда тех, кто не имеет собственности или владеет немногим*. Пусть бедняки присмотрятся к этому порядку вещей, и они поймут: каждое поколение имущих завещает своим наследникам новое поколение бедняков, словно какой-нибудь скот. При существующей системе у бедных не больше

* Хочу напомнить, что Лориллард — крупнейший торговец табаком в нашем городе.

шансов избежать этой продажи, точнее, передачи их тел, чем у раба на Юге избежать продажи на плантации, если того пожелает его хозяин!

Если передача собственности по завещанию приводит к подобным последствиям, то сколь ошибочно распространенное мнение, будто родители трудятся ради обеспечения *будущего* своих детей. Если бы родители *собственным трудом* заготовили для детей столько завтраков, обедов и ужинов, сколько может потребоваться их ребенку на протяжении всей его жизни; если бы они припасли столько шляп, ботинок, одежды, сколько сможет износить их отпрыск; если бы они обеспечили его впрок, на всю жизнь домами, мебелью, топливом и всем прочим, необходимым для удовлетворения духовных и физических потребностей, — тогда, действительно, можно было бы сказать: они обеспечили будущее своего ребенка. Но если они поступили иначе, если они оставили после себя только имущество и лишь потому, что не могли унести его с собой, точно так же, как не может путник забрать с собой дорогу, то они не обеспечили будущее детей. Тогда *детям* придется работать, обеспечивая свои потребности *собственным трудом*, либо это будут делать за них бедняки, живущие в одно с ними время. Если наследники получают большое состояние, они не трудятся, пребывают в праздности, заставляя неимущих содержать себя.

Итак, ссылаясь на желание обеспечить будущее своих детей, люди обманывают себя. При существующем порядке вещей из

поколения в поколение происходит одно и то же: отцы стремятся не к тому, чтобы собственным трудом обеспечить жизнь своих детей, а к тому, чтобы в дальнейшем сверстники их отпрысков (причем большинство) работали на них, удовлетворяли их нужды, а их дети бездельничали, предавались разгулу и излишествам. Еще раз повторяю — не родители-богачи обеспечивают *потребности* своих детей и *не сами* их дети, но дети нищих родителей. Они вынуждены соглашаться на это, ибо лишены справедливой и равной доли собственности. Из моих замечаний вовсе не следует, что родительские чувства, коими похваляются многие отцы, оправдывая желание оставить своим детям собственность, чисты и достойны уважения. Напротив, они бесчестны и преступны, они сродни повадкам хищных птиц, вскармливающих *своих* детенышей чужими птенцами, но отнюдь не похожи на то, что могло бы умирить и обрадовать милосердный и справедливый разум. Богатые родители обеспечивают будущее своих детей теми же средствами, какими стервятники вскармливают своих птенцов.

Пусть же бедняки, питающие к своим детям чувства не менее нежные, чем прочие люди, поразмыслят об этом порядке вещей и будут готовы покончить с ним.

Итак, завещания передают по наследству не только непомерную собственность, но в придачу к ней *огромное множество людей*, коих никак нельзя причислить к имуществу, тем более имуществу завещателя. Если таковы

последствия власти завещаний, не настало ли время усомниться в ее *законности*, даже исходя из принципов, которых придерживаются те, кто желает сохранить право наследования? Не пора ли народу, имеющему те же права, что и богачи, постоять за себя?

Ссылаясь на политические соображения, а именно стремление поощрить приумножение имущества, многие доказывали и доказывают необходимость и даже пользу передачи наследства тому, кого указал завещатель. Но разве не отвечало бы принципам мудрой политики (я не говорю уж о праве), разве не оказывало бы благотворное влияние, разве не поощряло бы трудолюбие и стремление увеличить состояние такое устройство общества, при котором весьма многочисленные группы людей не были бы совершенно нищими, а имели бы собственность, которая помогла бы им в начале жизненного пути? Если несколько миллионов долларов (к примеру, состояние Лорилларда) разделить между несколькими тысячами людей, вступающими в жизнь, то неужели они не создадут больше богатств, чем один человек, распоряжающийся этими деньгами? Я думаю, мои вопросы придется не по вкусу богачам и вряд ли они ответят на них искренне. Однако миллионы трудовых людей, которые готовили пиршество, но так ничего и не отведали на нем, отыщут в своих сердцах ответ, о коем нет надобности говорить, ибо он известен каждому.

Нетрудно привести и другие доводы в пользу политики, наделяющей каждого совершен-

полетного равной долей собственности, к тому же *политики*, дополненной преимуществами хорошего образования. Тот, кто возражает против нее, опасаясь, будто она превратит людей в бездельников, не радеющих о своем благе, не подозревает, что его доводы доказывают совсем противоположное (если только верна основа его аргументов). Он уподобляется софисту, изрекшему: «В мире нет истины». На это прохожий заметил: «Тогда, сударь, ваше утверждение ложно, ибо в противном случае у людей есть хотя бы *одна* истина». Если наделение собственностью каждого совершеннолетнего считать злом, втягивающим человека в порок праздности и лени, то на этом же основании нам следовало бы возражать против наделения собственностью любого человека (будь то по завещанию или иначе).

Итак, тезис, согласно которому *никто* не должен получать собственность по наследству или в дар, доказывает очень многое, пожалуй, даже больше, нежели *хотелось бы* тем, кому мерещится зло в равном наделении собственностью всех совершеннолетних.

Вдвойне нелепо утверждать, будто наделение каждого совершеннолетнего умеренной и равной долей собственности потворствует лени и одновременно одобрять передачу огромных состояний по наследству. Если изыскиваются возражения против системы равенства, предоставляющей человеку три — пять тысяч долларов и тем якобы порождающей праздность и пороки, то намного больше возражений следовало бы выдвинуть против существующей

системы, дающей отдельным людям по три, пять миллионов долларов. Противникам системы равенства, которую я рад защищать в этой книге, стоит позаботиться о том, чтобы их доводы были правдоподобнее и не нанесли больше вреда им самим, нежели тем, против кого они направлены. Читатели, я уверен, согласятся, что в данном случае доводы моих оппонентов *неверны*, но, даже если бы они и были верны, в них мало толку, ибо тот, кто доказывает слишком многое, не доказывает ничего. Именно в такое положение ставит себя всякий, кто пытается опровергнуть доктрину равенства в собственности и во всем.

Люди, признающие нынешний способ передачи собственности потомкам, но не приемлющие равной ее передачи всем без исключения людям (и ссылающиеся на праздность, которую якобы породит равенство), видимо, считают, что человечество состоит из двух особых видов существ — из рабов, чей удел трудиться, испытывая к работе величайшее отвращение, и деспотов, которые вынуждены прибегать к кнуту, дабы заставить сородичей исполнять свои обязанности.

Они, похоже, не понимают, что праздность проистекает из отчаяния и безнадежности, с одной стороны, а с другой — из распушенности обладателей огромных состояний, нажитых без труда и вопреки праву. (Я не упомянул праздность, порожденную машинами, заменяющими человеческий труд⁶⁵. Лишая людей работы, они обрекают их на безделье.) Когда установится система равенства собствен-

пости, обе названные причины отпадут, а с ними исчезнет праздность. Тогда все будут трудиться ради удовлетворения своих потребностей, что, по правде говоря, является единственно подлинным, здоровым и радостным стимулом трудолюбия.

Я уже говорил, что государство намного облегчило бы заботы родителей, наделив детей собственностью. Их трудолюбие возросло бы, так как с ее помощью они могли бы обрести новые, недоступные им прежде удовольствия. Укоренившаяся привязанность к праву на завещания вызвана главным образом тем, что оно служило средством передачи имущества собственным детям. Но, если государство будет предоставлять каждому индивиду, вступающему в совершеннолетие, равную долю собственности, у людей очень скоро отпадет пужда в завещаниях. Она просто станет им неведома. Следует учесть, что под словом «завещание» я подразумеваю прямой или косвенный надзор за судьбой имущества, которым человек владел при жизни, надзор, согласующийся с его ясно выраженной или предполагаемой волей. Хотя человек может умереть, не оставив завещания, законодательные органы, основываясь на обычном или ином праве, делят собственность поровну между его детьми или ближайшими родственниками. Эти действия как бы воплощают предполагаемую суть завещания, тем самым восполняя его отсутствие.

Но давайте взглянем на препятствия, которые могут помешать *исполнению* завещаний

(сколько бы нам ни говорили об их пользе). Уверяют, что человек накапливает имущество ради своих детей, а затем передает им посредством завещания. Верно ли это? Бесспорно, у него может быть такое *намерение*. Но обратимся к фактам. Некто составил завещание и поручил его попечению друга, коему доверял и в честности которого не сомневался. Однако завещание может потеряться либо оказаться уничтоженным по вине какого-нибудь происшествия или случая. Как же быть тогда с волей завещателя? Она недействительна. Согласно букве закона, она не существует, словно завещания вообще не было. Возьмем другой пример. Вероломный друг, которому было передано завещание, уничтожил его. И снова завещание отсутствует, как будто оно и вовсе не существовало. А разве не бывает так, что человек боится доверить завещание кому-либо вне стен своего дома и прячет его в стол. Но как часто завещания предаются огню, едва лишь смерть закроет глаза владельцу. Если судьба наследников, их удача и несчастье зависят от случайностей, то насколько она надежна и определена?

А порой появляется на свет божий подложное завещание, оформленное по всем юридическим правилам, и состояние покойного развивается. Предположим, что подлинное завещание уцелело и попало в руки вершителей закона. Но ведь нужно оплатить долги покойного? Несомненно! И вот в суд является соответствующее число свидетелей. Они приносят присягу, разумеется ложную, но никто не

в состоянии *доказать* это, клянутся, будто своими глазами видели, как завещатель подписывал или индоссировал вексель на крупную сумму. На основе их показаний выносится приговор, и имущество ускользает из рук детей. Но пойдем дальше. Допустим, что имущество подлежит распродаже и попадает к исполнителю. А если он не справится со своими обязанностями? Не лишатся ли дети наследства? Если есть доверенное лицо, то этого не произойдет, скажут мне. Но ведь дело может обернуться иначе. Доверенное лицо и исполнитель могут войти в сговор. И кто сумеет предотвратить его последствия? При желании они могут организовать ложное банкротство или, напротив, увеличить число мнимых кредиторов. Если поразмыслить над всеми подобными случайностями, а их можно назвать еще больше, то что останется от намерения завещателя? Кто осмелится утверждать, будто он трудился ради своих детей? Если они не *получают* его имущества, то, бесспорно, он трудился *не для них*, а для кого-то другого. Впрочем, *он* никогда и не узнает, для кого именно.

Итак, поскольку во многих случаях *волю* покойного невозможно исполнить, следует найти более совершенную систему. Ибо, хотя в большинстве случаев имущество переходит к новому хозяину в соответствии с волей бывшего владельца, нет недостатка в примерах, свидетельствующих об ином. И они чреватые великими бедами для всех, кого затрагивают. Надеюсь, это понятно каждому, а посему нет нужды в разъяснениях. Обитание в нашем

мире множества семей, не имеющих никакой собственности (в мире, которым правит единственный господствующий принцип — корыстолюбие), чересчур большое несчастье, чтобы взирать на него равнодушно. Беда тех, кто *должен был* получить наследство, но не получил, ничуть не страшнее несчастий того, кто никогда ничего не имел, так как у него не было ни родителей, ни благодетелей, способных или желавших дать ему собственность.

Поскольку я веду речь о целесообразности завещаний в целом и не касаюсь вопроса о том, насколько они совместимы с *равноправием*, уместно взглянуть на их нравственные последствия с иной точки зрения. Кому неизвестно неискренность, которая зарождается в душах тех, кто *надеется* заполучить наследство? Разве мы не знаем, что каждого состоятельного человека в последние годы его жизни окружают лесть, обман и коварство? А когда он переходит в мир иной, вокруг его смертного ложа разыгрываются сцены, удивительно напоминающие кружение воронов над умирающей лошадью, торопящих приближение последнего мига, дабы насладиться тем, что оставит им смерть. Если бы во всем человеческом обществе удалось искоренить эту мерзкую, подлую безнравственность, миру было бы оказано величайшее благодеяние.

Среди тех зрелищ, кои являет нашему взору действие права завещания, безнравственная сцена у смертного одра — *не самая* оскорбительная для чистой добродетели. Так ли уж редко используют родители свою собственность

как орудие самой гадкой тирании? Как часто сыновья, боясь лишиться наследства, вынуждены подчиняться несправедливым и незаконным желаниям отца? Как часто приносится в жертву счастье дочери, принуждаемой родителями выйти замуж за человека, ей безразличного, а нередко и отвратительного? К чему в этом случае приводит власть отца, его право завещать имущество? Разве не к узаконенной проституции его дочери? А ведь подобное творится ежедневно. Однако за редким исключением люди не задумывались над тем, как искоренить это явление, губящее нравственность человечества. Более того, люди даже не подозревали, что власть, приводящая к таким последствиям, не имеет никакого права на существование, ибо ни один человек *не смеет* притязать на право торговать собственной дочерью (хотя при нынешнем порядке вещей он действительно обладает такой властью).

Полагаю, в третьей главе мне удалось обстоятельно доказать, что после кончины человек не может *владеть* собственностью, назначать себе *преемника* или предписывать, как впредь распоряжаться имуществом. Каждое из перечисленных действий есть вмешательство в права тех, кто придет в мир вослед, а посему нельзя мириться с этой несправедливостью, как, впрочем, и со всеми другими, которые безнаказанно творятся в современном обществе. Справедливость должна соблюдаться и в отношении присутствующих и в отношении отсутствующих; в отношении тех, кто находится в далеком странствии, и тех, кто остался

дома; тех, кто уже появился на свет, и тех, кому предстоит появиться. Законы справедливости не устанавливаются ни произволом людей, ни желанием одного человека прошлого, настоящего или будущего века. Они неизменны и вечны. Если справедливость вообще существует, то лишь для всех. Несмотря на очевидную истину сказанного, несмотря на то что каждый человек, будь то приверженец деспотии или ее жертва, в душе сознает неоспоримую правду этих слов, тем не менее сердце богача таит желание сохранить монополию на свое имущество даже в могиле. Он не может не понимать, что не имеет прав распоряжаться *материалом*, из которого создан мир, что он не в состоянии, к примеру, швырнуть плантацию, на которой он жил, на середину Тихого океана, чтобы она сгинула в бездонной пучине, или подобным образом уничтожить другую собственность. Тем не менее он испытывает «одно лишь страстное и томительное желание» — сохранить власть над плодами многолетних *трудов, творениями* своих рук, *обретениями* всей своей жизни. Странный человек! Если таковы твои помыслы, если ты настолько бесчеловечен, что не желаешь, уходя в небытие, оставить плоды своих трудов всем, кто имеет на них право (ибо Творец создал всех равными), если ты *жаждешь* назвать преемника, укажи, в чем заключен твой личный труд, где его плоды, и воля твоя будет исполнена. Если ты изготовил лук из материала, добытого в лесу, ступай и возврати дерево туда, где ты его нашел. Ведь тебе принадлежит только

труд, который ты затратил, изготавливая лук. Одаривай сколько угодно своим трудом, но не луком и не материалом, из которого он сделан. Если ты смастерил себе курительную трубку, верни в первоначальный вид глину, из которой ты ее слепил. И если тебе это удастся, то, ради бога, одаривай своего преемника *затраченным тобою трудом*. Если ты написал «Илиаду»⁶⁶, то верни в первоначальное состояние бумагу, чернила и прочее, ибо эти материалы — неотъемлемая собственность человечества. Если ты сумеешь отделить *затраченный тобой труд* от материальных предметов, тогда мой разум признает твое право отдать кому угодно плоды твоего труда. Если ты построил корабль, то верни материал, из которого он сделан, в то состояние, в каком ты его нашел, а потом, если сумеешь, можешь отдать плоды своей работы, кому захочешь. Но не посягай на материалы! Возьми лишь *свой труд, мастерство и воображение*! Все остальное принадлежит грядущему поколению. Даже вещество, из которого состоит твое тело, будет принадлежать потомкам, но не тебе, едва лишь жизнь покинет его. И они смогут распоряжаться им по своему усмотрению. Так было извечно!

Не предлагай нам обменять часть твоих многолетних трудов на наш материал. Мы не согласимся, не заключим с тобой договора. Ибо на что способен труд? Не твои труды, не труды всего человечества с момента его появления не смогли сотворить даже песчинку! Ты не можешь сделать своим трудом нечто, равно-

ценное хотя бы *песчинке*, почему же мы обязаны позволять тебе одаривать ею кого бы то ни было? Помимо всего прочего, песчинка принадлежит нам до тех пор, *пока мы живы*. Затем она перейдет к нашим пресмникам, которые, несомненно, ответят тебе так же, как и мы.

Кроме того, из трудов предшествующего поколения ты уже извлек выгоду, быть может не меньшую, чем та, которой ты хочешь лишить поколение, идущее тебе на смену? Разве на деле ты не должник? Разве ты не *величайший* должник? Разве твое состояние не было бы в сотни, в тысячи, нет — в десятки тысяч меньше, если бы предшествующие поколения (и не только твои предки) не оставили бы после себя плоды своих трудов? Неужели это не достаточная причина для того, чтобы отказаться от притязаний? Думаю, что вполне.

Но давайте исследуем дело с другой стороны. Как уже нередко бывало, кое-кто скажет: «Это моя собственность, она дело рук моих, я создал ее своим трудом, следовательно, она принадлежит мне и я могу завещать ее или использовать как угодно». Если окажется, что собственность действительно *его*, то она, конечно, останется *его* собственностью, как бы я ни силился отнять ее. Но давайте подумаем. Если человек похвастается, сколь много он достиг в жизни своим трудом, то почему бы нам и не выяснить — так ли уж много в конце концов? Хвастовство — вещь обычная, богатые подвержены ему не меньше других.

Предположим, что Лориллард оставит свои 500 домов и прочую собственность единствен-

ному наследнику. Если тот распорядится ею расчетливо, то за 14—15 лет число его домов удвоится, так как при 5 % годовых основной капитал удваивается приблизительно за 14 лет (получаются ли проценты в виде ренты или прибыли — неважно). Итак, прибавляя каждый год по 50 домов, через тридцать лет наследник имел бы на 1500 домов больше, чем завещал ему Лориллард. Можно ли сказать, что подобное увеличение собственности достигнуто трудом одного человека? Что он совершил работу, *равную* такому количеству собственности? Сумел бы наследник возвести дома или совершить *равноценную* работу (а ведь он и пальцем не пошевелил), если в момент получения наследства исчезли бы бедняки, своим трудом кормящие весь род человеческий? Неужели они не понимают, что их отцы были рабами Лорилларда? Что их дети будут рабами его преемника или преемников, если сохранится нынешний порядок вещей? Неужели они не сознают, что в следующие 30 лет их заставят выстроить для наследника Лорилларда еще 6000 домов, которые, при иных порядках, они возвели бы для себя, или с наименьшей пользой применили бы свой труд в ином деле? Во имя чего мы допускаем это? Неужто Лориллард, его преемники или наследники любого богача сослужили человечеству более значительную службу, нежели бедняки? Мыслимо ли торговать созидательным трудом? Почему множество людей попадает в услужение к тому, кто благодаря нынешнему образу правления возмнил, будто мир создан исключительно

по для него? Почему бы не продавать воздух, дабы человек не смел бесплатно дышать? Почему бы не продавать солнечный свет, чтобы человек не мог смотреть на мир, не принося прибыли другому? Почему бы не торговать океаном, чтобы никто не смел плавать по нему бесплатно? Все перечисленное не менее разумно и осуществимо, нежели захват в вечное и исключительное пользование земли и всего находящегося на ней.

Человечество *слишком плохо* понимает свои интересы и свое счастье. Иначе подобные мерзости не творились бы безнаказанно на глазах у всех. Никому не удалось бы ввергнуть людей в беспросветную нищету и унижение. Человек, обретший могущество, возвысившийся над братьями благодаря обстоятельствам, к коим он не имел отношения, должен быть сброшен со своего пьедестала и поставлен вровень со своими сородичами. Тогда он получит равные со всеми возможности приобретать богатство, ибо вступит в жизнь, располагая лишь равной долей собственности. Он сможет рассчитывать только на свой труд и дарования, так как положение остальных ничуть не хуже. Не найдется никого, кто будет вынужден умирать с голоду или идти к нему в услужение на таких условиях, когда большая часть стоимости его труда достается хозяину или тому, кто предоставляет работу.

Недавно член совета нашего города, не припомню его имени, разразился в связи с чем-то яростной бранью в адрес бедных. Я сразу вспомнил трагическое событие времен фран-

цузской революции. В нем был повинен зажиточный гражданин Парижа, который раздраженно заявил, что народ ничем не лучше лошадей, а потому пусть ест сено⁶⁷. Ответ на его слова был таков: простолюдины, возмущившись варварским советом, схватили его, отрубили голову, *набили ей рот сеном* и, насадив на пику, носили по улицам, мстя таким образом за бездушие, с коим жертва их гнева отзывалась о правах и счастье народа. Упомянутый мною почтенный член совета обрушился в очень педержающих выражениях на тех, чей удел при нынешнем устройстве общества — РАБОТАТЬ РАДИ ПРОКОРМЛЕНИЯ ВСЕХ НАС. Он заявил: «Кто не трудится, тот *пусть голодает*».

В целом мысль не столь уж несправедливая. Но не будем вдаваться в рассуждения по этому поводу. Меня поразила и возмутила *варварская жестокость*, с которой он произнес эти слова. От имени моих братьев я хочу выразить негодование: оскорбление панесено тому классу, который своим трудом содержит всех нас, в том числе и достопочтенного члена совета. Как он смеет оскорблять бедняков, намекать на их нежелание работать? Ведь они не имеют никакой собственности! Но в его словах сокрыт и другой намек. Он подразумевал *полную справедливость* как праздности, в которой живет пекий класс наших сограждан, так и обязанности остальных людей трудиться не только ради своего пропитания, но и ради прокормления этих ТРУТНЕЙ. Я намерен выяснить: почему происходят подобные

вещи? Почему в нашем Законодательном собрании не призывают всех людей содержать себя своим трудом? Если человек не работает, то почему он не должен голодать? Такой вопрос уместен только в том случае, если все люди обязаны работать, полностью зависеть от плодов своего труда и не брать ничего, созданного другими, или честно оплачивать взятое собственным трудом. С таким вопросом я полностью согласен. Он раскрывает ту самую цель, достижение коей я жажду узреть. Она будет заветной целью каждого человека, не развращенного прелестями жизни за чужой счет. Пусть наши законодатели руководствуются этим принципом, и тогда они не будут смиряться с передачей по наследству огромных состояний, *позволяющих* жить чужим трудом. Кроме того, станет нетерпимым порядок вещей, по вине которого значительнейшая часть населения лишена собственности и прозябает в крайней нищете и бедствиях.

Достопочтенный член совета; навверное, не ожидал такого истолкования его максимы. Но разве оно неверно? Неужели сытный обед бедняка, не заработанный трудом, более предосудителен, чем трапеза праздного богача? Или есть какая-нибудь разница в правах? Быть может, для одного класса людей созданы одни права, а для другого — иные? Может ли считаться законным поступок, который для кого-то считается преступлением? Или у нас два свода законов? Один закон для лилипутов, второй — для бробдигнегов? ⁶⁸ Декларация независимости возвестила нам: «Все люди созда-

ны равными»⁶⁹. Но если кто-то вынужден работать ради своего пропитания, а кто-то — нет, в чем же тогда мы равны? Если бы упомянутый джентльмен сослался на собственность, которая есть у богатого человека, но не у бедняка, то я лишь переиначил бы вопрос: кто дал ему *право* на эту собственность? Если бы выяснилось, что у него прав не больше, чем у тех, кого он именует бедняками и осыпает бранью, то, полагаю, сему господину пришлось бы толковать свой тезис более широко, нежели ему хотелось.

Дабы разобраться в правах бедных и богатых, обратимся к временам возникновения первых правлений⁷⁰. Найдём ли мы бедняка в первую эру существования общества? Отыщем ли богача? *Нет!* В тот период все было общим. Ни единый человек не мог сказать: это дерево — мое, а то — чужое; здесь мое поле, а там — твое. Земля была общей, никто не присваивал ее. Она принадлежала в равной степени всем. Нам не дознаться, когда они решили разделить ее между собой. Но мы знаем, как они *должны были бы* провести раздел. Это запечатлено в сердце каждого человека, и, пока он живет и мыслит, нет власти, способной стереть пачертавшее. Сердце подсказывает каждому — ты имеешь равное с другими право на равную долю общей собственности или ее несомненный эквивалент. Сердце подсказывает человеку, что, прежде чем часть людей захватила землю, она была общей собственностью, следовательно, он вправе требовать возмещения, а если понадобится — силой вер-

нуть то, что должно принадлежать ему наравне со всеми. Сердце говорит каждому гражданину нашего и других штатов, что он имеет неотчуждаемое право на свою часть собственности штата. Сердце говорит ему: твои собратья, захватившие собственность, *лишили тебя* равного естественного права, не предоставили *должного возмещения*, а потому ты *вправе* объединиться с теми, кто оказался в сходном положении, и, добившись власти, провести такой раздел собственности штата, который обеспечил бы тебе твою равную долю. Сердце напоминает, что, сколько бы ни длилось угнетение, время не узаконило его. Настал день, когда обнаружилась физическая и нравственная сила, способная разрушить гнет.

Предположим, что жители штата Нью-Йорк только сейчас поселились на этой земле и намерились разделить ее. Как они поступили бы? Если знания и опыт подскажут им, что наибольшее счастье и процветание способна обеспечить система частного владения всеми или почти всеми предметами и соответствующая ее принципам система производства, при которой каждый занят своим промыслом, — то не примут ли они, скорее всего, данную систему, так как выгода от их трудов будет большей, нежели при любой иной? Разве они не разделят собственность штата между всеми поровну, насколько это возможно? Или они отдадут одному человеку территорию, равную графству Ренселер, другому — графству Путнам, а тысячи, десятки тысяч людей останутся ни с чем? Неужели эти десятки тысяч согла-

сятся на подобный раздел, если они, конечно, понимают свои права? Неужели они тотчас же не отменяют его? Если такой раздел был произведен два столетия тому назад, то разве мы не обязаны отменить его хотя бы сейчас? Разве не следует вернуться к системе собственности, предшествовавшей разделу? Должны ли мы одобрять ошибочное, несправедливое распределение земли и собственности штата только потому, что оно просуществовало два века?

Итак, впервые заселяя эту землю, народ, конечно, не допустил бы неравного распределения собственности. Так можно ли сейчас требовать от него признания? Можно ли увещевать, умолять народ терпеть неравенство впредь, но не разрушать его? Кому выгодно подталкивать народ к примирению с несправедливостью? Народу? Его детям? Детям его детей вплоть до последнего поколения? Или же одному человеку из десяти тысяч? Следовательно, если народ изменит существующий порядок вещей, установит равенство, согласующееся с естественными правами, и принудит подчиниться ему всех без исключения, то разве он поступит неправильно? Кто осмелится возразить ему? *Ни один человек, ни большинство общества не имеют и никогда не имели права нарушать равенство или мириться с его нарушением.* Равенство прав — неотъемлемое достояние каждого обитателя мира, даже если кто-то и отказывается его признать. Даже большинство нации не имеет нравственной власти отрицать равенство прав!

Мне могут сказать, дескать, *стоимость* земель штата несравненно возросла благодаря *улучшениям*, которые произвели за два века усердие и труд бывших и нынешних владельцев, а стало быть, раздел недопустим. Но ответьте — чей труд вложен в землю? *Владельцев? Богачей?* Нет, — труд множества людей, имевших столь же веское право на землю, как и те, для кого они ее возделывали; труд отцов и дедов современных бедняков, чей прах покоится ныне рядом с останками тех, кто никогда не работал. Как же смеет богач владеть плодами их трудов, отказывая в собственности их детям? Какое он имеет право наследовать от своего предка труды предшествующих поколений, когда и *сам предок* не имел права присваивать их? Из всех принципов господствующей системы можно было бы сохранить лишь один — *дети тружеников имеют право владеть тем, что создано их предками*, равное правам тех, чьи отцы не трудились вообще. Если некий состоятельный человек работал не меньше беднейшего из его сограждан (а подобное действительно случается), он может требовать, чтобы его сыну досталась *равная* доля всех улучшений, произведенных его трудом и усердием, *но не более того*.

Пусть труженик, человек, не владеющий собственностью, задумается о самом себе. Пусть он не верит тем, кто убеждает, будто в мире есть что-то ценное и стоящее помимо того, что привнесли в него созидатели, подобные ему. Пусть он не забывает: если бы не существовало богачей, то всевозможных улуч-

шений, продуктов труда и ремесел, всех творений рук его предков было бы несравненно больше. Ибо деньги, получаемые в виде *процентов, ренты* за дома и земли, *прибыли* от торговли и мануфактур, намного превосходят доходы, которые получают бедняки за равноценный, но подневольный труд. Именно так кормится праздность. Пусть он поймет, что сооружение Великого канала потребовало бы меньших затрат труда, если бы среди нас не существовало «состоятельных» людей, так как труд, затраченный на их содержание, отнятый у тех, чьи права я отстаиваю, мог быть вложен в строительство канала или оставлен беднякам. И это было бы лучше. Ибо все, что тратится на содержание богатых и бедных, которые могли бы обеспечивать себя своим трудом (будь у них такая возможность или если бы их вынуждала необходимость, диктуемая равными законами), — все это можно считать выброшенным на ветер! Взглянем же на богатей, умерших и здравствующих, как на проклятие, заслуживающее искоренения. Не позволим им преграждать наш путь и заявлять: «Перемены, которых вы желали, не будут осуществлены». Не сочтите слово «искоренить» слишком жестоким. *Искоренить нужно и богатых и бедных*, низведя первых до общего уровня и сделав богатыми вторых.

Итак, земля, данная нам Создателем, в ее первоначальном виде или возделанная трудом и усердием нынешнего и прошлых поколений, принадлежит народу штата Нью-Йорк. Как ему следует распорядиться ею?

Прежде всего произвести ее равный раздел. Если какой-нибудь человек возражает против него, значит, он боится, что после раздела он будет владеть *меньшим*, чем сейчас. Других причин для возражений быть не может. Следовательно, противник раздела желает владеть не только тем, что принадлежит ему, согласно равному и истинному праву, но и собственностью ста, тысячи или десяти тысяч своих братьев. Но, как только они поймут свои права и увидят, что именно должно принадлежать им, никто их не остановит. Бесспорно, раздел должен быть равным, по крайней мере настолько, насколько возможно. Под равенством я подразумеваю необходимость разделить поровну между всеми нами стоимость имущества наших граждан, будь то корабли, земли, товары и прочее. Именно так и никак иначе следует понимать мои слова. Если раздел будет не абсолютно равным и отступления от равной доли составят, скажем, пять, десять или пятьдесят долларов на каждую тысячу, это объясняется тем, что при современных, а может быть, и при любых условиях невозможно математически точно разделить собственность. Но в том нет пугды. Достаточно, чтобы раздел был по существу равным, а провести его несложно.

Но как увековечить плоды равного раздела собственности? Как сохранить его? Как уберечь равенство, по крайней мере настолько, чтобы человек скапливал богатство не быстрее, чем позволяют его таланты, силы, изобретательность, трудолюбие или бережливость? По-

сколько каждый человек наделен этими качествами, нельзя ограничивать их проявление. Однако нельзя допустить, чтобы, пользуясь своими дарованиями, человек наживался на лишениях других, чтобы богатство проистекало от прибыльных сделок с бедностью и несчастьем. А посему необходимо воспрепятствовать появлению нищеты и обездоленности.

Как это сделать? Если мы сегодня же разделим поровну всю собственность штата, на какое-то время воцарится равенство. Но что останется от него, если мы дадим каждому из равных владельцев право распоряжаться полученным имуществом *до конца времен*! Вообразим, будто всем владельцам собственности отпущен одинаковый срок жизни и все они имеют равное число детей, им тоже отмерен равный срок жизни и они наделены равными способностями, силами, предприимчивостью, трудолюбием и бережливостью. Даже при таких условиях собственность вскоре станет чрезвычайно неравной.

Почему? Потому что каждый имел бы право *до скончания времен* распоряжаться своей собственностью и мог бы завещать своим наследникам неравные ее доли. К одному из своих детей он питал бы, как часто бывает, неприязнь или меньшую привязанность, чем к остальным. Он распределил бы собственность между ними, руководствуясь чувствами. Ребенку нелюбимому (справедливо или беспричинно) он не дал бы *ничего*. Отпрыск, лишенный имущества, стал бы родоначальником племени бедняков, несчастных созданий,

не имеющих собственности, а потому полностью зависящих от воли, каприза, тирании или глупости других людей, которые ничем не лучше их, но которым выпала более счастливая участь стать любимчиками некоего владельца собственности, уже покоящегося во прахе. Тот, кого любили меньше, получил бы меньшую часть собственности и стал бы основателем еще одного рода — рода тиранов или рабов, в зависимости от размеров полученного имущества. А самому любимому он отдал бы все или почти все, и тот находился бы в положении современного богача. Так возник бы источник неравенства, которое возрастало бы до тех пор, пока сохранялись подобные условия. Не станем спорить с тем, кому вздумается заявить, будто он движется по жизни, приумножая свое солидное имущество собственными незаурядными способностями, силами, мастерством и бережливостью. Но нам ведомо: его приобретения зависят не только от этих свойств. Нет, они зависят от более надежного, более изобильного источника — от *бедности*, от полнейшей нехватки всего необходимого для жизни, которую испытывает подавляющее большинство людей, окружающих его.

Именно благодаря *бедности*, благодаря *нужде*, благодаря *нищете* он может весьма успешно пускать в ход свои дарования и свои наследственные владения. *Не будь* вокруг него нищеты, огромного числа людей, вынужденных *ради поддержания собственной жизни* заключать с ним соглашение, то какой был бы прок от его выдающихся способностей, силы,

трудолюбия, предприимчивости, бережливости и других качеств, о которых столь много, по втуне говорят? * Смог бы он с их помощью столь же легко приумножить свое состояние, как пыне? Конечно же, нет. Но тогда сколь губельна для счастья людей власть завещаний! А ведь ежедневно случается гораздо худшее: завещатели полностью лишают свои семьи имущества и отдают его тем, кто уже и так получил по наследству немалую собственность.

Безусловно, зло, порождаемое завещаниями, можно было бы несколько смягчить, предписав делить собственность отца поровну между его детьми. Но поскольку не во всех семьях одинаковое число детей, а в некоторых их вообще нет или же они не дожили до совершеннолетия, то, если бы при новом порядке вещей собственность переходила к детям даже на принципах равенства, тем не менее вскоре возникло бы чудовищное неравенство. Имущество одного отца будет равно имуществу другого. В этом отношении раздел собственности, который я предлагаю провести, установил бы равенство между семьями. Но в одной семье будет двенадцать детей, в другой — восемь, в третьей — шесть, четыре, два или один, а у некоторых вообще не будет детей. Что вскоре произойдет с нашей системой равенства, если мы позволим пользоваться правом завещаний, даже ограничив его требованием делить всю

* Раймонд⁷¹. Политическая экономия. Т. III. С. 12, 13.

собственность поровну между детьми? Один отец отдаст свою собственность единственному ребенку, а другой — десяти или двенадцати. Единственный ребенок будет владеть имуществом, превышающим в десять или двенадцать раз собственность каждого из детей второго отца. Справедливо ли это? Отвечает ли намерению установить равенство, которого требуют права каждого человека? Зародившееся неравенство будет возрастать. К примеру, человек, получивший в десять или двенадцать раз большее богатство, нежели его сверстники, обзаведется одним ребенком, которому оставит уже приумноженную собственность, причем обстоятельства будут крайне благоприятны для ее дальнейшего увеличения. С другой стороны, каждый из десяти или двенадцати братьев может стать отцом десяти или двенадцати детей. Тогда во втором поколении 100 или 144 ребенка будут иметь столько собственности, сколько единственный потомок другого отца. А может, *им вовсе не достанется* ничего. С каждым поколением это зло будет возрастать и усугубляться. К бедствиям, порождаемым завещаниями, следует отнести и пагубные последствия тех случаев, когда речь идет о распоряжении имуществом бездетного человека. Если он завещает его тому, кто уже имеет больше собственности, чем полагалось бы, то зло неизмеримо умножится. А судя по истории человечества, подобные завещания встречаются чаще, нежели справедливые и разумные. Объективности ради следует отказаться от нашего предположения, будто *все отцы жи-*

вут равное количество лет. Следовательно, у них неодинаковые возможности *нажить* имущество для своих детей (разумеется, мы условно высказали предположение, в действительности совершенно целепое, будто во всем, что связано со средствами к существованию, жизненными удобствами или счастьем, дети обязаны полагаться только на своих родителей). Вот вам еще один изобильный источник неравенства собственности. Следовательно, собственность должна передаваться от поколения к поколению на основе иного принципа.

Хочу еще раз заметить, что вымышленные обстоятельства, о которых я говорил, ни в коей мере не отвечают подлинным фактам. Невозможно предположить, что все люди одного возраста обладают равными способностями, силами, трудолюбием, предприимчивостью или бережливостью. Уже по этому отцы не смогут оставить своим детям равную собственность. Должно ли право ребенка на собственность зависеть от личных качеств или дарований отца? Я превосходно знаю, что ради защиты существующей системы передачи собственности следующим поколениям, системы совершенно пегодной, станут выдвигать все мыслимые и немыслимые доводы. Меня крайне удручает, когда столь почтенный писатель, как г-н Раймонд, губит свой талант, отстаивая принципы, которые могут завести очень далеко. Если придерживаться их, то окажется, что бессмертный Ньютон⁷² не имел бы права даже на стопку бумаги, необходимую ему, чтобы возвестить миру «Принципы», если бы его отец был, допу-

стим, безумцем и посему не мог бы оставить ему собственность. Я не отрекись от своих слов, даже если мне возразят, дескать, Ньютон мог бы и сам договориться с кем-нибудь о бумаге. Либо Ньютон владел доставшейся от отца собственностью, достаточной для покупки бумаги, либо не имел ничего. Если бы у него не было имущества (по вине, скажем, безумия отца), то он ничего не смог бы купить. Конечно, он мог бы предложить свои услуги, но властители мира, а стало быть, и матернала, из коего сделана бумага, возможно, сказали бы ему: «Мы не нуждаемся в твоих трудах. Ты не получишь бумагу, мы ее полновластные владельцы, а правительство, которое мы сами поставили над собой, запрещает брать у нас что-либо без нашего согласия. Мы не желаем давать тебе бумагу, а потому ты не получишь ее, как бы она ни была тебе нужна».

Истсть числа челепостям, с конми неизбежно сталкиваются и великие люди и простые смертные, если они забывают или вовсе не знают о подлинных источниках наших прав.

Из моего перечня предположений можно вычеркнуть еще одно. Даже если мы сегодня же уравнием собственность между нашими гражданами, даже если штат не будет пополняться новыми жителями и мы будем вечно владеть равным имуществом, выделенным каждому из нас, все же мы вскоре обнаружим источники все возрастающего неравенства. Какие именно? Скажем, в дни раздела собственности рудник, где добывается какой-нибудь благородный металл, слыл богатым и прибыльным. Один или

несколько человек получили его в качестве своей равной доли. Но через месяц он начал скудеть и в конечном счете потерял всякую ценность. С другой стороны, спустя месяц после раздела на земле, ничем не примечательной, обнаруживаются богатейшие залежи. Итак, перед нами два источника неравенства. Один ухудшает положение владельца, другой — улучшает. Легко домыслить другие подобные источники неравенства. Надо быть готовыми к таким явлениям. Это одна из обязанностей того, кто стремится вернуть людям, живущим в обществе, права, принадлежавшие им в естественном состоянии, или их равноценную замену.

Итак, со всех сторон мы окружены источниками неравенства. Значит, можно опустить руки, не чувствуя за собой никакой вины, ибо мы бессильны? Какой смысл в равном разделе собственности, если он недолго просуществует? Если равенство не сможет сохраняться из века в век, из поколения в поколение, не подвергаясь разрушительному воздействию обстоятельств и людей? Однажды произведя всеобщий раздел, оказаться вынужденными производить его снова через месяц, через год, чтобы *сохранить* равенство прав? Это было бы величайшим бедствием как для общественного состояния, так и для природы человека. Но, к счастью, в этом нет нужды.

Вдумчивый и внимательный читатель моей книги, вероятно, уже понял, как можно этого достичь. Однако мне придется продолжить рассмотрение сего предмета в том же ключе, в каком я исследовал его до сих пор. Я посту-

наю так, не стремясь подчеркнуть достоинства предложенного мною способа возвращения человеку его прав, но исключительно ради ниспровержения вереницы ложных идей, которые, быть может, разделяет читатель, ибо воспринимает как должное современное общество и положение человека в нем.

Всеобщий раздел собственности штата совершенно необходим. Только так можно передать каждому совершеннолетнему гражданину его равную долю собственности, в чем бы она ни состояла. После раздела не потребуются вновь вмешиваться в дела и планы людей. Нам не пришлось бы вмешиваться и сейчас, если бы двести лет назад, или позже, или раньше люди обрели бы свои подлинные права. Но сего не произошло. Права и поныне утаиваются от народа, а потому те, кого доныне грабили, лишали прав, поступят справедливо и верно, если исполнят свой долг, вырвав свои права у лиц, узурпировавших их. Настало время каждому человеку жить ради собственного счастья и добиваться его своими силами. Настало время стать хозяевами своей жизни, а не рабами других людей, как это было прежде. Обладание равной долей собственности штата является непременным условием счастья каждого человека. Поэтому честь и справедливость повелевают обездоленным воспрянуть во всем величии своих природных прав и потребовать вернуть им то, что было создано Творцом для всех. Глупо утверждать, будто последует всеобщее разорение. Конечно, владельцы чрезмерных состояний, низведенные до равно-

го, справедливого уровня со своими согражданами (а такова первейшая задача моей книги), расценят перемену в своей жизни как банкротство, хотя вряд ли уместно именовать се этим словом. Ведь им будет выделено столько же имущества «банкротов» (если им угодно так именовать раздел), сколько каждому из их сограждан. Пристало ли им сетовать на то, что, испокон веков владея неравной собственностью, они не смогут более обладать ею? Кроме того, вообразим в порядке предположения, будто они вконец разорились и впали в нищету. Или такое невероятно? Разве не узнаем мы ежедневно о разорении владельца несметного богатства, о том, что он полностью лишился имущества, а его семья впадала в беспросветную нужду? И тем не менее их беда вызывает не так уж много сочувствия, по правде намного меньше, чем полагалось бы. Так прав ли человек, противящийся низведению до равного со своими согражданами уровня? Кроме того, если он сможет возвыситься над ними благодаря своей необычайной предприимчивости, трудолюбию и другим похвальным качествам, ему охотно разрешат это.

Но я несколько забегаю вперед. Я говорил, что после всеобщего раздела собственности новый раздел не понадобится. Это достигается простым и естественным способом: отменой завещаний. Я уже доказал, что завещания противоречат праву, ибо они порождены ложью и беззаконием и попирают права новых поколений. Мы — потомки тех, кто жил до нас, но, в свою очередь, будем предками идущих

нам вослед. В первую очередь мы сами заинтересованы в том, чтобы наши предки поступали с нами справедливо. Мы тоже обязаны быть справедливыми к тем, кто придет нам на смену. Так пусть же каждое поколение улаживает свои дела, не опасаясь вмешательства тех, кто умер или родится. Такова подлинная справедливость, такова мудрая политика. Надо лишь решиться, а осуществить все можно очень легко.

Итак, завещания упичтожены, их больше нет и они не посылают на мир неисчислимые бедствия. Пусть мертвые покоятся с богом и не нарушают покой живых. Нужно ввести реестр смертей. Если угодно, собственность умерших *в определенный день* можно передавать тем, кто достигает совершеннолетия *в тот же день*. Она будет поровну разделена между ними независимо от пола и отдана им в качестве их падеда.

Указанным способом можно будет легко и просто передавать собственность следующим поколениям, не нарушая ничьего спокойствия. Каждый человек сможет избрать жизненный путь согласно своим желаниям и идти по нему беспрепятственно, пока он не предпочтет его изменить или пока не кончится отпущенный ему срок жизни. Человек не ведает, кто станет его преемником после смерти, но для него это не имеет никакого значения. Если же он полагает, что забота о благе родных, а не чужих детей больше отвечает велениям природы и разума (хотя творец всех создал равным), то пусть он успокоится. Возможно, лет

за сорок до смерти отца штат обеспечит его детей, передав им имущество умерших, и уже на заре своей жизни они будут иметь собственный падел, не обрекая его на лишения, не досаждая ему просьбами хотя бы о долларе, а радостно пойдут своей дорогой, и внуки его будут обеспечены задолго до того, как он завершит свой жизненный путь. Насколько милее сердцу подобная система, нежели та, которая вынуждает человека наблюдать, как два или три поколения *дожидаются его смерти*, либо заставляет его жертвовать собственными *желаниями* ради удовлетворения потребностей детей? Насколько она благотворнее, нежели современная скверная система, при которой бедствие либо злодейство может лишить его имущества и он будет бессилён сделать что-либо для своих детей? А ведь при системе, которую я рад предложить обществу, подобное немыслимо. И сам отец, и его дети, достигшие совершеннолетия, будут полностью обеспечены, и никто не сможет обречь их на лишения.

Вероятно, мои просвещенные и человеколюбивые суждения не произведут должного впечатления на богатых собственников. Пожалуй, правительству стоило бы обратиться к ним со словами: «Да, сегодня вы богаты. Но нет никакой уверенности в том, что вы останетесь богатыми и завтра. А посему повелеваем вам подчиниться введению упомянутой системы, дабы в будущем счастье ваших детей не зависело от непредвиденных случайностей, которые могут произойти с вами. Ваши дети паделены правами, и мы заставим вас уважать их.

Мы не потерпим, чтобы вы ставили права своих детей под угрозу. Мы позаботимся о ваших детях. Можете быть уверены: уже в начале жизни они получают разумное и равное количество собственности и не будут ни от кого зависеть. Даже если бы вы сулили им большее состояние, они, возможно, получили бы его в совершенно неподходящее время или не получили бы его вовсе».

С подобными увещеваниями народ вправе обратиться к тому, кто воспротивится гуманной и справедливой системе, призванной обеспечить всеобщее счастье. Думаю, дети богатых людей (если, конечно, они понимают *свои* истинные *интересы*) хотели бы, чтобы с их родителями разговаривали именно таким языком.

Такова сущность плана, который я предлагаю применить, чтобы отменить завещания и передавать новому поколению собственность хоть *ежедневно*. Однако *буквальное* следование ему не отвечало бы принципу непреложной и равной справедливости. Поэтому нужно внести в него незначительные поправки. У нас повсеместно, не только в городах, ведется регистрация смерти. Из реестров явствует, что количество смертей распределяется неравномерно изо дня в день. У меня под рукой нет другой работы, на которую я мог бы сослаться, кроме «Данных о смертности по возрасту и болезням в Филадельфии с 1 января 1828 по 1 января 1829 г.». Из этого отчета следует, что среди *взрослого* населения количество

смертей составляло:

В весенние месяцы	449
В летние месяцы	492
В осенние месяцы	587
В зимние месяцы	487
В среднем —	504

Предположим, что на протяжении года изодня в день будет рождаться одинаковое число детей. Количество освобождающихся наделов соответствовало бы приведенным выше цифрам. Таким образом, дети, родившиеся весной, получили бы 449 наделов, родившиеся летом — 492, осенью — 587 и зимой — 487. Т. е. больше всего собственности получили бы родившиеся осенью и меньше — весной, причем разница между их наделами достигала бы 30 с лишним процентов. Разница слишком большая, чтобы мириться с пей, тем паче что нетрудно пайти выход. Кстати, согласно приведенному отчету, самое большое число смертей приходится на сентябрь, самое меньшее — на май. Так что разница в наделах, причитающихся родившимся *в эти месяцы*, была бы еще большей.

В действительности же все происходит не так, как мы предполагали. Число *рождений* меняется каждый день. Колебания весьма значительные. У меня поблизости нет источника, из которого я мог бы взять точные цифры. Однако «наблюдения, проведенные в нескольких странах, показывают, что наибольшее число детей рождается в декабре и январе» *. Указанное обстоятельство еще больше повлияет на

* *Мальт-Брюн* ⁷³. География. Кн. 22. С. 196.

неравенство наделов. Вероятно, одни наделы могли бы вдвое превышать другие. Это недопустимо. Однако достаточно условиться *делить имущество лиц, умерших в данном году, между теми, кто достигает совершеннолетия в том же году (или на следующий, это, впрочем, неважно)*, как все трудности исчезнут. Притом все практические преимущества великолепно сочетаются с прелестью самого принципа, просматривающейся в ежедневном разделе собственности, о котором я говорил. Статья 12 моего плана основана на приведенных сведениях о смертности и рождаемости.

Несколько слов о разнице в действительной стоимости наделов, доставшихся каждому при первом всеобщем разделе собственности или после него. Я говорил, что она неизбежна при любом разделе собственности и явится источником неравенства, оказывающим *некоторое* влияние. Но хочу заметить, что это зло будет уменьшаться с каждым поколением. К примеру, если человек обнаружит на выделенной ему земле серебряную жилу, о которой прежде никто не знал, он сможет получать от нее доход в течение своей жизни. Затем земля будет вновь выставлена на торги с учетом ее подлинной стоимости. Не причинит вреда и прижизненная продажа участка другому владельцу. Если земля была продана по настоящей цене, то после смерти владельца *вырученная сумма* перейдет к штату. Если же в результате сговора земля была продана по заниженной цене, то сделка является противозаконной и оба ее участника несут наказание в соответствии со

статьей 18 плана, запрещающей передачу собственности другим лицам. Если необходимость в подобном запрете еще не всем очевидна, она станет ясна, когда мы приблизимся к концу книги.

Возникает еще один вопрос. Я говорил, что по достижении совершеннолетия ребенок должен получить падел. К примеру, ученик должен затратить некоторое время, обучаясь ремеслу, которое обеспечит его благосостояние и счастье. Ему не обязательно напиматься в мастерскую, где заняты, быть может, сотни рабочих, и уступать значительную часть своего труда хозяину. Он может вложить свою долю собственности в это предприятие. Став ее совладельцем, он будет получать (согласно договору, который работники заключат между собой) равную и честную долю прибыли от совместных занятий трудом, торговлей и прочим. Но как быть с несовершеннолетними детьми?

Статья 16 (см. План) предусматривает: «...Все граждане нашего штата с момента рождения и до совершеннолетия будут получать от государства средства, выплачиваемые ежемесячно или в иные сроки, достаточные для полного и подобающего содержания. Родитель или родители являются лицами, уполномоченными на получение указанных выплат. Если родители умерли либо из-за своих порочных наклонностей или помешательства не способны воспитывать детей, для попечения о детях и получения соответствующих выплат должны быть назначены опекуны. Дети должны получать образование за счет общества».

Системы правления, существовавшие доныне, не принимали никаких мер или уделяли слишком мало внимания обеспечению прав грядущих поколений. Полагаясь на *чувства* родителей, они перекладывали на них обязанность обеспечивать своих детей всем необходимым для жизни. Скорее всего, именно эта политика, а не природные чувства *родителей* заставляли их верить, будто именно *они* обязаны взрастить своих детей, а не кто-то иной, не связанный с ними кровными узами. Но почему мы сильнее привязаны к знакомым, нежели к посторонним людям? Есть только одна естественная причина: некоторые, а порой многие ассоциации, рожденные встречей с ними или воспоминанием о них, доставляют нам удовольствие. Почему мы предпочитаем общество земляка компании чужеземца? Конечно же, не потому, что он более достоин нашего уважения или симпатии. Если я стараюсь выручить деньгами друга или помочь соотечественнику, то, выходит, мною движет естественный порыв? А если я отказываю в помощи незнакомцу, то, стало быть, я опять-таки повинуюсь велениям природы? Если я уверен, что незнакомец или чужестранец столь же *нуждается* в помощи, которую я оказывал приятелю, как и он; если я знаю, что они не менее его будут осчастливлены ею, то почему в одном случае я откликаюсь на просьбу менее охотно, нежели в другом? Я, пожалуй, не нашел бы вразумительного ответа на подобный вопрос. Вероятно, есть только одно объяснение моему поведению. Я испытываю большее удовольствие от помо-

щи, оказанной знакомому или земляку, поскольку она рождает в моей душе более приятные ассоциации, нежели помощь, оказанная незнакомцу.

Все же люди, не вникшие должным образом в суть предмета, будут твердить, что родители являются *естественными* защитниками и попечителями своих детей, а обязанность заботиться об их обеспечении возложена на них только как на *родителей* и не имеет ничего общего с их *гражданским долгом*. На чем основано это суждение? Если дети, действительно, должны рассчитывать исключительно на помощь своих родителей, то, наверное, природа обязана не допускать смерти отцов и матерей прежде, чем их дети станут на ноги, достигнут совершеннолетия. Далее, родители должны быть избавлены от болезней, поскольку ребенок может лишиться средств, необходимых для жизни. Кроме того, на родителей не должны обрушиваться бедствия; они должны быть защищены от мошенников и грабителей, которые могут лишить их значительной части состояния, а то и всего имущества. Но, если случится подобная беда, что останется от средств, которые обеспечивали жизнь ребенка? Можно ли величать естественным источником существования то, что неизбежно попадает во власть случая, перед которой мы бессильны? Одна из случайностей — кончина родителей может произойти при любом порядке вещей.

Но пойдем дальше. На чем основано утверждение, будто родитель — *естественный* источник средств существования ребенка? Может ли

отец, подверженный *дурным, порочным наклонностям*, лишенный родительских прав, считается естественным опекуном ребенка? Если может, то, стало быть, природа не справилась со своим предназначением и ее место должны заступить искусственные установления.

Единственно верная теория, применимая в данном случае, состоит в следующем. Каждый ребенок, родившись на свет, становится наравне со всеми гражданами совладельцем собственности штата. Конечно, в ранние годы он еще не в состоянии вступить в свои права на собственность, но все-таки он их имеет. Они — его неотъемлемое достояние, и только злостная тирания может нарушить их. Почему же бездетный человек должен делать взносы на содержание подрастающего поколения наравне с теми, у кого есть дети? Потому что он владеет собственностью детей и пользуется ее плодами. Это одна из причин. По существу, она сродни принципу, коим руководствуются ныне в тех случаях, когда отец умирает, оставив несовершеннолетних наследников. Они имеют право на содержание за счет имущества отца, а впоследствии на равную долю отцовского состояния, если, конечно, неразумный отец не распорядился иначе, воспользовавшись властью завещания. Каждый, кто дожил до совершеннолетия, — должник прошлых поколений. Он должен выплатить свой долг, оказывая помощь поколению, идущему ему на смену. Если у меня нет детей, я тем не менее в детстве получал поддержку, которая не оставляла меня до зре-

лых лет. Следовательно, я обязан вернуть свой долг тому, кто сможет его принять.

Кроме того, если бы не существовало нового поколения, что случилось бы со мной в пору моего второго детства — в старости? Никто не оказал бы мне помощи. Никто не утешил бы в последний час и не закрыл бы мне глаза после смерти. Итак, существование молодого, растущего рода людей — *благо для меня*. Следовательно, я обязан вносить свой вклад на их содержание и обеспечение всем необходимым. Я не смею уменьшать его лишь из-за того, что не являюсь отцом ни одного из них. Я обязан *наравне со всеми* помогать подрастающему поколению, ибо со временем оно окажет мне благодеяние столь же великое, как и остальным. Таким образом, нужно ввести налог, который пойдет на создание особого фонда штата, из коего будут выделяться средства на содержание и обучение молодого поколения. По справедливости, я, как и каждый гражданин, обязан платить налог не в соответствии с числом моих детей, но в зависимости от размеров моей собственности.

Я перечислил далеко не все, чем выгодно обществу существование нового поколения, которое нас заменит. Чем многочисленнее наш народ, тем прочнее защита общества. Чем быстрее возрастет наше население, тем скорее мы сможем осуществить грандиозные и полезнейшие общественные работы. Если бы население штата увеличивалось медленно, у нас до сих пор не было бы великого канала Эри, а возможно, не было бы и через сто

лет. С любой точки зрения рост численности населения выгоден для всех. Особые его преимущества мы ощутим, *когда установим равное или почти равное владение собственностью.* Даже пересылка моих писем по почте обходится мне дешевле в том случае, если я один из миллиона, а не один из тысячи. Эти доводы объясняют, почему мы все обязаны пестить расходы, обеспечивая подрастающее поколение.

Наш долг взрастить новое поколение обусловлен еще одной, не менее очевидной и самой простой причиной — каждый в равной степени вкусит тех благ, коими оно поделит нас, достигнув зрелости. Следовательно, несправедливо взваливать сию обязанность только на родителей. Иначе мы создадим новый источник неравенства собственности, ибо, требуя от одних больших взносов на воспитание нового поколения, нежели от других, мы взвалим более тяжкое бремя на одного человека, чем на остальных, хотя все в равной мере будут пользоваться выгодами, которыми в будущем окупятся эти затраты. Это еще один довод в пользу воспитания детей на средства общества, хотя почти во всех случаях непосредственными попечителями останутся родители.

В установленные сроки, скорее всего в дни выплат, все дети должны являться к соответствующим властям дабы мы удостоверились что они живы и по-прежнему проживают в штате. Можно придумать другой, более удобный способ. Надо завести реестр, в который будут записываться время и место рождения

ребенка, имена родителей и т. д. (а также дата смерти; если произойдет такое печальное событие, то погребение будет производиться за общественный счет). Благодаря этому реестру все лица, достигающие совершеннолетия, будут знать, где можно получить свидетельство, удостоверяющее их возраст и место рождения, а правительство — располагать сведениями обо всех гражданах, которые должны получить падел собственности. Даже при наилучшей форме правления, какую только сможет изобрести разум человека, на отдельных людей, вероятно, будут обрушиваться большие или меньшие беды и не всегда правительство сумеет их предотвратить. Поскольку каждый гражданин может стать жертвой несчастья или неожиданного бедствия и попасть в тяжелейшее положение, из которого ему в одиночку не выбраться, он вправе рассчитывать на помощь тех сограждан, которых беда обошла стороной. Будет совершенно разумно и справедливо, если они ему помогут. Они вправе решать, насколько необходима помощь, и являются властью, которой надлежит принять соответствующие меры. Поскольку каждого из нас может подстеречь несчастье, было бы противно духу равной и перушимой справедливости требовать только от детей поддержки родителей, попавших в беду, или, напротив, от родителей заботы о детях, коих постигло несчастье. Благородное и справедливое правительство сказала бы родителям: «Мы позаботимся о ваших детях, не возложим сие бремя на вас, ибо это наш долг». А детям оно заявило бы: «Несчастье,

постигшее ваших родителей, не должно оборачиваться бедствием для вас. Мы облегчим их участь, так как сообщая мы сделаем это лучше, чем вы. К тому же это наш долг. Вы можете помогать своим родителям только как граждане общества. А посему воздержитесь от всех даров, в какой бы форме они ни подносились. Дело не только в том что общество обязано помогать несчастным. Если мы не запретим частные дары, откроется лазейка, через которую проникнет обман, ставящий под угрозу права потомков на собственность. Ибо подаренное одним человеком другому украдено у следующего поколения, так как после смерти он оставит меньше собственности, поскольку часть ее он подарил еще при жизни». Эти замечания подчеркивают необходимость и разумность статьи 18 Плана.

Уместно добавить, что в обществе, основанном на принципах равенства, изложенных в моей работе или в близких к ней по духу сочинениях, люди будут относиться к нуждам несчастных с чувством милосердия, присущим нашей природе созданий поистине доброжелательных. Однако это чувство будет противоположно тому, которое, к нашему стыду, встречается при современном устройстве общества. При новом порядке вещей помощь жертвам несчастья будет щедро оказываться на основе таких принципов, с проявлением таких чувств, которые не дадут повода сожалеть о том, что вспомоществование оказало общество, а не частные лица. Ни родители, ни дети, ни кто-то другой не сможет сказать, что он сделал бы

для несчастных больше, чем общество. Следовательно, никто не испытает угрызений совести из-за того, что не сможет ничем одарить попавшего в беду. Не испытает, ибо в дарах не станет нужды.

Статья 20 Плана гласит: «Таким образом, собственность будет постоянно перераспределяться поровну, а получившие ее смогут избирать для себя любые занятия и промыслы. Посему их промыслы и занятия должны быть защищены от конкуренции иностранных государств, в противном случае штат обязан возместить ущерб». Возможно, читатель спросит: какое применение может пайти данная статья в системе, которую создает ради своего благополучия отдельный штат? Ведь штат не в силах выполнить предначертаний этой статьи, так как *связан с конфедерацией?*

Ответ прост. Либо принципы, изложенные в моем сочинении, обоснованны, либо бездоказательны; либо они соответствуют нашему желанию достичь как можно большего счастья, либо не отвечают ему; либо они изложены столь ясно и недвусмысленно, что все люди, если им позволит время и обстоятельства, легко поймут их, либо они невразумительны. Если они отвечают природе и правам человека, если их признал народ, осознавший, сколь они важны для его счастья, он обязательно заставит воплотить их в жизнь и не найдет силы, способной помешать ему. Если народ *нашего* штата, исследовав и признав правоту моей системы, решит принять ее, то к сходному выводу придут соседние штаты, в первую очередь близкие нам

по своему свободолюбию. Итак, если выяснится, что принципы моего сочинения имеют несомненную ценность для народа нашего штата, они распространятся на все свободные штаты. Успехи образования — явление столь обычное для всей конфедерации, что принципы будут одобрены повсеместно, если их одобряют здесь. Их примут повсюду, где нет зла рабовладения. Но и на Юге, проложив путь к разуму белых бедняков, жителей рабовладельческих штатов, мое сочинение побудит их потребовать свои права, равные тем, которыми обладают белые богачи. Подобно нам, они зададутся вопросом: чем один белый лучше другого, почему он может иметь больше домов, земель или негров, чем остальные; и не столь ли несправедливы завещания на Юге, как и везде? Если богатый собрат не сумеет дать белому бедняку южанину удовлетворительный ответ, то кто осмелится помешать ему и его товарищам вслед за нами провести всеобщий раздел собственности своего штата и принять необходимые меры для равной передачи ее потомкам?

Скажу больше. Если бы белые бедняки Юга отбросили предрассудки в отношении рабов и признали, что унижение раба перед ними столь же чуждо праву, как и унижение белого бедняка перед богатым, то даже рабы могли бы быть незамедлительно допущены к равному участию в разделе⁷⁴. Тот, кто бывал на Юге, знает — многие рабы неохотно приняли бы свободу, если бы им ее дали. У них нет собственности, и они боятся, что не прокормят себя.

Этот страх взрастило в них рабство. Они боятся, что без хозяина им не прожить и дня. Но, если вместе со свободой они обретут землю и прочую собственность, позволяющую добывать средства к существованию, дело примет иной оборот. Ничто не подтолкнет их к волнениям и бунтам.

Если бы белые сумели убедить себя не противиться столь простому и легкому способу уничтожения рабства и тысяч сопутствующих ему зол, никто не смог бы помешать им, подстрекая на распри и волнения. Говорить, будто белые не приспособлены к труду — значит утверждать, что природа совершила ошибку, создав их, наделив с избытком потребностями, но не способностью удовлетворять их. В этом утверждении не больше истины, нежели в словах белого богача-северянина, дескать, он не в состоянии работать, а посему вправе владеть другим белым человеком, ни в чем ему не уступающим как личность, но обязанным трудиться на него!

В наши дни, надеюсь, подобное заявление немислимо. Но, полагаю, никто не сочтет невероятным, если белый бедняк Юга востребует свои права у богатого собрата.

День осознания прав лишь занимается. Пробудившись ради их обретения, люди не оставят своих трудов, пока не добьются своего. Они не смежат век, пока не получают права в полное и надежное владение. Пусть же богачи приуготовятся к событию, предотвратить или отдалить которое они не смогут, как не смогли императоры и короли, правившие в последние сто

лет, отказать народам своих стран в том, в чем они испокон веков им отказывали, пользуясь абсолютной властью.

Итак, по крайней мере свободные штаты могут почти одновременно принять предложенную мною систему. В связи с этим уместно выяснить, помешает ли ввоз иностранных товаров правам и счастью каждого из нас.

Чтобы упростить вопрос, предположим, что рекомендованная мною система принята подавляющим большинством штатов. Тогда с точки зрения внешней торговли штаты образуют как бы единое большое сообщество, основанное на указанной системе. Представим, что конституционные вопросы улажены. Как известно, действующая конституция может *отказать* штату в праве устанавливать запреты или ограничения на любой импорт. Тем не менее, поскольку большинство может вносить любые поправки в законы (а свободные штаты образуют большинство союза), оно в силах изменить их, дабы получить это право. Даже при нынешнем порядке вещей оно вправе изменять конституцию. Следовательно, право каждого из штатов принимать законы, касающиеся их внутренних дел, не подлежит сомнению.

Как же, скорее всего, поступит упомянутое сообщество? Оно произведет всеобщий раздел движимого и недвижимого имущества между своими гражданами. С какой целью? Во-первых, чтобы каждый человек, пребывая в общественном состоянии, пользовался теми правами, которые он имел бы в состоянии естественном. Это необходимо сделать безот-

лагательно при помощи полного и всеобщего раздела собственности. Существующие правительства были основаны на ложных принципах и руководствовались ими, благодаря чему девять десятых всего человечества лишились своих прав на собственность и превратились в рабов или прихлебателей одной десятой части рода людского. Следовательно, необходимо все перестроить на принципах справедливости и равенства, организовать общественные порядки таким образом, чтобы равенство навеки осталось незыблемым. Какова *другая* цель всеобщего раздела? Создать условия для разумного и справедливого *распределения труда*. Можно произвести гораздо больше, если один человек делает одну вещь, другой — другую и так далее, нежели когда каждый вынужден изготавливать почти все ему необходимое, даже если его потребности ограничены и непритязательны. Не берусь сказать, насколько подобное распределение труда производительнее любого иного. Вероятно, в сто тысяч раз, а в отдельных случаях — в миллионы. Поэтому крайне важно убрать препятствия, мешающие системе, приносящей столь удивительные результаты.

Но глубокое разочарование постигнет меня, если, получив деньгами свою долю общей собственности и решив, что моей обязанностью будет изготовление *наперстков* для моих сограждан (а моя доля предоставила мне необходимый капитал), я сработаю их, но тут выяснится, что более дешевые наперстки завезены из другой страны. Можно ли оправдать моих

сограждан, купивших более дешевые паперстки? Стал бы я их изготавливать, если бы знал, что напрасно истрачу свою долю, производя паперстки (хотя мне самому они не пужны), так как не смогу продать свой товар? Стал бы я рисковать своей собственностью ради того, чтобы впасть в крайнюю пужду? Конечно, следует учесть, что цена, которую я прошу, не превышает времени, затраченного на их изготовление. Кроме того, мой труд не превышает затрат моих сограждан, делающих такие же паперстки. Неужели мои сограждане поступают справедливо, отказываясь покупать мои изделия и приобретая паперстки у иностранца? Меня не волнует цена, которую запрашивает иностранец. Меня не волнует, взывает ли он плату или раздает паперстки *даром*. Мои сограждане обязаны не брать их! Если они все же берут, то они фактически расторгают гражданский договор⁷⁵, разрывают узы общества и оно распадается. Тогда я и мои сограждане, оказавшиеся в сходном положении, вправе лишить их собственности и, вновь воспользовавшись нашим естественным правом на землю, разделить ее на новые паделы. Общество — не только соглашение о совместной защите от общего врага, но в равной степени и соглашение о потреблении продуктов труда друг друга и полном запрете иностранных товаров. Как только владелец хлопковой плантации отказывается приобретать веретена, ткацкие станки или паковальни, сделанные его соотечественниками, и покупает *иностранные* изделия, *неважно по какой цене*, он нарушает социаль-

ный договор. Общество имеет право вышвырнуть его воп с плантации, заставить его постичь на личном опыте, сколь приятно не получать справедливого возмещения за свой труд. Истина в том, что плантация — не его собственность, хотя он и выращивает на ней хлопок в количестве, превосходящем его собственные пужды. Она принадлежит ему только при условии, что он выращивает избыток хлопка для пужд своих сограждан, а на выручку от продажи хлопка покупает необходимые ему предметы, сделанные его соотечественниками⁷⁶. Поясняя свою мысль, скажу: упомянутый плантатор пользуется моею долей общей земли, на которую я имею естественное право, по которую я уступил ему, так как занялся изготовлением *наперстков*. Я не заинтересован в земле и уступил ее ему. Я трачу свое время и средства, делая для него и других вещи, нужные им, но в которых у меня нет никакой потребности. Если я не получаю возмещения за труд и капитал, я теряю свой надел, мой труд пропадает даром, а я попадаю в зависимость к нему или к другим согражданам, поскольку, обманув мое доверие, они содействовали появлению в нашем штате иностранных товаров.

Эти доводы применимы к любому промыслу. Каждый может сам убедиться в их правоте. Итак, ни один человек не имеет права считаться владельцем земли или иной собственности, заниматься каким-либо доходным делом, если он не соблюдает упомянутых условий. Природа еще ни разу не сотворила поле или плантацию, с запечатленным на ней именем

владельца. Правительство, институты правления — одним словом, *люди* определяют, кто будет владельцем данной земли. Они могут *отменить* свое решение, если их вынудят к этому. Тогда они скажут фермеру или ремесленнику: «Сударь, если Вы полагаете, что способны конкурировать с иностранцами и при этом получать доход, — *воля Ваша*. Вы будете производить мануфактурные товары, а мы займемся фермами и плантациями. *Вы* притесняли ваших сограждан и больше не будете владеть этими угольями природы. Мы — труженики и требуем от вас, от всех остальных, такого вознаграждения за наш труд, *в чем бы он ни состоял*, какое вы потребовали бы сами, если бы занимались подобным промыслом. Или дайте нам его, или мы спесем здание общества до основания и погребем вас под его руинами». Именно таким языком следует разговаривать со всеми слоями нашей страны, со всеми классами нашего народа, со всеми ремеслами, которых это касается.

Неужели общественная власть не смеет допускать в наш штат *никаких* иностранных товаров, сырья или продукции? Отвечу: она вправе судить сама. В целом нет возражений против ввоза товаров, если они в штате не производятся или их не хватает. Раз они здесь не изготавливаются, ввоз можно разрешить, если это принесет пользу. Но при одном условии — *полное возмещение должно быть выплачено каждому члену нашего общества, которому ввоз этих товаров причинит ущерб*. Если иностранные товары разорят человека,

занимавшегося изготовлением сходных продуктов, надо возместить ему потери в таком размере, чтобы он не только восполнил понесенные убытки, но и получил средства для запятия новым промыслом, для достижения того процветания, которого он добился бы, если бы не пагубное воздействие внешней торговли. Каждый гражданин, оказавшийся в подобном положении, имеет право требовать возмещения. Если правительство будет руководствоваться указанным правилом, оно не только проявит справедливость к тем, кто находится под защитой его законов, но и позаботится о том, чтобы труд всех классов общества не растрачивался, как ныне, впустую по вине невежества, прихотей, разврата и продажности.

Я не хочу сейчас вступать в спор о деталях политики, которой правительство должно придерживаться в отношении ввоза чужеземных товаров. Я всего лишь хотел показать, что если человек отказывается от своего естественного права на землю и уступает владение ею другим, а свой труд и полученное от общества возмещение за уступку природного права (если оно, конечно, будет дано) вкладывает в ремесла и промыслы, то, следовательно, общество заключает с ним договор, подрываясь потреблять ту продукцию, которую он для него изготавливает. Если дело обстоит именно так, а я в этом не сомневаюсь, то договор должен выполняться неукоснительно, а в случае его нарушения общество обязано возместить полную сумму убытка.

Когда общество будет организовано на таких принципах владения собственностью, которые будут вынуждать всякого человека жить своим трудом, а не предаваться разгулу, оплаченному чужими трудами, тогда каждый гражданин, кем бы он ни был, захочет, чтобы для его рук нашлось самое широкое применение. Если он этого не желает, значит, он не понимает своего интереса, ибо в тех условиях, о которых я говорю, ему выгоднее иметь *как можно меньше конкурентов*. А посему необходимо по возможности запретить ввоз иностранных товаров, тогда мы создадим более благоприятные условия для собственного труда. При новой организации общества народ укажет своим правителям самым решительным образом, не допускающим превратного истолкования или пренебрежения, что можно ввозить, что нельзя, и тогда импорт станет весьма незначительным.

Всеобщая свобода торговли⁷⁷, распространившись по всему свету, неизбежно нанесет непоправимый вред большинству наций. Хотя все страны обладают одинаковыми, или, другими словами, равными искусственными возможностями⁷⁸ производства товаров, тем не менее их естественные возможности не равны. Это обусловлено разнообразием климата и природных богатств. При господстве принципов свободной торговли нация, обладающая наибольшими природными богатствами, сможет продавать на мировых рынках свою продукцию дешевле, чем все остальные народы. Если ее ресурсы будут достаточно изобильны, она пол-

постью разрушит промышленность других стран или нанесет ей смертельный удар. В том, что ввоз иностранных товаров остается весьма большим, повинны те, кто *живет за счет чужого труда* и не занимается каким-нибудь промыслом, страдающим от свободной торговли. Дело в том, что, по их мнению, она обогащает их больше, нежели труд соотечественников. Нашим правительством до сих пор заправляли подобные особы. С их ведома разрешался чрезмерный ввоз иностранных товаров, несмотря на явный урон, который он причинял большим классам наших граждан. Однако заставьте *их* содержать себя *собственным* трудом и они воспротивятся ввозу иностранных товаров не менее яростно, чем все труженики. Сейчас не место и не время подробно обсуждать правила или принципы политики, которой должна следовать правящая власть. Лучше оставить их на усмотрение тех, кто первым прибегнет к ним на практике, когда представится такая возможность.

Я пространно рассуждал о деталях торговой политики, хотя в разных странах и даже в одной стране они будут время от времени меняться. Все же стоит сказать несколько слов об основных принципах теории строго ограниченной торговли, противоположной так называемой свободной торговле, — теории, правильность которой осознают все нации, когда их народы поймут свои права на собственность.

Нация, запрашивающая за равное количество товаров меньшую цену, чем остальные,

сможет вытеснить с рынка всех. Это способна сделать только та нация, которая располагает наибольшими естественными и *искусственными* ресурсами. Представим себе две нации, населенные пародами, равными по численности и дарованиям, сходные во всем за одним исключением: при одинаковом возделывании поля первой нации дают в два раза больший урожай, нежели земли второй. Следовательно, она имеет превосходство над второй,— превосходство, с которым та не совладает даже на своей территории. В некоторых странах, как известно, вырастивается три урожая зерна в год, причем с меньшими затратами, нежели один урожай в других странах. Даже при прочих равных условиях нации, обделенные природой, никогда не смогли бы вырастить собственную пшеницу и уж тем более вывести ее в чужие страны, если бы господствовал принцип свободной торговли. Поля пришли бы в запустение, люди, которые могли бы заниматься земледелием, погребли бы свой труд в могиле праздности. Но, как правило, одна нация превосходит другую не только в отдельных *природных* возможностях или ресурсах. В итоге при системе свободной торговли нации, щедро одаренные природой, неизбежно будут напосить значительный ущерб менее удачливым народам, которые могут оградить себя от бедствия, лишь запретив ввоз товаров. Им следует сохранить принципы свободной торговли только в пределах своей территории. Здесь пельзя чинить никаких препятствий свободе обмена.

Если мощь богатых, естественными ресурсами наций опасна для наций бедных, но имеющих равные с ними *искусственные* ресурсы, то насколько возрастет угроза, если искусственные возможности наций, к коим природа была милостивее, тоже будут недостижимы для остальных? Попытка соперничать с такими конкурентами неминуемо окончится крахом, а потому она бесполезна и самоубийственна.

Государственные деятели, защищавшие систему свободной торговли, не учли, что она противоречит физическим условиям земного шара. Сама природа запрещает подобную систему мировой коммерции, а ее запреты человек не в состоянии отменить. Эти господа даже не подумали о том, что, установив равенство во всем, человечество тем не менее не смогло бы ввести свободу торговли, ибо преодолеть неравенство природных условий ему не под силу. Если уж на то пошло, мы могли бы учредить *открытые порты*, в которые допускались бы корабли всех наций. Однако зачем им туда заходить? Ведь если бы климат был везде одинаков, то я скорее купил бы сахар у моего ближайшего соседа, нежели у человека, привезшего его из дальней страны и потому запрашивающего большую цену. Если человек, обитающий в стране с неблагоприятным климатом, пожелал бы дешево купить продукты стран, более одаренных природой, то ему следует знать: есть только один путь к исполнению его желаний, учитывающий не только его стремление, но и благо государства, в котором он живет. Этот путь — *переселение в*

страну с благодатным климатом! Любопытный способ удовлетворения потребности в заморских товарах повредил бы счастью его сограждан, поскольку не позволил бы им в полной мере воспользоваться возможностями и ресурсами, которыми обладает их нация.

Старая пословица гласит: «Что посеешь, то и пожнешь». Следуя духу этой поговорки, мы могли бы сказать: *где живешь — там и страна*, которая должна обеспечить тебя средствами к существованию. Необходимо свести до минимума ввоз в нее иностранных товаров. Тогда возможности приложения труда будут полностью или почти полностью использованы ее народом. Не может быть чрезмерной неукоснительность сего запрета. Он оберегает наш труд, в чем крайне заинтересована система общественного устройства, цель которой — заставить всех людей жить за счет собственных усилий.

Насколько применимы эти принципы к Соединенным Штатам, которые можно назвать великой ввозящей нацией? Я легко могу доказать, что, строго запретив ввоз промышленной продукции других стран, мы ежегодно выгадали бы приблизительно 50 млн долларов, которые пошли бы на нужды отечественной промышленности. Наш импорт составляет сейчас около 80 млн долларов. Это подсчеты тамошние, а она, как известно, всегда записывает цифры. Если мы учтем контрабандную торговлю и оценим наш импорт в 100 млн долларов, думаю, мы не слишком преувеличим. Итак, если бы мы перестали ежегодно тратить

100 млн долларов на покупку иностранных товаров, тем не менее наше коммерческое и политическое положение позволило бы нам продавать остальному миру нашу продукцию, получая не меньше 50 млн долларов. Оставшиеся 50 млн были бы вложены в нашу промышленность. Потребность в этих деньгах будет ощущаться еще острее, когда наши непродуцированные классы будут вынуждены жить своим собственным, а не чужим трудом. Даже при нынешнем положении вещей у нас, вне всяких сомнений, имеется достаточное количество неиспользованного труда, которого вполне хватит для выполнения работ, оцениваемых не менее чем в 50 млн долларов (если бы мы не лишались этих денег по милости внешней торговли).

К этим рассуждениям я хотел бы добавить еще одно замечание. Я уверен, что система строго ограниченной торговли принесет и другую выгоду, а именно будет невозможно спекулировать на повышении и понижении цен на товары. Внутренний рынок, принадлежащий исключительно нашим гражданам, практически оставался бы устойчивым. Война или мир вряд ли бы затронули его. И это было бы прекрасно, так как никто не смог бы увеличить свое имущество иначе, чем усердным трудом, бережливостью и умением. Сокращая до предела наши торговые связи с иностранными государствами, мы перекроем дорогу спекуляции в нашей стране. Так как у всех будет равная собственность, никто не сможет монополизировать рынки, используя гигант-

ский капитал или кредит. При новом состоянии общества монополию можно будет установить, только прибегнув к сговору или сообщничеству мошенников, но законы будут карать и предотвращать подобные преступления.

Вероятно, стоит сказать еще несколько слов об этой стороне дела. Находясь под впечатлением от тех пагубных условий, в которых оказываются в Европе дети, занятые в различных областях промышленности, многие испытывали и испытывают отвращение ко всякой национальной промышленности вообще. Но не следует забывать, что при новом устройстве общества нежные, юные годы будут посвящены воспитанию и обучению. Никто из детей не будет принуждаем или допущен к работе, пока природа не наделит его силами и возрастом, позволяющими трудиться.

Следует учесть, что многие процессы, применяемые в разных промыслах и требующие использования детского труда, при новой организации общества (а отчасти это происходит и сейчас) будут усовершенствованы, так что рано или поздно отпадет потребность в помощи детей. Тогда общество, обходясь без детского труда, сможет получать гораздо большую прибыль, чем ныне. Тот, кем движет человеколюбие и сострадание к детям, кто возражал против поощрения и развития наших собственных промыслов, призывая полагаться на иностранную промышленность, наверняка увидит, что при порядках, основанных на равенстве, исчезнут все поводы для подобных возражений.

Я рассматривал вопросы внешней и внутренней коммерции, исходя из предположения, что все или большинство штатов нашего союза приняли новую организацию человеческого общества. В связи с этим мне хотелось бы сказать несколько слов о нашем флоте. Мне могут заметить, что желающих поступить на флот не найдется, поскольку все наши граждане будут владеть равной собственностью и получать равное образование. Ну и что? Да пусть весь флот пойдет на дно морское! А если кто-то страшится господства в океанах морских держав, скажу: пусть себе господствуют. Будь у Наполеона больше кораблей, он со своей армией мог бы покорить пустыни Аравии⁷⁹, по чего он этим достиг бы? Если какая-нибудь нация хочет завоевать океаны, пусть завоевывает. Но остальные нации должны превратить океаны в Аравийскую пустыню. Надо лишь прекратить торговлю между нациями, или пусть ее ведут на свой страх и риск владельцы быстроходных кораблей. И дело решится само собой. Завоевание океанов в таком случае не принесет захватчику ничего, кроме потерь, и вскоре он навсегда откажется от своей затеи.

Следует добавить, что торговые нации, способные построить и содержать такой флот, который мог бы господствовать над океанами, населены народами, достаточно разумными, чтобы понять план правления, изложенный в моей работе. Если он будет осуществлен нашей страной, то, полагаю, и они склонятся к его принятию. В таком случае им, как и нам,

флот будет не нужен и он перестанет существовать за ненадобностью.

Мы далеко продвинулись в обсуждении нравственных и политических свойств современных правительств. Стало ясно, как изменить их, дабы они соответствовали подлинным, равным правам всех людей. Уже не вызывает сомнений, что правительства, не соблюдающие эти права, могут и должны быть уничтожены. Если *один* человек имеет право сдавать землю в аренду, то и у другого есть такое же право. Если один человек запрещает своим собратьям *пользоваться* тем, что создано богом для всех, то и другой может поступать также. Если один живет в праздности, то и другой имеет право не трудиться. Если один работает мало, может работать *мало* и другой. Если *один* человек выпущен зарабатывать себе на жизнь *тяжким* трудом, то и другой обязан трудиться не меньше. Если один имеет право присваивать себе плоды чужого труда, то это позволено каждому. Если одному человеку разрешено присваивать пять, десять, пятьдесят, пятьсот тысяч, или миллион, или пять миллионов долларов из собственности прошлых поколений, то это дозволено всем. В конце концов даже при существующем порядке вещей умершие не всегда отдают собственность своим наследникам. Не отдают, ибо бес-сильны что-либо сделать. Многие из них постарались бы прихватить свое имущество в мир иной, если бы могли и если бы он существовал. Не умершие, а живые передают собственность ее владельцам. Мы сами отдали ее (ибо

только мы даруем право на собственность), по смиренно веруем в ложь, будто она дарована не нами. Это великая ошибка. Не кто иной, как поколение ЖИВЫХ, вручает так называемым наследникам состояния, коими они владеют. Без *нашего* дара, дара несправедливого и незаслуженного, они вообще не имели бы собственности! В НАШЕЙ ВЛАСТИ потребовать дар обратно, как только мы сочтем это необходимым. Не нужно более доказывать, что ВРЕМЯ НАСТАЛО, ибо, доказав, что КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК ИМЕЕТ РАВНЫЕ ПРАВА как на СОБСТВЕННОСТЬ, так и на жизнь и свободу, мы доказали все, что требовалось. Время *действий* пришло. Час пробьет, как только эти принципы найдут подтверждение своей правоты в каждом сердце и все увидят их истинность.

Итак, остается лишь обсудить методы, коими удобнее всего осуществить всеобщий раздел собственности. На первый взгляд может показаться, будто дело сие весьма трудное, хотя само по себе оно справедливое и простое. Но, когда мы изучим этот вопрос, обнаружится, сколь легко можно разрешить его, хотя он переплетается с делами и заботами более чем двух миллионов людей. Нет цели важнее, чем восстановление прав человека, а посему найдутся даже такие средства ее достижения, о существовании коих и не подозревали.

Легкость, с которой может быть выполнена такая титаническая работа, служит, я полагаю, вернейшим доказательством истинности наших прав. Вероятно, будет принят именно тот

способ, к которому я советую прибегнуть, и даже многие детали будут совпадать с теми, о которых я сейчас расскажу. Если читателю покажется, будто отмена долгов и тому подобные жертвы слишком смелы и дерзки, пусть он повременит с окончательными выводами. Я докажу ему, что они не наносят ущерба подлинным правам людей и, кроме того, являются самым дешевым, надежным и доступным способом, коим мы сможем обрести свои права. В первую очередь необходимо повсеместно приостановить все промыслы и дела, исключая лишь те, которые необходимы для жизни. Все граждане остаются на местах своего временного или постоянного проживания. Для тех, у кого нет постоянного жилья, а его, к несчастью, нет у многих, особенно в городах (это тяжкое зло, порожденное современной системой прав на собственность), будут выделены специальные помещения. Все без исключения будут обеспечены пищей и топливом (вероятно, в виде пайков), которыми их будут снабжать за счет штата до тех пор, пока не завершится раздел. Чтобы завершить все в наикратчайшие сроки, необходимо привлечь к задуманному делу как можно больше людей, ибо старая поговорка гласит: «Когда рук много, работа спорится». Итак, для проведения переписи населения и составления описи собственности (какого бы вида она ни была) нужно разделить штат на очень большое число маленьких секций или департаментов. Прежде всего это относится к городам. Каждый из районов города надо разделить на три, пять, а в иных случаях и боль-

шее число департаментов. Графства нашего штата (их всего 64, если мне не изменяет память) разделены на 757 приходов. Каждый из них, насколько мне удалось выяснить, занимает площадь около 64 квадратных миль, приблизительно 8 миль в длину и 8 в ширину. Пожалуй, для одного департамента такая площадь слишком велика. В приходах, включая городские, насчитывается 8609 школьных округов. Т. е. на один приход — около 11 округов. Если бы департаменты по числу и размерам соответствовали округам (а может, были бы идентичны им), наш штат был бы разделен на множество достаточно небольших департаментов. Вероятно, можно образовать один департамент из двух-трех школьных округов. В таком случае получилось бы приблизительно 2800 департаментов. Каждый из них занимал бы площадь около 16 квадратных миль (4 в длину, 4 в ширину) и насчитывал в среднем 550 жителей. Вероятно, именно такие департаменты больше всего подходят для намеченной нами цели.

Каждый из департаментов без какого бы то ни было вмешательства высших властей избирает своих инспекторов, оценщиков и прочих магистратов, которые нужны для проведения предлагаемых мероприятий. Хочу обратить внимание на этот важный момент. Именно жители данного департамента лучше всего знают, кто пригоден для выполнения данных обязанностей. Они выбрали бы людей, которые по своей *честности* и деловым навыкам более всего подходят для оценки собственности.

Один человек вряд ли может досконально знать все, что относится к оценке имуществ. Поэтому в каждом департаменте необходимо организовать комитет, включив в него людей, сведущих в стоимости всех видов собственности. Они сопровождали бы оценщиков и помогали бы им составить верное мнение. Одновременно с оценкой или определением стоимости имущества они проводили бы и перепись жителей. Но о деталях этой работы я скажу позже. При оценке собственности необходимо учитывать тот новый порядок вещей, который мы намерены вести. Следует помнить, что принятые ныне принципы оценки стоимости не годятся. Сейчас, как правило, оценщик прикидывает, какую сумму можно получить при принудительной распродаже имущества (частной или публичной). Однако принудительная распродажа обычно дает сумму, намного уступающую действительной, справедливой стоимости имущества. Распродажи приносили бы большую выручку даже при современной системе, если бы проводились более разумно. У новой системы непривычные черты. Все общество выступает в роли покупателей, участвует в распродаже, и каждый человек имеет равные средства для покупки. Следовательно, конкуренция будет идти в полную силу и каждый предмет будет продан по его подлинной цене. Обычно при оценке имущества, бывшего в употреблении, устанавливаются цены, намного уступающие действительной стоимости предметов. А ведь подлинная стоимость старой вещи равна половине стоимости такого

же нового предмета и половине стоимости материала, из которого он сделан (разумеется, если с предметом правильно обращались, он прослужит десятки лет, но после пяти лет пользования его стоимость может определяться так, как я сказал).

Очень часто новые или почти новые вещи оцениваются по чисто помпальной стоимости, так как они пахотятся в руках людей, которые не знают, как употребить их с наибольшей выгодой, и не могут найти покупателя, сумевшего бы извлечь из них все возможные преимущества и вдобавок *способного их купить*. Если бы каждый знал, что он может купить и использовать с наибольшей выгодой некий предмет или имущество, то вся собственность была бы раскуплена по ее полной стоимости и использована с наивысшей пользой для всего общества.

В приведенном примере отчетливо различимо само наказание, которому подвергает себя тот, кто скупает собственность при современной системе приобретения богатств. Нередко богатый человек в силу обстоятельств ухитряется купить собственность по цене гораздо меньшей, нежели она обошлась производителю. Порой собственность *достается людям, почти не занимающимся производительным трудом*. Но, пользуясь неразумным и неестественным состоянием общества, они совместно с другими богачами мешают остальным людям сделать *нужную им покупку*. Каждому понятна глупость, целепость и неразумность поведения человека, который, как гласит простая,

но поучительная история, хотел, чтобы все умерли и он наконец-то смог бы открыть таверну. Так и богачи: желают приобрести весь мир, надеясь впоследствии подыскать покупателя, который дал бы за него полную цену.

Итак, необходимо учитывать указанные обстоятельства. Тогда станет очевидно, что до сих пор ни одна оценка собственности, проводившаяся в штате, никогда не давала той суммы, которую принесет она сейчас, когда вся собственность будет предложена для открытой продажи обществу, каждый гражданин которого располагает равными средствами.

Оценщики и сопровождающий их комитет обязаны определить размеры имущества или партий товаров, которые нельзя разделить, а потому следует выставлять на продажу целиком. Неделимая собственность (к примеру, паровой двигатель) не может дробиться по причинам, о которых излишне говорить. К подобного рода имуществу можно отнести паром, церковь и многие иные виды собственности. С другой стороны, собственность, особенно движимую, надо разделить на мелкие доли, дабы каждый смог купить все ему необходимое. Было бы неправильно выставлять на торг тюки простой или бельевой ткани, полотна и т. д. То же самое относится к орудиям ремесла, земледелия, домашнего хозяйства и др. Мне напоминают, что жителям провинции понадобятся многие товары, которые они могут приобрести только в городе. Однако они вряд ли сумеют приехать в Нью-Йорк или другие города, чтобы участвовать в торгах. Объясняя,

как надо поступить. После завершения оценки и описи собственности каждый совершеннолетний гражданин штата получит кредит, который будет занесен в «Кредитную книгу штата». Сумма кредита будет одинакова у всех. Поэтому, если, к примеру, 500 человек графства Джефферсон пожелают приобрести товары в нашем городе, им нужно лишь избрать уполномоченного, который поедет в город и купит все, что ему поручат. Для расчета за покупку ему выделяют часть кредита, установленную поручителями. На имя того, кто передаст доверенному лицу часть своего кредита, будет внесена в реестр соответствующая сумма. Следовательно, кредит мало чем отличается от денег за одним исключением: приехав в город, доверенное лицо должно обратиться к общественным уполномоченным для подтверждения кредита.

Пожалуй, стоит упомянуть о следующем. Во время всеобщих торгов в силу обстоятельств, о которых сейчас не место говорить, здесь будут находиться жители других штатов. Они тоже захотят что-нибудь купить. Еще до начала торгов необходимо публично объявить им, что в уплату принимается только золото и серебро. Поскольку банкноты есть не что иное, как разновидность кредита, штат не может продавать общественную собственность за векселя, выданные частным лицом или компанией.

После того как повсеместно завершится оценка или определение стоимости движимого имущества (за исключением предметов, необ-

ходимых для домашних нужд), оно немедленно поступает под надзор штата до тех пор, пока новый порядок окончательно не установится. Дома, здания и помещения, в которых будут храниться вещи, следует опечатать и запереть до начала торгов. Что касается движимого имущества, в силу необходимости оставленного во временное пользование семьям, то каждый отвечает за сокрытие этих вещей от распродажи, а в случае нарушения будет заключен в тюрьму по обвинению в воровстве. Если хозяин одежды захочет оставить себе данный вид движимой собственности, он вправе сделать это, заплатив за нее цену, установленную оценщиками.

У нас в стране есть немало фермеров, владеющих недопустимо маленькими участками земли. При новом порядке вещей они получают право на большие земельные наделы. Там, где позволяют условия, к подобным фермам следует присоединить соответствующее количество прилегающих земель, дабы уравнять их в размерах с другими фермами. Там, где это неосуществимо, следует стремиться к тому, чтобы присоединяемые земли находились в не слишком большом удалении от фермы. Если же ферма чересчур велика, т. е. ее земли превышают равные размеры, она должна быть разделена.

Все принадлежащие нашим гражданам корабли, как стоящие в портах, так и находящиеся в плавании, с имеющимся на них грузом, согласно статьи 6 Плана, поступают в распоряжение штата. Корабли, вернувшиеся

из плавапия до завершения торгов, будут оценены и проданы в том же порядке, что и остальная собственность. Лица, вернувшиеся в штат до истечения вышепазванного срока, должны быть внесены в реестр (если они не были внесены в него прежде). Подобных лиц будет, вероятно, немного — не более двух тысячых от общего числа населения. Отсутствующие во время торгов совершеннолетние граждане, чьи имена не внесены в реестр их друзьями и знакомыми, будут приравнены к лицам, вступающим в совершеннолетие. Принадлежащие нашим согражданам корабли с грузом, вернувшиеся в штат до завершения торгов, будут проданы в возможно короткие сроки. Выручка от продажи перейдет в распоряжение лиц, вступивших в совершеннолетие уже после торгов, а также граждан, отсутствовавших во время всеобщего раздела.

Здания общественных школ, а также необходимое им имущество, не принадлежащее корпорациям, ассоциациям и частным лицам, исключаются из торгов, равно как и большие, особливо ценные библиотеки. Они должны быть сохранены в нетронутом виде и переданы в распоряжение штата. Библиотеки ценны редкими книгами и т. д., они собирались с большим трудом, старанием и затратами, а посему неразумно рассеивать их. Будет лучше, если штат сохранит их в целости, дабы впоследствии они как можно шире распространили свое благотворное воздействие на все общество.

Чтобы облегчить и ускорить работу оценщиков, каждый гражданин, как только будет

объявлено о приостановке всех дел, рассортирует и подготовит к оценке все имущество, которым он владеет. Тогда оценщику не составит особого труда исполнить свой долг, ибо процедура займет немного времени, да и остальные граждане помогут ему. Он сам заинтересован в скорейшем завершении всеобщего раздела собственности, поскольку, чем раньше он будет окончен, чем справедливее и точнее проведен, тем скорее он вернется к своим делам.

Торги следует проводить в такое время года, когда суровая погода не станет помехой делу, а сам раздел как можно меньше затронет повседневные занятия людей. Больные и другие лица, не способные лично участвовать в торгах, могут назначить своих уполномоченных. Так же могут поступить те, кто ухаживает за больным или занят похоронами. Ведь и сейчас муж может участвовать в торгах от имени своей жены. Если муж отсутствует и не назначил доверенного лица, в торге участвует жена.

Имущество не будет вручаться покупателю ранее установленного срока, скорее всего до полного завершения торгов. Подобная процедура публичных распродаж принята и сейчас. Человек, которому приглянулась определенная вещь, называет свое имя и предлагаемую сумму, они заносятся в книгу в алфавитном порядке. По завершении торгов устанавливается, превысил ли кто-нибудь первоначальную цену и насколько. После чего гражданин получает письменное или печатное разрешение, позволяющее ему владеть избранным предметом.

Регламент торгов следует хорошо продумать. Они не должны слишком затягиваться, но и не вестись впопыхах. Нельзя в один день продавать слишком много или слишком мало. Общественная власть возьмет это дело под свой надзор и руководство. Каждый день следует выставлять на продажу товары одного вида, однако торг вести в разных местах. Те, кому нужны бакалейные товары, должны иметь возможность купить их. А потому в день распродажи бакалейных товаров другая собственность не должна выставляться на торг. В противном случае человек не приобретет то, что ему нужно. Мои замечания относятся ко всем без исключения товарам. Разумеется, классификация собственности, выставленной на торги, должна быть подробной, дабы покупателю было легче отыскать нужные ему предметы. Например, продовольственные товары могут быть подразделены на несколько классов.

Как я уже говорил, при проведении переписи населения штата необходимо как можно точнее регистрировать *имя, дату* рождения, указывать *нынешний возраст, место* рождения, сведения о *родителях, пол, цвет кожи, занятие, место постоянного или временного проживания*, длительность проживания в штате. Такая дошность вызвана простой причиной: чем больше способов разоблачить мошенника, тем меньше возможностей для мошенничества. Есть и другая, не менее важная причина. В нашем штате множество людей имеют совершенно одинаковые имена и фамилии. Может произойти неразбериха, но, если мы будем иметь

подробные сведения о каждом человеке, ошибка почти исключена. А поскольку даже в городах каждый департамент будет состоять из небольшого числа граждан, то с их помощью общественные власти легко разоблачат человека, пытающегося выступить под двумя или несколькими именами. Нужно сказать, что тяжелое наказание ждет того, кто совершит или попытается совершить подобное преступление, ибо сие правонарушение столь же тяжелое, как и вооруженный грабёж, а потому преступник может быть подвергнут четырнадцатилетнему тюремному заключению. Каждый гражданин будет заинтересован в разоблачении подобных махинаций.

Провести оценку собственности, составить опись, закончить перепись населения можно очень быстро. Каждый безвозмездно окажет помощь лицам, занятым этой работой, и ни о чем, кроме питания для оценщиков и других уполномоченных, не придется беспокоиться. А посему оценка, перепись и опись завершатся по всему штату в считанные дни, возможно за неделю *.

Как только оценщики, регистраторы и т. д. каждого департамента закончат свою работу, они должны составить (каждый по своей секции) книгу, которую можно назвать «Опись департамента». В ней будут записаны:

1. *Имена* всех совершеннолетних граждан в алфавитном порядке.

* Вероятно, полное и окончательное разделение собственности штата заняло бы шесть — восемь недель.

2. *Количество движимого имущества*, находящегося во владении каждого гражданина.

3. *Количество недвижимой собственности*, находящейся во владении каждого гражданина.

4. *Количество недвижимой собственности*, принадлежащей проживающим здесь гражданам других штатов и государств.

5. *Количество движимой собственности*, принадлежащей во владении каждого гражданина.

6. *Количество недвижимой собственности*, принадлежащей им же.

7. *Количество остальной собственности*, включая общественную, которую штат может выставить на всеобщий торг. (Вероятно, если когда-нибудь решат осуществить предложение, содержащееся в моей книге, то оценят преимущества данного способа проведения раздела и будут следовать моим рекомендациям.)

Необходимо (как можно точнее) подсчитать общую сумму и количество всех видов собственности, находящейся на территории штата, особенно предметов, наиболее широко потребляемых. Хорошо бы знать точно, сколько имеется муки и других продуктов питания, сахара, кофе, прочих бакалейных товаров, одежды, всевозможных тканей и т. д. и т. п., чтобы граждане могли прикинуть, как много этих продуктов достанется каждому во время великих общественных торгов. Что касается тех видов собственности, которые не пользуются широким спросом, то для успешного проведения торгов хорошо бы знать, сколько лиц занимается тем или иным промыслом либо ремеслом, где используется подобное имущество.

К примеру, стоит выяснить, сколько в штате кузнецов и других ремесленников, имеющих дело с металлом, а тем самым установить, сколько людей будет покупать товары, относящиеся к этим промыслам.

Необходимо составить «Департаментскую книгу иностранцев» и занести в нее подробные сведения о всех проживающих здесь *иностранцах*.

Каждый департамент должен составить «Реестр несовершеннолетних». В него будут занесены имена подростков, такие же сведения, как и о взрослых гражданах, но вдобавок будет указано время достижения совершеннолетия. В эту книгу постоянно будут записываться имена вновь родившихся детей и вычеркиваться имена скончавшихся. Раз в год копия «Реестра несовершеннолетних» будет посылаться властям штата для подсчета числа лиц, достигающих совершеннолетия, и регистрации их имен.

Как только департамент закончит составление «Описи» и «Книги иностранцев», с каждой из этих книг следует снять копию и с парочным отправить в столицу штата. Как только будет изготовлена вторая копия, следует отправить второго посыльного на случай, если что-то помешает первому прибыть в столицу. При необходимости следует послать и третьего. Только тогда штат будет уверен в своевременном получении отчетов. Иначе все население штата будет вынуждено ждать по вине какого-нибудь одного департамента.

Когда штат получит все отчеты, пужпо со-

ставить «Общую опись штата», в которой, как и в «Описи департамента», будут указаны в алфавитном порядке *имена* и *стоимость* собственности. Необходимо составить «Общую книгу иностранцев», подобную «Департаментской». Затем надо отпечатать достаточное количество экземпляров указанных книг и разослать во все департаменты, но прежде подсчитать *общую сумму* всей движимой и недвижимой собственности штата и разделить ее на число совершеннолетних граждан, дабы установить размер дивиденда, который будет внесен на кредитный счет каждого. Назначение «Общей описи» не пуждается в пояснениях. А вот смысл «Общей книги иностранцев» сразу можно и не понять. Она поможет предотвратить заговоры. Заставляя иностранцев давать точные сведения о своем имуществе и т. д., указывая их имена и место жительства, мы распространим эти данные по всему штату, дабы они были известны каждому гражданину. Если выяснится, что кто-то из них владеет большей собственностью, нежели, по мнению граждан, позволяет равное право, оно быстрее подпадет под подозрение, а подозрение часто ведет к разоблачению. Следовательно, эта книга поможет предотвратить преступления, которые в ином случае совершались бы чаще.

После составления описи имущества, но до начала торгов необходимо повсеместно обнародовать перечень собственности, дабы народ узнал о ее существовании. Это можно сделать, пока в столице будет подготавливаться «Общая опись штата» и «Книга иностранцев». Необходи-

мо использовать любую разумную меру, способствующую бдительному надзору за собственностью (в соответствии с надлежащими установлениями).

После завершения торгов департаменты должны сообщить центральной власти о количестве проданного имущества с указанием лиц, которым оно было продано и по какой цене. Затем подсчитывается общая сумма выручки от торгов и определяется новый дивиденд. Он и уточняет стоимость собственности, которую каждый гражданин вправе получить от штата в качестве своего падеда. Если стоимость покупки превышает размеры дивиденда, то человек считается должником штата и обязан погасить свой долг немедленно либо в кратчайший срок. Если же он купил меньше, то считается кредитором штата и вправе требовать выплаты ему долга (см. статью 9).

Глава 7

ДОВОДЫ В ПОДДЕРЖКУ ВСЕОБЩЕГО РАЗДЕЛА СОБСТВЕННОСТИ И СПОСОБА ЕГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ. ПРОДОЛЖЕНИЕ

В двух предыдущих главах я ограничился доказательством того, сколь быстро нарушится равенство, если, проводя равный раздел, мы сохраним привилегии; если мы не разрешим определенным лицам занимать гражданские должности; если мы освободим некоторых граждан от обязательной для всех общественной службы или налогов; если мы не распространим право на собственность на всех людей, независимо от цвета кожи и прочих пеленых, искусственных различий; если право голоса не станет в равной степени доступным каждому; если родители будут нести все расходы на содержание детей, от чего избавлены бездетные семьи.

Мне пришлось обратиться к этим вопросам в связи с обсуждением статей моего плана. Они, конечно, относятся скорее к деталям, нежели к существу дела. Я исходил из того, что раздел собственности так или иначе может быть осуществлен. Даже если предположить, что современные владельцы собственности полностью признают равное право своих собратьев на нее и, обладая искренним чувством справедливости, охотно отдадут свое имущество для равно-

го раздела, то и тогда мне пришлось бы обратиться к вышеназванным вопросам, поскольку общественное мнение опутано ложными представлениями, власть которых я хочу разрушить. Такова цель моих рассуждений.

Но вряд ли богатые охотно расстанутся со своей «собственностью». Это маловероятно, власть привычек в них столь же сильна, как и в любом человеке. Даже если удастся заставить их узреть несправедливость законов, на основании коих они владеют имуществом, многие из них все же воспротивятся силе убеждения, проникшего в их сознание; они будут цепляться за непомерную долю собственности, как за самое жизнь. Многие из тех, кто надеется стать преемником нынешних собственников, будут врагами системы, низводящей их на равный с согражданами уровень. Их враждебность сродни той, которую мы наблюдаем в людях, владеющих наследственной политической властью. При республиканском строе право наследовать политическую власть не более вздорно, чем право завещать собственность. Пусть не говорят, будто я заблуждаюсь и, дескать, *собственность* принадлежит лично человеку, а политическая власть — не имущество. Правда на моей стороне! И собственность, и политическая власть принадлежат человеку, пока он жив, но после смерти он не может пользоваться ими. Он не вправе решать, к кому перейдет собственность и власть. Кроме того, политическая власть вручается лицу, уполномоченному действовать во имя общего блага, и, *как только* общество сочтет нужным, оно мо-

жет лишить его полномочий. Точно так же оно вправе изъять неравную собственность. *Неважно*, почему я владел ею — потому ли, что общество не знало своих прав, или благодаря иным обстоятельствам. Общество, мирившееся с *моим* владением, может в любой момент отобрать у меня неравную собственность и обратить ее на общее благо, ибо она принадлежит ему целиком, за исключением моей равной доли. Готов предсказать: когда подавляющее большинство нации полностью осознает свои права, интерес и счастье, оно отдаст предпочтение принципам, которые я защищаю в этой книге. А поскольку оно располагает почти всей физической мощностью штата, противники его замыслов смогут помешать осуществлению его воле лишь единственным способом — мошенничеством и коварством. Одни заруют драгоценности в земле, лишь бы не заносить их в описи, будут клясться под присягой, будто ничего не имеют. Другие попытаются вывезти из штата или утаить свое движимое имущество, надеясь впоследствии использовать его ради своей корысти, а сами как ни в чем не бывало получают свою долю общей собственности. Их не устрашат ни клятвопреступление, ни угроза суровой кары. Третьи вступят в тайный сговор с иностранцами, а те заявят, что собственность принадлежит им, и спасут ее от раздела. Они не побоятся нанести ущерб своей репутации в случае раскрытия подлога.

Так как небольшая часть населения (а богачи и являются ею) способна коварно нарушить замыслы и права большинства, падо позабо-

титься о том, чтобы *изъятие* собственности, подлежащей разделу, было проведено безукоризненно. Вместе с тем нельзя наносить ущерб другим штатам. Я думаю, не следует отбирать земли, принадлежащие гражданину Нью-Джерси, без выплаты компенсации. Так же следует поступать и с гражданами других штатов и государств. Мы не будем возражать против уплаты компенсации только в том случае, если вся земельная собственность, принадлежащая нашим гражданам в других штатах и странах, или ее полная стоимость будет секвестрована и передана в распоряжение казначейства нашего штата. Денег, которые мы получим, вероятно, будет более чем достаточно для выплаты компенсаций. По сути дела, мы проведем обмен наших земель, принадлежащих иностранцам, на земли, принадлежащие нашим гражданам в чужих странах.

Итак, взаимный обмен состоялся и все земли штата принадлежат теперь только нашим гражданам, но не иностранцам. Что дальше? Уместно ли требовать, чтобы земли, коими прежде владел иностранец, честно обменявшийся с нашим гражданином, не подлежали разделу? Конечно, чью-либо собственность нельзя делить, если на то есть серьезные причины. Одной из самых веских является справедливость *прав* данного человека на собственность. Общество полномочно расследовать права любого человека на собственность. Оно полномочно оспорить не только права человека, получившего землю от гражданина Нью-Джерси, Коннектикута, Вермонта, Пенсильвании

или другого штата, но и право каждого человека на любую собственность.

Не столь важно, какой суд будет расследовать право на владение, главное, чтобы он судил справедливо. Общество может доверить расследование своим уполномоченным, коих мы именуем судьями. Может провести расследование *само* общество в силу своих изначальных полномочий. Оно вправе рассмотреть претензии каждого человека и затем сказать одному: «Вы владеете большим, нежели вам принадлежит»; другому: «Вы имеете слишком мало, а посему получите избыток собственности, которым владели другие», и т. д. Вынося решения, общество, выступающее в своей главной и естественной ипостаси⁸⁰, не обязано считаться с принципами и правилами, которые кто-то пытается ему навязать. Оно руководствуется принципами, *которые само считает верными и справедливыми*, и НИКАКИМИ ДРУГИМИ.

Итак, если предложение изъять земли граждан других штатов без выкупа вызывает сомнения, а посему заслуживает пристального рассмотрения, то не меньше сомнений вызовет аннулирование долгов наших граждан кредиторам из других штатов и государств. Внимательно исследовав сей вопрос, мы обнаружим: справедливость в отношении всех заинтересованных сторон можно соблюсти. Ибо нет и *не может быть таких обстоятельств, при которых человек, имея права, не отыскал бы способа овладеть ими*. Права созданы для того, чтобы ими обладали. У каждого народа хватало средств добиться своих прав, если он попи-

мал, в чем они состоят, и если люди, придя к единому мнению, действовали согласованно.

Вероятно, следует проявить осмотрительность, прежде чем мы решимся отменить долги и секвестровать земли. Но, с другой стороны, стоило бы все хорошо взвесить, прежде чем клясться, что не пойдем на этот шаг. Кроме того, отмена долгов и секвестрование не столь уж несправедливы или противны равенству, как может показаться на первый взгляд. Мы отказываемся уплачивать долги, но и не требуем выплаты долгов нам; забирая земли, принадлежащие гражданам других штатов, мы одновременно отказываемся от земель наших граждан, расположенных вне наших границ. Возможны исключения, но в целом мы, наверное, отдадим ровно столько, сколько удержим, а возможно, и больше. Следовательно, мы не совершим ничего несправедливого.

Но взглянем на это дело пристальнее. Допустим, наш штат отказывается от 100 000 долларов, которые граждане штата Нью-Джерси должны нашим согражданам. Со своей стороны мы отказываемся уплачивать штату Нью-Джерси такую же сумму, одолженную нашими гражданами. Счета, предъявляемые друг другу штатами, были бы полностью сбалансированы, и справедливость не нарушится. Тем не менее некоторые граждане Нью-Джерси понесли бы убытки, а другие — выгадали. Предположим, что власти Нью-Джерси приказали тем, кто получил прибыль, отдать ее лицам, оказавшимся внакладе. Разве это было бы неправильно? Разве равенство не было бы соблюдено?

Однако если бы штат Нью-Йорк отказался от получения 100 000 долларов долга, причитающегося его гражданам, но одновременно отказался бы от уплаты наших долгов, составляющих, скажем, 150 000 долларов, то наш штат остался бы в выигрыше, а Нью-Джерси не удалось бы возместить свои потери.

Напротив, если штат Нью-Йорк откажется от 150 000 долларов причитающегося ему долга и уплаты 100 000 долларов его задолженности, он потеряет 50 000 долларов и не пайдется способом возместить убыток, разве что общий баланс кредитов и долгов будет в его пользу. Однако не следует забывать — обычная торговля штата Нью-Йорк с другими штатами или странами прекратится, как только мир узнает о нашем намерении провести равный раздел собственности, ради которого мы вынуждены полностью и безоговорочно отменить все долги. Коммерсанты неусыпно следят за всем, касающимся их дел. Едва они узнают, что вскоре мы аннулируем долги наших граждан, они станут очень осмотрительными и не решатся предоставлять кредит. Граждане штата Нью-Йорк, поддерживающий уравнение собственности, будет стремиться сохранить все свое имущество, дабы внести его в общий фонд, а посему он вряд ли захочет давать кредит, который к тому же никогда не будет оплачен. В такое смутное время даже противник раздела собственности побоится ссужать деньги, ведь и сейчас он не рискует давать займы тому, кто не вернет долга. Если бы он ссудил деньги иностранцу и, предвидя всеобщий раздел собственности, поки-

нул наш штат, приняв гражданство или подданство другого штата или государства, мы не смогли бы воспрепятствовать его отъезду. Однако вряд ли штат Нью-Джерси, зная о предстоящей отмене наших долгов, позволит бывшему гражданину Нью-Йорка требовать уплаты долга от своего гражданина. Граждане Нью-Джерси и остальных штатов и государств, торговавших с нами, будут опасаться давать кредит, когда поймут неотвратимость перемен, после которых они не смогут получить деньги с должников. Следовательно, никто никому не давал бы займы и никто никому не нанес бы вреда. Кредит мог бы предоставляться только на взаимной основе. К примеру, торговец из Нью-Йорка купил груз хлопка и привез его в Лондон или Ливерпуль, намереваясь приобрести другие товары. Допустим, ему не удалось сбыть хлопок тому, у кого он хотел что-то купить, не удалось продать и за наличные. Все же хлопок у него могли бы купить и даже продать ему требуемые товары в кредит, который принял бы на себя английский торговец, купивший хлопок, но не имеющий наличных для оплаты.

Несмотря на риск, кое-кто все-таки будет ссужать деньги и брать займы. Люди очень легкомысленны, к тому же не каждый способен здраво судить о вероятности революции, тем паче той, которая, подобно грядущей, свершится силой общественных выборов. Тем не менее споры и возбуждение, которое неизбежно охватит умы и общественное мнение в целом, явятся, по сути, предостерегающим зна-

мением для каждого владельца собственности. Если, невзирая на предостережение, он попадет впросак — в том его вина. Вдобавок складывающаяся обстановка заставит партнеров по торговым операциям быть более осторожными. Коммерсанты станут брать с собой наличные для уплаты за товары, а если из-за опрометчивости некоторые счета останутся неуплаченными, то сумма кредитов, предоставленных друг другу гражданами нашего и других штатов, скорее всего, будет почти равна. Следовательно, если сумма обязательств равна, то правительству, не присоединившемуся к системе отмены долгов и отказа от получения задолженности, надо востребовать долги, которые их граждане или подданные обязаны уплатить нам, и передать деньги тем из своих граждан, которые неразумно предоставили кредит подданным правительства, открыто намеревающегося отменить все долговые обязательства.

Мои замечания, надо признать, относятся лишь к тем сделкам, которые будут совершаться после того, как появятся несомненные свидетельства преобразований в правлении нашего штата. Мои рассуждения неприменимы к уже предоставленным долгам. Однако срок их уплаты либо истек, либо истечет *до начала* упомянутых перемен. Следовательно, есть все возможности взыскать прежние долги, если, конечно, этому не помешает несостоятельность должников. Итак, отмена долгов никому не причинит вреда или несправедливости. Если ее сочтут нецелесообразной и бессмысленной, то на мои рассуждения не обратят внимание

и они останутся пустым звуком. Но если поймут, что эта мера — необходимый шаг, на который обязаны решиться два миллиона человек, дабы обрести свои права и приблизиться к счастью, тогда торговля будет вестись таким образом, чтобы отпала нужда в кредитах.

На сей вопрос можно взглянуть и с другой стороны. В целом *правительство*, взявшее кредит под честное слово, несомненно, должно соблюсти порядочность. Это обязательство по сути своей сугубо нравственное, ибо и речи быть не может о каком-нибудь *договоре*. Так пристало ли правительству помогать иностранцу взимать долги с собственных граждан? Глупо надеяться, что правительство пошлет армию для взимания долгов одного гражданина другому. Если правительство и вмешается, то исключительно по доброй воле и ради общественного блага. Целесообразность вмешательства правительства в отношения между кредитором и должником — это вопрос правильной политики, и он издавна вызывал сомнения людей самого практического и трезвого склада ума. Но, как бы ни расходились мнения на сей счет, и в мыслях нельзя допустить, будто гражданин или подданный *иностранного* государства вправе требовать от нашего правительства помощи во взимании долга с наших сограждан.

Мне могут сказать, что положение вещей, существовавшее во время заключения не должно меняться до истечения срока действия сделки. Куда может завести *этот* принцип? Были времена, когда в некоторых странах не только несостоятельный должник, но и *вся его семья*,

его потомки продавались навечно в рабство. Если правительство или народ осознали бы порочность, несправедливость, чудовищность подлого обычая, то как выглядел бы человек, возопивший, что, пока ему не вернут долга, быть может каких-то пару долларов, нельзя отменять это правило? Уступить настояниям займодавца все равно что признать принцип, полностью передающий бразды правления кредитору. С сей принцип знаменовал бы *уничтожение* власти правительства и возведение на ее руинах сооружения, вовсе не похожего на то, которое чаяли увидеть народы, создавая правления для своего общего блага. Он лишил бы правительства возможности исправлять свои ошибки или отвергать варварские основы законодательства, которые в силу независимости от него принцип некогда были приняты.

Итак, совершенно ясно, что *в любое время* штат может отменить законы о взимании долгов, и к тому же он действует справедливо, отказываясь от долгов ипотечных граждан и вдобавок наказывая своих граждан, повинных в получении долгов (даже если они взимали их с ведома ипотечного правительства). Наш образ действий послужит распространению справедливости повсюду, ибо та мера, на которую мы идем, не может быть ни от кого утаена и станет известна всему миру. Прежде чем в нашем штате свершится всеобщее разделение собственности, предусматривающее равную передачу ее потомкам, кто-то должен предложить план преобразований, изложив его в этой или другой книге. Если она обретет читателей, ко-

которые признают ее принципы разумными и осуществимыми и станут единомышленниками автора, тогда и остальные люди, прочтя, изучив и поразмыслив над книгой, примкнут к ним. Все сплоченнее будут те, чьи интересы, права и счастье отстаивает мое сочинение. Вскоре число единомышленников станет столь велико, что они смогут избрать в Ассамблею штата людей, которые исполнят их волю и постановят (согласно действующей конституции) созвать новый конвент штата. Пресса, да и все общество непременно проявит к происходящему самый живой интерес. Таким образом, не только наши граждане, но и весь мир, особенно люди, следящие за нашими делами, *узнают* о приближении революции, которая не сможет обойтись без отмены долгов. Весь мир *будет предупрежден* о том, сколь опасно верить собственности нашим гражданам. Если после предупреждения кто-нибудь все же ссудит им деньги и понесет ущерб, пусть он вишит самого себя.

Если раздел собственности между нашими гражданами невозможен без отказа от уплаты долгов, кажущегося деянием *неправомерным*, все же на весах справедливости наш поступок весил бы не более пушинки. Ибо при любой революции, при любом переустройстве допустимо, а порой необходимо идти на некоторое зло ради достижения неизмеримо большего блага. Так, если бы несправедливость, причиняемая народу другого штата или страны равнялась бы 5, а справедливость и права, обретенные нашими гражданами, — 100, то добро, перевесив зло, оправдало бы нас.

В дополнение хочу сказать: если принципы прав на собственность, изложенные в этой книге, истинны, то они верны как для одной страны, так и для всех остальных. Стало быть, состоятельный иностранец, лишившись из-за непуплаченного нашим гражданином долга большей части своей собственности, утратил бы, по правде говоря, только то, что ему и не принадлежит. Если он полностью разорится, то не только потому, что доверился иностранному должнику, а чужое правительство отменило долги. В конце концов он и его сограждане имеют полное право (так же как и мы, и любой народ) дать каждому человеку то, что ему принадлежит, уравнивая владение собственностью. Они сами виноваты, если не делают этого, если не вводят справедливость в дом каждого человека. Не пристало клясть чужое правительство, которое стремится предоставить своим гражданам равные права и не желает зла другим народам.

Предложенная мною отмена долгов не так уж ущемляет истинные права иностранцев, как может показаться на первый взгляд. Какова будет суть полемики, которая разгорится вокруг моей работы (если, конечно, она вообще вызовет споры)? Разве она не будет равнозначна исследованию прав на собственность? Разве не станет она судом, вначале небольшим, но неуклонно разрастающимся (если, конечно, принципы, защищаемые мною, справедливы для всех людей), — судом, *разбирающим право на владение*, ссылаясь на которое каждый человек пользуется тем, что именуется собствен-

постью. Когда все общество, все граждане примут участие в этом разбирательстве, разве не возникнет своего рода великий и беспристрастный суд людей, которые в силу своих изначальных прерогатив рассматривают право каждого человека на собственность?

Если бы мир увидел, как сей великий суд с полной отдачей своих сил и талантов стремится установить, сколько собственности принадлежит каждому человеку, сколько собственности *сверх* положенного имеет один человек, сколько *недостаёт* другому, и готовится вынести свой приговор, то неужели само *существование* суда, расследующего эти вопросы, не послужило бы самым недвусмысленным предостережением для всех иностранцев? По сути дела, мы возвестили бы миру: «Мы переживаем весьма неустойчивые времена. Мы пока еще точно не знаем, какая доля собственности каждого человека действительно принадлежит ему. Мы не можем сказать, останется ли у него все имущество или только часть, под которую он сможет брать займы. Если вы ведете с ним дела, то лучше расплачивайтесь и получайте с него наличными. Не совершайте никаких сделок в рассрочку, поскольку та собственность, которую ныне он считает своей, может быть присуждена другому и вы рискуете потерять многое. Из доброты к вам предупреждаем: не сужайте ни одному из нас денег или имущества до тех пор, пока мы не уладим наши собственные дела, а тогда и вам и нам будет виднее, как поступать».

Объявления или предупреждения подобного рода встречаются и сейчас, хотя в несколько

иной форме. Ежедневно наши суды расследуют права на собственность (разумеется, так, как они понимаются сейчас). Ежедневно случается, что право на имущество присуждается тому, кто им не владел. Нередко хозяин или владелец собственности, *полагаясь* на свои права, занимает крупную сумму. Ему не дали бы кредит, не будь у него собственности. К чему же приводит решение суда о его правах? Кредитор теряет все, так как должник, конечно, может получить солидное возмещение за утрату прав на владение, но не в силах вернуть себе состояние. Он *мнил* себя весьма богатым и *жил соответственно*, а на проверку оказалось, что у него за душой ничего нет. Не важно, где проживает кредитор. Допустим, английский банкир, полагая, будто Генри Рутгерс⁸¹ из Нью-Йорка имеет неоспоримые права на свои обширные владения, предоставил ему долгосрочный заем на значительную сумму. Но, прежде чем истек срок уплаты долга, наш суд решил, что не Рутгерс, а кто-то иной имеет право на эту собственность. С кого заимодавец взыщет деньги? Поместья вне его досягаемости, а от занятых денег не осталось ничего, поскольку должник, воображая, будто богатство позволяет ему жить широко, безудержно предавался разгулу, да к тому же от щедрот его перепадало и другим. Итак, даже сейчас кредиторы, как иностранцы, так и соотечественники, рискуют не дожидаться уплаты долга, если суд пересматривает право должника на собственность. Кроме того, их *никто по-дружески откровенно не предостерегает*. Следовательно, тот путь, коим я предлагаю

следовать, более справедлив по отношению к иностранцам, нежели принятый ныне образ действий. Большую доброту и человечность проявляют к тому, кого предупреждают о дремлющей змее, а не позволяют, пусть неумышленно, нарушить ее покой и оказаться ужаленным.

Не может быть никаких поправок к тому определению, которое я дал народу, сообщая ведущему беспристрастное расследование прав на собственность. В силу своей изначальной власти он вправе сам исполнить то, что мог бы требовать от судей, точно так же, как он вправе сам устанавливать законы, не прибегая к помощи посредников или законодательных учреждений. Согласно его изначальной, естественной власти, он имеет право избрать *принципы*, которыми будет руководствоваться в своих решениях, точно так как ныне он указывает назначаемым им судьям, каким правилам и принципам они обязаны следовать. Судьи и принципы законов — творения власти, создавшей их. Ни один судья не полномочен создавать собственные принципы без согласия назначившей его власти. Если же судья изобрел с согласия власти принципы, которые кажутся приемлемыми ему, но оказались неприемлемы для власти, от чьего имени он действует и которая назначила его, то она может повелеть ему придерживаться иных принципов и он обязан подчиниться. Не стоит заявлять, будто общество в целом (т.е. всех индивидов, составляющих его и сообща отправляющих свои естественные полномочия) нельзя считать судьями. Я не хо-

чу спорить из-за названия. Конечно, обычно число судей уступает численности всего общества. Тем не менее в нашем случае *все* являются судьями, хотя это и непривычно. Если кто-то сомневается в моей правоте, пусть представит, что общество назначило судьями всех людей, *за исключением* одного. Именно данная часть общества и будет выступать от его имени, подобно нынешним судьям, причем не будет ощутимой разницы между частью общества и целым. Человек становится судьей, участвуя в суде. Следовательно, участие в великом совместном суде превращает все общество в судей.

Итак, если признано неоспоримым, что судьи, равно как и *принципы*, на основе которых они должны выносить решение, утверждаются верховной властью, принадлежащей обществу в целом, то столь же бесспорным является право общества или его преемников *изменять* указанные принципы или заменять их совершенно иными, как только оно утвердится во мнении, что они несут большую справедливость каждому индивиду. Нельзя ни обязать, ни принудить кого-либо оставлять в неприкосновенности ошибки, не улучшать то, что поддается совершенствованию и что мы в состоянии улучшить. Мыслить иначе, поступать иначе — значит превратить заблуждение в вечный, непререкаемый закон, преграждающий путь всем возможным исправлениям.

Итак, общество имеет несомненное право *устанавливать принципы*, коим подлежит следовать судьям, а также право *выбрать* другие принципы, если оно предпочтет само выступить

в роли судьи. В первом случае общество требует от судей согласовывать решения с *определенными принципами*. А это есть функция законодательная независимо от того, исполняется ли она непосредственно народом или через избранных им доверенных агентов (если народ учредил законодательные органы, наделенные полномочиями вырабатывать принципы). Во втором случае народ совместил бы законодательную и судебную функции, соединив в одно политическое целое наставника и ученика, руководителя и подчиненного, и тем самым исполнил бы свою волю более прямо и определенно, нежели с помощью посредников.

Нельзя утверждать, будто подобные действия общества незаконны, не имеют силы и ни к чему не обязывают, если они не совершаются в некоей особой *форме*, в некое особое *время* или неким особым *образом*. Допустим, большинство нашего общества, к которому принадлежат все права и вся власть, прочтет эту книгу (пусть даже посидевшая у камина) и придет к убеждению, что современная система прав на собственность враждебна и гибельна для его подлинных прав и интересов. Если люди, придерживающиеся подобного мнения, выяснят, что они образуют большинство, они могут незамедлительно ввести такой порядок вещей, какой считают нужным. Нельзя приказывать человеку, нашедшему украденное у него или потерянное имущество, не овладевать им вновь. И от большинства общества нельзя требовать отказа от прав, если оно узрело, в чем они состоят и как лучше распорядиться ими. В на-

шем штате все или почти все совершеннолетние граждане имеют ничем не ограниченное право голоса. Благодаря этому они могут наделить себя единственным правом, коим никогда не владели, — правом на собственность, лишь только узнают, как воспользоваться им. В тех штатах и государствах, где нет избирательного права или оно весьма ограничено, необходимо бороться и за избирательное право, и за право на собственность. Когда достаточное число людей увидит, что они имеют право на собственность, недолго им оставаться бесправными. Если все человечество без исключения поймет, что право одного индивида на собственность равно праву других, ручаюсь — существующее положение вещей не продержится и часа после того, как человек *узнает*, что его единомышленники составляют большинство.

Наше положение членов конфедерации, наши отношения с союзными штатами — величайшее препятствие предложенному мною плану: секвестровать все земли на территории штата, кому бы они ни принадлежали, и отказаться от всех находящихся за рубежом земельных владений наших граждан. Если бы наш штат ни от кого не зависел, трудностей не было бы. Ибо почти всегда и повсюду большинство правительств запрещало и запрещает владеть землей иностранным гражданам или подданным. Это не дозволяется и законами нашего штата, по запрет не распространяется на граждан других штатов конфедерации. Даже сейчас встречается много исключений из этого закона и все они основаны на специальных

разрешениях, данных нашей легислатурой ⁸². К сожалению, у меня под рукой нет данных, но я не сомневаюсь, что большинство, а может, и все исключения потеряют свой статус, так как, согласно статье 2 Плана, каждый иностранец, проживший в штате не менее пяти лет, предшествовавших всеобщему разделу собственности, считается гражданином. Если, осознав близость всеобщего раздела, он будет настроен против него столь враждебно, что захочет покинуть штат, он сможет продать свои земли. Но вряд ли кто-нибудь из граждан, одобряющих предлагаемую систему, пожелает их купить, так как покупка не принесет ему никакой выгоды. Тогда землевладелец-иностранец, вероятно, поймет, что ему выгоднее безропотно согласиться с разделом собственности и стать нашим гражданином. Если же, обладая солидной *движимой собственностью*, и он предпочтет уехать, даже пожертвовав недвижимостью, никто не сможет помешать ему увести с собой движимое имущество, хотя по праву и по справедливости власти должны были бы задержать его.

Как правило, большинство правительств строго запрещает иностранным подданным владеть землей. Если чужеземец захочет владеть землей, ему придется *принять* наше гражданство. Таким образом, устраняются все трудности, которые могли бы возникнуть у него и у штата. Когда мы обсуждали вопрос о соляных источниках, я сказал, что человек, обладающий большим состоянием, другими словами зажиточный, не сможет принять на-

ше гражданство, если не откажется от излишка собственности, превышающего равную с нашими гражданами долю (если, конечно, он не приехал из штата, признавшего, подобно нам, равные права каждого индивида на собственность и предоставившего ему по достижении совершеннолетия надел). Мне думается, я доказал, сколь опасен для прав наших граждан приток людей, наживших огромные состояния благодаря действующим в их странах неравным законам. Допустить, чтобы кто-нибудь сколачивал богатство на сделках с людьми, нажившими колоссальные состояния грязными средствами (хотя, быть может, они вступали в жизнь с равной долей собственности), значило бы накликать страшное бедствие. Но уж лучше стерпеть его, нежели спусить неизмеримо большее зло, проистекающее от вмешательства в планы и приобретения любого человека.

Все кажущиеся сложности исчезнут, едва лишь мы зададимся одним-единственным вопросом. Заставит ли, к примеру, штат Нью-Джерси гражданина Нью-Йорка, имеющего там собственность, отдать имущество или его стоимость властям нашего штата, чтобы мы решили, кто из наших граждан является законным владельцем? Если Нью-Джерси согласится на это, никаких трудностей нет и быть не может. Восторжествует беспристрастное правосудие. Если Нью-Джерси или любой другой штат передадут нам находящуюся на их территории собственность наших граждан, то мы передадим им собственность их граж-

дан, паходящуюся в наших пределах, дабы они распорядились ею по своему усмотрению.

Не будем забывать, что революция, которую я предлагаю свершить в нашем штате, имеет двойную цель. Во-первых, штат или его граждане имеют неоспоримые полномочия *расследовать право* каждого человека на то, что он именует своей собственностью. Во-вторых, если один владеет слишком многим, а другой — слишком малым, то штат вправе повелеть первому отдать малоимущему излишек собственности. Но какой смысл *расследовать* права на владение, если, признав их *недействительными*, мы не сможем заполучить собственность, которую держат на основе мнимых прав? Поэтому абсолютно необходимо вначале секвестровать собственность, а затем приступить к расследованию. Иначе каким образом штат Нью-Джерси сможет распорядиться в наших интересах земель, которой владеют там наши граждане? Разве не может некий гражданин Нью-Йорка, *видя* приближение революции, продать свои земли в Нью-Джерси гражданину этого штата? А если так, то разве не может он взять плату деньгами или ценными бумагами? Разве ему трудно спрятать деньги, законать, скажем, в землю, дабы сокрыть их от внесения в опись, причем на словах он станет уверять, что ничего не имеет? Полученные им векселя — не что иное, как долг, который можно обратить в деньги, а если штат востребует их, он их легко утаит. Он может получить в уплату за свою землю или в обмен

на векселя *движимое имущество*, которое тоже легко сокрыть, а следовательно, он сумеет пренебречь постановлениями штата. Я говорю о *будущем*, ибо пока еще на его собственность никто не покушается. Кроме того, разве он не может подарить свои земли? И, если народ нашего штата после тщательного и беспристрастного расследования установит, что он не смеет ее дарить, как сможем мы исправить дело? Может ли Нью-Джерси аннулировать дар? При нынешних законах — нет.

Не смогут ли богачи, предчувствуя перемены, которые воспримут как величайшее зло, передать свою собственность подставным лицам, сфабриковав судебные процессы? Не будут ли в суде идти ложные процессы, возбужденные мнимыми истцами против мнимых ответчиков, затеянные ради того, чтобы передать собственность по сфабрикованным судебным решениям? Сможет ли штат Нью-Джерси предотвратить подобное мошенничество? Если не поставить ему преград, то собственность наших граждан, находящаяся в Нью-Джерси, никогда не попадет в руки нашего народа, который должен расследовать права ее нынешнего хозяина. А народ имеет неоспоримое право провести такое расследование.

Но я сказал лишь о половине стоящих перед нами трудностей. Если наш народ приступает к расследованию прав каждого гражданина на собственность, то это его бесспорная прерогатива. Если же Нью-Джерси сочтет подобное расследование излишним, так как его народ полагает, что собственность уже находится в

руках законных владельцев, то он вправе оставить все без изменений.

Но что произойдет в таком случае? Народ нашего штата не только не сможет овладеть имуществом, которое принадлежит нашим согражданам, *но и все земли нашего штата могут попасть в руки граждан других штатов!* Лориллард, к примеру, продаст все свои обширные владения *гражданину Нью-Джерси*, и, если собственность граждан других штатов будет для нас неприкосновенной, если мы не получим за нее полного возмещения, да если даже и получим, все равно — столь пехитрая комбинация лишит нас этих земель. Более того, можно обойтись и без нее. Достаточно упомянутому господину сменить место жительства, переехав в Джерси-сити или Хобокен, и *принять* гражданство этого штата. Ван Ренселеру или кому угодно стоит лишь пересечь границу Массачусетса и попасть в графство Беркшир или поселиться в любом другом месте, сменив гражданство. Ни Нью-Джерси, ни один другой штат не смогут помешать им, ибо пункт первый, раздел второй, статья четвертая Конституции Соединенных Штатов, гласящий: «Граждане *каждого* штата будут пользоваться всеми привилегиями и иммунитетом граждан других штатов», — именно этот пункт лишает возможности предотвратить столь трагическое явление, *как утрата жителями целого штата всей своей земли.*

Излишне задаваться вопросом, имеет ли народ каждого суверенного штата право полной юрисдикции в своих делах⁸³, в том числе

законно ли его разбирательство прав граждан на собственность. Осповываясь на указанном расследовании, наш народ имеет полное право так *распорядиться* собственностью, как того, по его *мнению*, требует истинная справедливость. Если современные владельцы собственности поймут, что разбирательство, *которому они не в силах воспрепятствовать*, подтвердит их справедливое право лишь на *очень малую* часть имущества, они постараются продать свою собственность гражданам других штатов либо сменяют подданство, прежде чем завершится расследование. Они сумеют ускользнуть от законной власти штата, столь же беспрепятственно, как если бы Конституция Соединенных Штатов имела статью, гласившую: «Ни один штат не будет ведать своими внутренними делами». Вне всяких сомнений, никто и никогда не собирался вкладывать в сей документ подобный смысл. Ведь если бы дело обстояло именно так, то правительство штатов не существовало бы. Их ликвидировали бы, заменив единым, общим правительством, обеспечивающим потребности всей нации в законодательстве. В таком случае предложение, с которым моя книга обращается к народу нашего штата, было бы вынесено на рассмотрение и одобрение народа всей конфедерации.

Итак, наш штат вынужден объявить своим *достоянием* всю *собственность, находящуюся на его территории* лишь потому, что в противном случае *он потеряет* не только *собственность наших граждан, находящуюся вне на-*

ших границ. Вся собственность внутри штата попадет в руки лиц, живущих за его пределами, над которыми мы, разумется, не имеем никакой власти. Следовательно, если бы мы захотели обеспечить каждому человеку равные права и в таких условиях приступили бы к расследованию прав на собственность, намереваясь впоследствии равно разделить ее, мы оказались бы в дураках, ибо стоит нам возвестить о предстоящем равном разделе собственности, как тут же выяснится, что делить нечего! Люди, сознающие свои права, не должны совершать ошибок, обрекающих на крах все усилия обрести их. Нельзя идти по ложному пути, добиваться своих прав и одновременно раздавать гражданам других штатов собственность, которой они владеют у нас, или выплачивать им ее стоимость.

Поскольку у граждан других штатов есть собственность, находящаяся на нашей территории, может возникнуть вопрос: не разрешить ли им получить у нас долю собственности, равную наделам наших сограждан, принимая во внимание то имущество, которым они владеют? Рассмотрим это предложение. Взвесим каждый шаг, который нам придется предпринять, чтобы наложить арест на собственность, ибо она подобна Протею⁸⁴, удержать ее не просто. Поскольку клочок пергамента придает земельной собственности способность перемещаться⁸⁵, более естественную для движимого имущества, ее столь же легко утаить от нас, как и зарытую в землю гинею, которую никто, кроме лица, спрятавшего ее, не сумеет отыскать.

Допустим, мы объявили, что, согласно плану всеобщего раздела, граждане других штатов, владеющие здесь землями, будут иметь одинаковые с нашими согражданами права на равную долю собственности штата. Что же произойдет? Как только многие сочтут подобное событие *вполне вероятным*, не будут ли обширные поместья проданы маленькими участками гражданам других штатов (вряд ли найдутся *крупные* покупатели, поэтому землевладельцы и будут продавать их небольшими наделами)? Цель продажи будет двойкой. Во-первых, дать гражданам других штатов наделы земельной и прочей собственности за счет нашего штата, а во-вторых, позволить нашим согражданам, владеющим большими состояниями, сделать денежные и прочие вложения в других штатах. Лориллард и Рутгерс смогли бы распродать свои дома и прочее имущество множеству покупателей, а выручку вывезти в Филадельфию, Бостон или другие места. Таким образом они сохранили бы все свое состояние. Покупатели явятся к нам за получением надела, а поскольку многие из них, вероятно, не избавятся от ложных взглядов на собственность, то они, естественно, будут смотреть на свою покупку как на удачную спекуляцию. Ведь во время всеобщего раздела подобные лица паравне с нами будут что-то приобретать на причитающийся им дивиденд. Они смогут вложить свой надел целиком в движимую собственность, а после завершения раздела уехать из штата, прихватив ее с собой. Конечно, наша недвижимая собственность

от подобных махинаций не пострадает, так как ее невозможно вывезти. Но движимое имущество может быть вывезено в большом количестве, вероятно, *даже полностью*. Тем самым пылесосные владельцы собственности переведут ее в другие штаты, вырвав из рук нашего народа имущество, которым он один вправе распоряжаться. Нужно ли говорить, каким великим бедствием для нашего народа обернется потеря всей движимой собственности? Наша земля была бы отброшена назад, в дикость. Мне могут возразить, сказав, что каждый ипострашный гражданин совершит покупку, равную по стоимости его дивиденду. Но это не убавляет опасений. Деньги за покупку он отдаст не обществу, а тому, кто распродаст собственность, стремясь избежать ожидаемых перемен. Следовательно, получив от покупателя некую сумму, он сможет вывезти ее в другие штаты и окажется вне нашей власти. Предположим, что человек, продавший собственность, оказался весьма честным и передал выручку обществу. Тогда следовало бы спросить: почему он не оказался настолько честным, чтобы воздержаться от продажи собственности? Ведь ему были известны намерения общества решить судьбу его собственности? Таким образом, подобное предложение сыграло бы на руку бесчестным людям и повредило бы обществу, а потому оно совершенно неприемлемо.

Когда велика вероятность некоего события или явления, всегда лучше заранее подготовиться к нему. Поэтому стоит подумать о воз-

можном наплыве в наш штат множества бедняков из других штатов и стран и об их участи наравне с нами в разделе собственности. Я против их допущения к разделу, и вот по какой причине. Их представления о собственности, скорее всего, ничем не будут отличаться от ныне господствующих. Они решат, что лучше всего побыстрее заполучить то, чем одаривает их случай. Они паверняка возьмут свои наделы движимой собственностью и тотчас же покинут штат, чтобы распорядиться обретенным имуществом сообразно тем принципам, которые превратили их в наиболее угнетенную часть человечества. Подобный поступок может показаться странным. Но не страшно ли видеть, как большинство нации преспокойно прозябает в нищете, лишениях, деградации и не задумывается о том, что его право на собственность столь же несомненно, достойно восстановления или защиты словом, а то и мечом, как любое иное право, за которое люди и народы проливали кровь?

Если бедняки придут к нам, ведомые просвещенными взглядами на счастье свое и потомков, то ничто не ограничит их переселения, за исключением количества движимой собственности, которой штат будет располагать ко времени всеобщего раздела. Конечно, раздел собственности имеет свои пределы. Если, устанавливая новую систему, мы выйдем за них, то впоследствии наш труд будет не столь плодотворным. Впрочем, *земли* нашего штата весьма обильны. Если не ошибаюсь, покойный Клинтон⁸⁶ полагал, что они могут дать пропи-

тание 14 млн человек даже при современных способах приложения труда, талантов и ресурсов, когда гнет чрезмерного богатства сковывает все великое, благородное и полезное. Если бы смогли в скором времени достичь той цифры, которая казалась Клинтону пределом, каким бы это было счастьем для нашего штата!

Когда наш или другой штат решит принять описанную здесь систему правления, ему придется установить срок, после которого ни одному иммигранту не будет представляться право на падел. В душах жителей тех стран, где принципы моей книги вряд ли станут известны, вероятно, властвуют заблуждения. Пусть они, если угодно, беспрестанно приезжают к нам, но, поскольку мы не в состоянии поручиться, что они намерены разделить судьбу штата, а не вывезти из него собственность, не следует давать им падел. Если они останутся с нами, их дети станут гражданами и получают соответствующие права.

Итак, вновь заявляю: если другие штаты передадут нашему правительству всю собственность наших граждан, находящуюся на их территории, то мы отдадим собственность *их* граждан. Если же они не вернут, пусть не надеются, что, решая наши внутренние дела, мы поступимся нашими суверенными правами, кои столь же неотъемлемо принадлежат нам, как их права — им. Мы поступили бы безрассудно, не использовав наши права лишь из-за того, что не можем отделить собственность иностранных граждан от нашей и затребовать от них наше достоинство. Должны ли мы

пожертвовать правами полутора миллионов граждан нашего штата? *Следует ли нам отказаться* от своих прав лишь потому, что сорок лет назад Конституция Соединенных Штатов позволила презренной горстке людей овладеть земельной собственностью нашего штата? Разве создатели конституции мечтали о таком устройстве общества, которое не позволяет ни одному из правительств штатов вводить пужные ему законы о собственности? Или же они хотели, чтобы ни один штат не смел принимать закона, ограничивающего, например, земельные владения 500 акрами, если накануне его принятия обнаружится, что некий гражданин владеет бóльшим количеством земли? Если же они не помышляли об этом, то штат вправе принять закон, обязывающий отдать излишек собственности как урожденных здесь граждан, так и временно проживающих. Разве не может штат ограничить земельные владения не 500 акрами, как предусматривал аграрный закон Рима⁸⁷, а такими размерами, которые позволяют дать каждому равную долю земли?

Согласно Конституции Соединенных Штатов, каждый гражданин пользуется *теми же* правами, что и граждане любого штата. Но она не требует большего. Вероятно, начнут доказывать, будто, согласно этому принципу, гражданин другого штата обязан получить от нас надел, если его собственность включена во всеобщий раздел. Я уже убедительно опроверг подобные суждения. Но я сниму свои возражения, если остальные штаты

наделят собственностью наших граждан. Хочу добавить еще *два* замечания. *Первое*: включение собственности данного человека во всеобщий раздел не является основанием для предоставления ему права на получение надела. Надел не покупается, а принадлежит каждому из наших граждан в силу его бытия. *Второе*: *наш штат* имеет права в других штатах, т. е. он имеет право взять в свое владение собственность наших граждан, находящуюся на территории других штатов. При существующих порядках наш штат не властен сделать это, даже если бы и захотел, поскольку не в состоянии *установить*, где находится указанная собственность и какова она. Если бы мы знали ее размеры, быть может, мы отказались бы от нее. Но так как это невозможно выяснить, то уместно предположить, что она по крайней мере равна той собственности, которую мы удержим в качестве возмещения.

Если Нью-Джерси имеет права в отношении Нью-Йорка, то и мы имеем не меньшие права в отношении Нью-Джерси. Поэтому если наш штат не может удержать за собой недвижимую собственность граждан Нью-Джерси, находящуюся в нашем штате, то и Нью-Джерси не должен распоряжаться собственностью наших граждан. Если в силу неспособности к какому образу действий или по другой причине он *все же сохраняет свою власть* над ней, мы, в свою очередь, вправе поступить так же. Тогда даже Верховный суд Соединенных Штатов⁸⁸ не смог бы помочь *гражданам* Нью-Джерси, поскольку законы конгресса не были

бы нарушены. В данном примере права гражданина нельзя рассматривать отдельно от прав штата, членом которого он является. Т. е. это совершенно особый случай. Его с полным основанием можно было бы передать Верховному суду, чтобы он разрешил один-единственный вопрос — соблюдают ли Нью-Джерси и Нью-Йорк равенство прав друг друга, если осуществляют полномочия, предоставленные им как суверенным штатам? Т. е. суд должен выяснить один простой факт: не присваивает ли один штат *больше* собственности, принадлежащей гражданам второго штата, нежели другой? Какие бы свидетельства ни выставлялись, как бы ни пытались их найти, но — око за око, и суд не может вынести иного решения, кроме как сохранить за каждой из сторон полное и неоспоримое право пользоваться суверенитетом.

Если нужен еще какой-нибудь довод в пользу того решения, которое, по нашему убеждению, обязан вынести Верховный суд, я могу привести следующий аргумент. Конституция Соединенных Штатов есть результат соглашения штатов, но не их пародов. Так, если Нью-Йорк был вынужден разрешить гражданам Нью-Джерси владеть своими землями, то к этому вынуждало соглашение, заключенное между штатами, которое впоследствии не подтверждено прямым одобрением большинства *народа штатов*. Если штату Нью-Джерси пришлось мириться с тем, что его земли становятся собственностью наших граждан, то повинно в этом упомянутое соглашение.

Если один из штатов, не преступая границ своего суверенитета, вынужден *затребовать* у второго штата собственность своих граждан, а тот отвечает отказом, то может ли он пользоваться в первом штате правами по-прежнему, как если бы он исполнил просьбу? Разве гражданин или граждане штата, отказавшегося выдать собственность, посмеют обращаться в Верховный суд, требуя, чтобы с *их* правами (а они всего лишь малая часть штата) считались больше, нежели с правами целого штата, к коему они испытывают вражду. Вдобавок штат являлся одним из участников Великого соглашения о Союзе⁸⁹, в то время как означенные индивиды, как известно, не имели к нему никакого отношения. Их штат, и никто более, нанес ущерб, ибо отказался выдать соседнему штату его собственность, на которую тот имеет столь же полное право, как их штат — на свою.

До сих пор я рассматривал вопрос, есть ли у нашего и остальных штатов власть, позволяющая принять мой план всеобщего раздела собственности, если возобладает убеждение, что он отвечает правам человека, его интересам и счастью. Я не случайно коснулся сего вопроса. Я хотел доказать, что мое предложение вполне совместимо с нашими обязательствами перед Союзом и другими способами, помимо предложенных, его невозможно осуществить. Полагаю, я ответил на все вопросы, к полному удовлетворению читателя. Утверждаю: наш штат имеет право провести рекомендуемые мною перемены в своем внут-

реннем правлении, не испрашивая согласия остальных членов конфедерации и не дожидаясь того часа, когда они наконец решатся возвести здание собственного счастья.

Итак, если наше бесспорное право зависит от наших отношений с другими штатами и всем миром, насколько прочнее оно было бы, если бы мы смели надеяться на сотрудничество с дружескими штатами? Но, если связи с ними препятствовали бы нашим внутренним преобразованиям, мешали бы дать каждому гражданину ту собственность, которая, по нашему убеждению, должна принадлежать ему, не могло бы быть никаких сомнений в нашем праве расторгнуть все соглашения, заключенные нашими предками, ибо они не имели полномочий принуждать нас жертвовать нашими правами, служащими нашему благу.

Допустим, мы не сможем отказаться от всех долгов и задолженностей, не теряя при этом нашей, так сказать, зарубежной собственности и не секвестрируя иностранного имущества на нашей территории. Если справедливое решение вопроса о долгах немыслимо без этих мер, то не уменьшатся ли трудности, если два или несколько штатов объединятся для достижения равенства прав на собственность. Права человека одинаковы повсюду, и в штате Нью-Джерси, и в штате Нью-Йорк. Если бы у народа Нью-Джерси одновременно с нами пробудилось бы понимание своих прав, которое подвигло бы его на введение нового порядка вещей, повсеместного установления коего я страстно желаю, и два наших штата совмест-

но приступили бы к изменению своих социальных систем, наши труды были бы значительно облегчены. Если наши штаты решат (что было бы желательно и вполне справедливо) вернуть друг другу собственность своих граждан — они так и сделают. Тогда не его, не наша земля не служила бы почвой для мошенничества, коварства, жульничества и лжесвидетельства. Не нашлось бы на ней уголка, где сии пороки сыскали бы прибежище, укрылись, подобно тому как прячутся воры у скупщиков краденого или несостоятельный должник спасается от кредиторов в далеких и неведомых странах.

Только что приведенные сравнения вполне применимы к людям, владеющим крупными состояниями, которые они *извечно* считали своей собственностью, хотя на деле их право ничуть не честнее права вора на украденное им добро или прав должника, сбегавшего от кредиторов, едва узнав о том, что они его разыскивают. Чем лучше вора человек, который долгое время мнил себя истинным владельцем имущества (хотя на деле оно ему не принадлежало), наконец узнал, кто является подлинным хозяином, но *все же* не расстанется с ним? К примеру, человек получил в наследство собственность, среди которой было и краденое имущество, о чем он не подозревал. Со временем обнаружился подлинный владелец. Если и тогда он пытается утаить чужое имущество или по-прежнему пользуется им, разве это не воровство, не повторная кража? Разве он не заслуживает того же наказания, что и

первый вор, если бы того в свое время поймали?

Когда у людей, образующих общество, *пробуждается* понимание своих прав на собственность, мы можем с полным основанием предсказать, что ее нынешние владельцы разбегутся во все стороны, стремясь любыми способами помешать обществу вновь овладеть тем богатством, которое некогда являлось его совместной собственностью. Как ничтожно мало отличаются подобные люди от тех гнусных преступников, которых чуть ли не ежедневно отправляют на виселицу за злодеяния, менее чудовищные. Ибо многие из современных преступлений есть не что иное, как возмездие, на которое толкнула несправедливая система распределения собственностью и ее передачи потомкам. Преступления не были бы совершены, если бы не забвение и попрание первейшего, самого главного права человека — права на собственность.

Когда настанет время воплотить в жизнь принципы, изложенные в моей работе, многие станут прибегать к всевозможным ухищрениям, дабы помешать этому. Одна из уловок состоит в предложении принять систему *частично*. Но, как заметил некогда Томас Пейн, «не бывает вещей наполовину правильных и наполовину неверных». Тот, кто *полагал*, будто подобные вещи все-таки бывают, озаренный открытием чистой истины, начинает понимать, что любая система, наполовину верная, наполовину ложная, неверна вообще. Какой смысл настаивать на введении предложенной мною

системы передачи собственности потомкам, отвергая необходимость всеобщего раздела собственности штата? Или бедняки еще недостаточно долго пребывали под игом порабощения? Или Лориллард и впредь должен владеть своими пятью миллионами, чтобы в течение следующих пятнадцати лет выжать из бедняков еще пять миллионов, которые послужат *его* выгоде, но не процветанию бедных? А если он проживет еще пятнадцать лет, то, стало быть, те же самые бедняки будут обязаны в поте лица своего увеличить его состояние до двадцати миллионов, хотя, по совести, все созданное ими богатство должно принадлежать им, но не Лорилларду?

Если мы не произведем всеобщего раздела собственности, такой исход неминуем. Даже если Лориллард умрет, зло не исчезнет вместе с ним. Ибо имущество можно обратить в деньги. Если запретить человеку, разделяющему пынение ошибочные представления о праве на собственность, составлять при жизни завещание, которое считалось бы законным и после его смерти, то, вопреки законам страны, он обратит собственность в деньги и тайком *передает* ее своим детям, любимчикам или кому-нибудь другому. Они используют деньги, чтобы увеличить свое богатство за счет труда бедняков. Таким образом, источники бедствий, ставших проклятием для всего мира, увековечатся. Если же мы немедленно отберем у Лорилларда и других людей всю собственность и проведем ее полный и всеобщий раздел, то ни упомянутый господин, ни кто-либо иной не

сможет скапливать несметное богатство, да и пужды в том не будет. Даже если бы он и стал беднее, нежели пыне, все же он был бы дальше от богадельни, чем любой из его сограждан в наши дни.

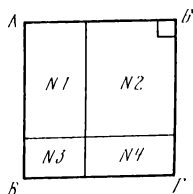
Не исключено, что владельцы состояний небольших, но значительно превышающих возможные размеры падела, обнаружат, что, вопреки их предположениям, им весьма выгодно уравнение имущества их соседей-Колоссов. Каждый день мы воочию наблюдаем, сколько легко пяти- и десятимиллионный капитал поглощает тридцати-, пятидесяти- или стотысячный капитал. Ненадежность небольших состояний послужит доводом, способным убедить их владельцев согласиться на меньшее имущество, обладание которым, однако, более прочно. Мир денег подобен миру растений. Большие, ветвистые деревья затеняют меньшие и мешают их росту. Следовательно, независимо от вопроса о правах каждого индивида владельцы небольшой собственности, несомненно, заинтересованы в том, чтобы уничтожить огромные состояния.

Тот, кто не размышлял глубоко о сути аргументов, которые я выдвинул в пользу всеобщего раздела собственности, не преминет сказать: «Мне кажется несправедливым отнимать и делить между согражданами имущество, приобретенное людьми, пачавшими свой жизненный путь с нищеты». *На первый взгляд* дело обстоит именно так. Но только на первый! Здесь нет и намека на несправедливость. Истина состоит в том, что весь мир, все, что

в нем паходится, есть общее достояние и все человечество является его наследником. Так уж случилось, что немногие из наследников заполучили себе всю собственность. Если наследнику, которому в свое время не досталось ничего из громадного имущества мира, удалось-таки приобрести пекую его часть, понятно, что он взял ее у обладателей собственности, а не у *нищих*. Следовательно, он взял ее у того, кто незаконно захватил собственность, принадлежащую ему и всем остальным. Если же впоследствии он значительно увеличит состояние, используя ту собственность, которую ему удалось заполучить, он сам превратится в узурпатора чужих прав, ибо не допускает своих собратьев к той собственности, которая принадлежит им. Они обязательно потребуют, чтобы он вернул захваченное. Они скажут ему: «Мы наравне с тобой являемся наследниками этого великого состояния. До сих пор ты и тебе подобные лишали нас прав. Если бы мы ими располагали, то, как и ты, заработали бы себе богатство. Но у нас не сложились столь удачные отношения с теми, кто некогда ограбил и нас, и тебя, кто завладел нашими прирожденными правами. Посему мы стали нищими и несчастными рабами других людей, в том числе и твоими. Само наше существование зависит от тебя и от них. Тем не менее собственность принадлежит не только тебе и твоим сотоварищам, но и нам. Поскольку ты не позволял нам пользоваться ею, ты обязан теперь же вернуть ее нам вместе с извлеченной из нее прибылью. Так повелевают

законы страны даже сейчас. Отныне мы будем жить так, как должны были бы жить с самого начала».

Возможно, диаграмма позволит придать наглядность моим рассуждениям и покажет несправедливость права, на основании которого богатые притязают на владение собственностью, именуемой ими «своею», — права, ссылками на которое они хотят помешать нам покопчить с несправедливостью. История всех стран подтверждает два важных факта. Первый — собственность земного шара никогда не была разделена поровну между всеми его обитателями. Второй — она никогда равно не передавалась последующим поколениям. Поскольку ни того ни другого в истории еще не было, стало быть, все права на собственность недействительны, они с самого начала ничего не стоили, ничего не стоят и поныне. Итак, квадрат АБВГ изображает всю поверхность земного шара. Ради удобства рассуждений предположим, что качество земли одинаково во всех его частях:

Теперь представим, что на поверхности этого квадрата до его раздела обитало 10 тыс. равных между собой людей. Какая чудовищная

несправедливость произошла бы, если бы один человек каким-то образом присвоил себе часть, помеченную цифрой 1, другой — 2, третий — 3, четвертый — 4, и остальным бы ничего не осталось. Если бы территория была справедливо и равно разделена между всеми, то человек, владеющий ныне частью № 1, получил бы небольшую площадь, например, очерченную около буквы Б. Это была бы его равная доля. Тогда как, владея огромной площадью, помеченной цифрой 1, он имеет намного больше, нежели в действительности ему принадлежит. Те, кто ничего не имеют, вынуждены арендовать у него землю. Они платят за пользование той самой землей, которая является *их*, а не *его* собственностью. На полученную ренту или арендную плату он строит дома и корабли, покупает разнообразные вещи, товары — одним словом, становится богатым и получает возможность распоряжаться жизнью и трудом своих собратьев. Но если он с самого начала не имел никаких прав на большую часть земли, то, следовательно, он не имел права взимать ренту за пользование ею. А не имея права на ренту, он не может иметь права на собственность, на богатство, приобретенные на полученные деньги. Не имея права на имущество, купленное им, он не имеет права владеть этими вещами. Не имея права на столь большое количество земли, он не имеет права передавать ее другому человеку, а если он и передал ее кому-то, тот может и должен быть лишен этих земель. Если кто-нибудь из тех, кто первоначально не имел ничего, ухитрится завладеть неравной частью соб-

ственности, принадлежавшей одному из первых четырех владельцев земли или их преемникам, то его право ничуть не весомее прав первых монополистов. Конечно, он может уверять, будто добыл собственность неустанными трудами, а стало быть, обрел на нее полное право. Все же мы с полным основанием можем сказать: богатство, которое он получил благодаря чистой случайности и которое побуждало его трудиться не покладая рук, принадлежало не тому, у кого он его приобрел, а другим. Посему было бы столь же несправедливо наделять такое лицо правом на владение, как и вознаграждать труды человека имуществом краденым или захваченным пиратами, даже если именно оно служило стимулом его трудолюбия. Однако ведь не только первоначальное распределение собственности было несправедливым, но и ее передача потомкам. А сие удваивает силу доводов, опровергающих все современные права на собственность *.

* В доказательство того, что первоначальное распределение земель штата Нью-Йорк было в принципе столь же чудовищно несправедливым и несправедливым, как и то, которое я изобразил на диаграмме, предлагаю вниманию читателя отрывок из «Воспоминаний американской леди» миссис Грант⁹⁰, с. 66 (одно из многих описаний сходного характера, которые я мог бы предложить читателю):

«После необходимой меры предосторожности — сооружения небольшого, обнесенного частоколом форта, в центре планировавшегося города (Олбани) была построена церковь, которая одновременно служила межевым знаком. Дженгльмен по имени Респеллер почитался своего рода верховным правителем города. Этим преимуществом, которое рас-

Обладателю колоссального состояния не стоит вспоминать о том, что надежда на богатое вознаграждение побуждала его работать больше, чем требовалось для удовлетворения его нужд, и ему должны оставить всю собственность, даже если она превышает равную долю. Множество бедняков работало *не меньше*, по их труды не вознаградили даже должной мерой. Если следовать вышеизложенному принципу, то и они должны получить больше.

Если эти положения верны, то богатым, которые никогда не трудились, надлежит дать меньшую долю. Нет, надо отобрать у них все без остатка! Но правильно ли это? Честно ли винить во всех прошлых бедах горстку людей? Ведь большинство общества, *осознав* свои права и найдя способ, коим можно их добиться, в любой момент могло настоять на своем, и никто

прострапается не только на город, но и на округу, по-прежнему пользуется его преемник. Первоначальный владелец собственности получил от Высоких и могущественных штатов Голландии в пожалование земли, которые *простирались от церкви в каждом направлении на 12 миль*, что образовывало поместье протяженностью в 24 голландских мили и столько же в ширину. Оно включало в себя *не только самые плодородные земли провинции, но и наиболее выгодно расположенные как с точки зрения земледелия, так и торговли*. Площадь равная более чем 300 тыс. акров, т. е. около одной сотой части штата! Если в принципах моей работы есть хоть крупица истины, то и человек, получивший их во владение, и нынешний ее хозяин (даже если его происхождение от подобного предка дает основания притязать на что-либо) имеют на них столь же справедливые права, как на левую руку другого человека!

не смог бы перечить его воле. Но все погрязли в заблуждениях. Одни считали, что у них больше прав, чем есть на самом деле, другие — что меньше. Содеянное зло непоправимо. Будь это в наших силах, мы пошли бы к могилам богатейших былых веков, пробудили их и покоящихся с ними рядом бедняков и сказали бы богатым: «Наслаждения, коими вы пользовались при жизни, оплачивались трудом ваших братьев, которые с детства и до старости работали на вас. Теперь настал Ваш черед трудиться, а они пусть наслаждаются праздностью. Тогда между вами будет восстановлена справедливость». Увы, сие немыслимо, как невозможно устранить бедствия господствующей системы, обрекающей на нестерпимые страдания нынешнее поколение иным способом, кроме полного, равного и всеобщего раздела собственности. Избрать другой путь — значит возводить новую систему, соединив ее с принципом неравенства, который при старой системе был единственным и могущественнейшим источником нищеты и лишений, причиняющих страдания роду людскому.

Пусть никто не смеет говорить, будто богатые и бедные всегда *понимали* свои права, а бедные, вступая в общественное состояние, сами *отказались* от своих прав. Общество испокон веку основывалось на иных принципах. После того, как *впервые* было создано правление, все люди, рождавшиеся на свет, вступили в общество, не давая на то своего согласия. Хорошо, на мгновение допустим, будто вначале люди отреклись от своих прав. Но к остальным поколениям их отказ не имеет никакого отпо-

шения. Следовательно, современное поколение имеет право востребовать то, что является его собственностью, от которой никто, кроме него самого, не имел полномочий отказываться. Приведите мне хотя бы одно правительство в пример, которое предлагало бы своим гражданам или подданным собственность, а те, имея на нее права, *отказывались бы брать ее*. Тогда мой вопрос отпадет. Но невозможно привести такой пример! Ничего подобного в истории не случилось, а все утверждения такого рода делались умышленно, дабы успокоить бедняков и заставить их примириться со своим жалким положением.

Нет в жизни заятий или промыслов, где потребность в естественном праве на собственность или его искусственном эквиваленте была бы большей, нежели в остальных. Обратное утверждение — ложь. Конечно, *на первый взгляд* граверу, гвоздильщику, врачу и многим другим не нужна большая собственность. Однако разве они могут обойтись без домов? Разве у них меньше потребностей, которые искусственный эквивалент позволил бы удовлетворить, даже если они и *не испытывают* острой нужды в сырье и материалах, чтобы получать вознаграждение за свой труд и умение? Кроме того, лишая равноправия, вы ставите их в зависимость от других людей, которые, владея большим имуществом, нежели дозволяет право, сумеют ввергнуть их в рабство. Мои слова относятся к заятиям и ремеслам, не требующим большого капитала. В тех случаях, когда возникнет потребность в значительных средствах,

будут создаваться соответствующие ассоциации. Следовательно, независимо от промысла все люди имеют право получить причитающуюся им собственность без всяких ограничений и оговорок.

Будут предлагать немало исключений, дабы добиться *частичного введения новой системы*. Вероятно, предложат исключить из всеобщего публичного торга церкви и церковную собственность. Однако необходимо помнить — огромная собственность, принадлежащая этим институтам, была получена благодаря той самой беззаконной системе, которая испокон веку лишала человека его прав. Не будь ее, горстка индивидов не могла бы воздвигать помпезные храмы стоимостью в двести, триста тысяч долларов, а затем придавать им обширные земельные владения. В соответствии с правилом, позволяющим изъять у человека вещь, ему не принадлежащую, следует обязать церкви отдать чужое имущество его хозяевам. Пусть же серп равенства пройдет по республике⁹¹ и, когда он спесет все искусственные, глупые и пагубные различия, все люди предстанут равными перед Создателем и друг перед другом! Если человек решит, что долг перед Творцом, который, как он верует, создал его, требует покупки великолепного храма, где он с единоверцами мог бы выказывать свою набожность, он вправе истратить на его возведение свой падел, т. е. свою равную долю собственности. Но допускать, чтобы храмы строились *за чужой счет*, несовместимо ни с принципами справедливости, ни тем более благочестия. А посему народ, знающий

свой права, полный решимости добиться их во что бы то ни стало, ни в коем случае не должен мириться с существованием церковной собственности. Не тревожьтесь люди воистину благочестивые. Помните: подлинная вера сокрыта в сердце человека — она проявляется в *искренности* почитания божества, а не в кичливой роскоши зданий, выстроенных людьми. Если веру нельзя найти в *душе* и *поступках* человека, то ее вообще не существует. Все прочее есть не что иное, как принаряженное лицемерие, недостойное уважения общества, противное божеству и совершенно *определенно* не дающее право на какую-либо дополнительную собственность, помимо той, которая принадлежит человеку и равна собственности других людей.

Может показаться, что я излишне суров в оценке степени нравственной развращенности, которая воцарилась бы вопреки желанию большинства общества, если бы ей дали хотя бы малейшую возможность проявить себя. Но представьте себе следующую картину. Допустим, вся движимая и недвижимая собственность штата принадлежит одному человеку и ему подвластны два миллиона арендаторов. Если мы позволим ему продать свою собственность за границу, два миллиона человек наверняка останутся без средств к существованию. Если бы сходным образом поступили двенадцать, пятьдесят или пятьсот крупных собственников, все чаяния общества оказались бы растоптаны. Возможно, сей пагубный принцип проявился бы не столь зримо, если зажиточных собствен-

ников было бы намного больше. Однако важно не число злодеев, а размеры зла, которое способны причинить *даже несколько из них*. Один негодный преступник-богач смог бы при известных условиях вывезти из штата больше собственности, чем причиталось бы тысячи или десяти тысячам человек, которые, несомненно, гораздо достойнее и лучше того, кто запятнал себя злодеянием. Я легко могу доказать, что к такого рода махинациям (не говоря о прочих способах) стали бы прибегать, если бы штат согласился выплатить все долги наших граждан иностранцам и взыскать долги, причиняющиеся нам. Объявилось бы множество ложных расписок в получении мнимых долгов всех видов, какие только предусмотрены законом, и должностные лица штата — исполнители (*к тому же, вероятно, подкупленные*) — не смогли бы их оспорить. Ложные долги могли бы достичь миллионов долларов, и никто не заподозрил бы обмана, особенно если учесть, что наш штат поддерживает широкие торговые связи с другими штатами и нациями. Долги будут взвалены на наш народ, и он окажется в безвыходном положении. Но отмените все долги, откажитесь от всей собственности за рубежом (за исключением находящихся в плавании кораблей и их грузов); затем секвеструйте все имущество в нашем штате (кроме собственности, принадлежащей иностранным представителям и проезжим лицам), назначьте суровое наказание за сокрытие, утаивание и вывоз имущества, за прочие преступления, посредством которых человек пытается заполучить больше

собственности, нежели ему надлежит иметь; карайте их точно так, как карается ныне крупное воровство и подобные ему преступления, и тогда, только тогда, удастся провести справедливое и равное разделение собственности. И хотя, наверное, кое-что все-таки утаят (деньги и т. п.), все же раздел будет настолько равным, что принесет вполне ощутимое благо. Все имущество останется на своих местах. Всякий мужчина, женщина и ребенок постарается пресечь все попытки мошенничества, будет выводить на свет, разоблачать все попытки утаить собственность и отдавать злоумышленников в руки правосудия. В каждом торговом доме, на каждой фабрике, все клерки, ученики, агенты наравне с их работодателем, все рабочие, все труженики, прекрасно знающие имущество, с которым они каждодневно имеют дело, по до сих пор не считавшиеся хозяевами хотя бы его части,— они и множество других людей станут соглядатаями, следящими за богачами и друг за другом. Даже люди зажиточные станут присматривать за особами своего круга, дабы удостовериться, что каждая вещь будет выставлена на торги, продана и деньги честно разделены. Надеюсь, бедняки увидят, что я не только разъяснил им их права, но и показал, как обрести их вопреки любому сопротивлению. Если же они и теперь ничего не добьются — вина ляжет на них самих. Подобное обвинение будет висеть над ними не дольше, нежели потребуются времени, чтобы они все-таки поняли свои права и договорились между собой о необходимости единства действий.

Может сложиться впечатление, будто я считаю, что наклонности и нравы людей крайне неблагоприятно повлияют на тот порядок вещей, установление коего мне хотелось бы увидеть. Скажу несколько слов в опровержение подобного мнения. Никто не заблуждается более того человека, который считает подавляющее большинство людей бесчестными. Если они не честны, то почему цела собственность богатых? Если один богач грабит другого, кто защищает пострадавшего? Кто карает преступника? Если преступление совершает бедняк, кто по справедливости, предписанной законом, оценит его проступок? Если богатые распоряжаются «своей» собственностью, то этим они обязаны честности бедняков и ничему иному! Если бы бедняки не были честны, пожалуй даже слишком честны, ибо позволяют другим владеть своей собственностью, то какая сила смогла бы помешать им поступать несправедливо? Закон? Сей клочок пергамента, слегка разрисованный чернилами, мало чем отличающийся от бумаги, на которой я сейчас пишу? Или, быть может, доблесть и бесстрашие богачей? Так ли уж они многочисленны, чтобы господствовать над волей и желаниями огромного числа людей?

Нет, я строил свою систему, веруя в нравственные устои человека. Если, устанавливая систему, придется вначале прибегнуть к суровости и наказаниям, то лишь для того, чтобы разжать руки алчности, заставить ее отдать несправедливо нажитое богатство. Но дурные свойства, требующие применения решительных мер, есть зло, обязанное своим происхождением

исключительно современному порядку вещей. Пусть только воцарится повый порядок вещей, пусть здравый смысл убедит людей в том, что им не принадлежит никакой собственности, что они пользуются ею, только пока живы, а после их смерти она принадлежит другим, причем не последний владелец определяет следующего хозяина,— и тогда общественное мнение поддержит новую систему так же, как сейчас оно поддерживает современную. Оно уже не станет оспаривать ее принципы и устои, как не оспаривает нынешние. Если, к примеру, каждому станет ясно, что отец, отдающий при жизни собственность другому человеку, скажем дочери или сыну, совершает злодеяние, грабеж, преступление, столь же тяжкое, как нынешние фальшивомонетчики или разбойники с большой дороги, то отважится ли отец на подобный дар? Поймут ли его сын и дочь? Кто пожелает, уходя из этого мира, стоя одной ногой в могиле, оставить по себе дурную память? Осмелятся ли его дети разделить бесчестие отца и жить в позоре? Напротив, они постараются избежать малейшего *подозрения* в соучастии. Кроме того, что выгадывает получатель дара? Чтобы передать собственность своим детям, ему придется идти на новое преступление, превращая своих потомков в соучастников. Не надо говорить, будто подобные деяния можно совершить тысячу разных способов и не выдать себя. Ведь и сейчас, ежедневно и ежечасно открываются тысячи возможностей совершить преступление против наших действующих законов, однако они не совершаются. Воистину хороша та си-

стема, которая основапа на вере в честность людей, и ложна та, которая утверждает обратное. Именно нравственная добродетель удерживает ныне людей от преступлений. При новой системе, в условиях гораздо более благоприятных, она будет удерживать от дарения собственности, поскольку в нем увидят грабеж потомков.

При новом порядке вещей отец и сын станут полностью равноправны. Никто из них не будет вестать пужды. А всякий знает, что между равными дары не приняты, даже если речь идет о родителях и детях. Для них нет поводов. Если все же пытаются всучить дар, то он вызывает негодование. Подобные намерения воспринимаются как оскорбление, как вздорные проявления ничемной доброты. Тот, кому их предлагают, неизбежно чувствует себя в положении лакея или прислужника. В таком случае дар не только унижен, но и *преступен*, ибо ведет к *потере доброго имени*. Итак, если я и считаю необходимым предусмотреть наказание за преступление маловероятное, то лишь потому, что при первоначальном введении системы оно позволит искоренить пороки, порожденные безнравственным порядком вещей, который моя система призвана устраничь и вытеснить.

Вот и все, что я хотел сказать о дарах. Вряд ли нужно говорить, что продажа собственности или оказание услуги за плату, меньшую ее действительной стоимости, тоже является даром. Если будет доказано, что он был сделан с намерением обойти закон, то на его участников падут бесчестие и кара, полагающиеся ныне за

злodeяние. Выигрыш в лотерее или иной игре тоже будет считаться злodeянием, ибо он есть не что иное, как дар проигравшего победителю. Нравственные чувства, коих исполнится общество, положат конец подобным проступкам. В этом нельзя усомниться, разве что измыслив, будто при новом порядке вещей граждане станут равнодушны к своим детям, которые по вине подобных деяний могут лишиться положенного им надела. Даже несовершеннолетние дети непременно разоблачат все преступления подобного рода, о которых они дознаются. Таким образом, порочные паклонности будут обузданы силой, если, конечно, с ними не сможет совладать само чувство нравственной добродетели.

Надеюсь, что, изложив свое мнение о частных страховых компаниях, я не впаду в противоречие с замыслом моей работы. Страхование в известной степени сродни игре. Поэтому крайне важно решить, следует ли полностью исключить его из плана переустройства общества? Возможно, в необходимых случаях правительство возьмет на себя страхование. По-моему, это наилучшее решение. Тому есть множество настолько очевидных причин, что нет смысла о них говорить.

Как помнит читатель, каждому гражданину будет предоставлен кредит, который позволит выкупить его часть или долю собственности штата. Покупать за деньги будет невозможно, поскольку продажа одповременно всей собственности целого штата потребовала бы такого количества денег, какого не нашлось бы, вероятно, в целом свете. Я не могу точно сказать,

сколько золота и серебра имеется в штате (а только эти металлы являются деньгами и могут приниматься в качестве таковых).

Что касается Соединенных Штатов, то, насколько я знаю, с момента учреждения монетного двора, т. е. с 1793 г., и до конца 1828 г. было отчеканено немногим менее 30 с половиной миллионов долларов монетами разного достоинства. Если мы предположим, что до 1793 г. в обращении находилось 5 с половиной миллионов долларов и мы сохранили количество денег в неприкосновенности, не убавляя и не прибавляя ничего, то, стало быть, в стране в настоящее время имеется 36 миллионов долларов. Если в стране проживает около 12 миллионов человек, то на каждого мужчину, женщину и ребенка приходится всего *три доллара*! Если мои предположения верны, то насколько смехотворны все речи о важности банкнот, кои мы не раз выслушивали, особенно рассуждения об их пользе для *хранения денег*. Когда каждый человек получит равное право на собственность, каким вздором покажутся ему разговоры о пользе услуг банкнот, даже если семья из пяти человек будет иметь не 15 или 20, а 500 долларов. Оказывая подобные услуги, банки имели некоторое влияние только потому, что деньгами владел лишь один человек из миллиона и он нуждался в хранилище для своего несправедливо нажитого богатства. Как только народ обретет свои права на собственность, люди станут *надежно хранить* свое золото, серебро и прочее имущество, не прибегая к помощи банков. Если же кто-нибудь обеспокоится за *сохранность*

своего имущества, он может поступить так, как делают сейчас люди, имеющие, скажем, запасы табака или хлопка, которые они не хотят стеречь сами. За плату они сдают их другим людям на хранение и не возлагают на общество свои издержки в виде хартий или привилегий.

Но поскольку с позволения законов наряду с нашими монетами у нас имеют хождение монеты других стран (практика, по-моему, редкая в других государствах, особенно в тех, которые занимают видное место среди наций), то, вероятно, цифры, которые я приводил, несколько завышены. Накапуне французской революции, когда население Франции равнялось 24 миллионам человек, г-н Неккер⁹² установил, что в стране в постоянном обращении находилось более 400 миллионов долларов золотом и серебром*. Т. е. на каждого француза (включая детей и женщин) приходилось около 17 долларов. В Англии в те же годы сумма, приходящаяся на каждого человека, не превышала 5 долларов. Эта разница отчасти объясняется тем, что во Франции не было бумажных денег, а в Англии они выпускались и выпускаются в огромных количествах. Следовательно, если считать количество золота и серебра, принадлежащего *pro rata*⁹³ каждому американцу (в том числе женщинам и детям), равным его количеству во Франции, оно тем не менее намного уступало бы стоимости всей собственности штата. Поэтому создание кредитного фонда — един-

* См.: Управление финансами Франции. Т. 3 г-на Неккера.

ственный способ, коим можно одновременно передать собственность новым владельцам по ценам, которые определяются в ходе удачных, но пспешных торгов.

Никто, в том числе и я, не может сказать ничего достоверного о стоимости всей собственности штата. Сколько собственности освобождалось от обложения палогамн, дабы насытить жадность некоторых сословий нашего народа? * Сколько движимого имущества, подлежащего обложению палогамн, утаивается от податных инспекторов? Сколько имущества облагается палогом в соответствии только с его номинальной стоимостью? Сколько собственности принадлежит штату? Скажем, соляные источники и общественные земли, т. е. около миллиона акров.

Могут открыться самые неожиданные вещи, когда вся собственность будет выставлена на продажу (если, конечно, это все-таки произойдет). Я не удивлюсь, если торги принесут сумму в пять раз большую той, которую указывала

* Свидетельство тому — освобождение от палогов всей церковной собственности и имущества священников, не превышающего 1500 долларов. Разве трудно узреть в этой постылой привилегии «апостолов» и приверженцев «святой религии», как они величают себя, одной рукой творящих знамения, выражающие поклонение Создателю, а другой — очищающих карманы своих ближних от денег, стремление освободиться от налогов, полностью переложить их бремя на все остальное общество, хотя бремя налогов они обязаны нести наравне с остальными.

любая оценка, проводившаяся в современных условиях. Ибо, необходимо отметить, все будет продано по цене равной или чуть меньшей стоимости труда, пошедшего на изготовление той или иной вещи. Этот принцип будет относиться и к движимой и к недвижимой собственности, поскольку он опирается на количество труда, вложенного в собственность и сделавшего ее тем, чем она является ныне.

Если полагаться на мои догадки, то собственность штата можно оценить приблизительно в 2—2,5 млрд долларов. Вполне вероятно, что в 1830 г. население штата будет равняться двум миллионам человек. Разделим эту сумму поровну на всех — мужчин, женщин, детей, — и тогда на каждого придется 1000 или 1500 долларов. Но, поскольку несовершеннолетние еще не получают собственности, сумма удвоится. Возраст в шестнадцать с половиной лет — своего рода разделительная черта. Я имею в виду, что численность людей моложе указанного возраста равна числу людей старше его, и наоборот. Если мы условимся признать сей возраст совершеннолетием, то доля каждого полноправного гражданина, судя по моим оценкам, составит 2000—2500 долларов. Следовательно, супружеская пара будет располагать 4—5 тыс. долларов. А если возрастом совершеннолетия будет считаться 18, а не 16 лет (а именно так я и предполагаю), то сумма будет еще больше. Я не стремлюсь снять с себя обвинения в некотором преувеличении, которые могут быть выдвинуты против меня. Не ручаюсь за точность моих подсчетов. Но, я уверен, всякий, кто попытается

поставить под сомнение их правильность, тоже не сумеет привести точной цифры. Для меня было важно показать, насколько вероятно то, что некая большая сумма денег достанется каждому индивиду после проведения раздела и распродажи собственности согласно моему плану. Помимо всего прочего, торги и раздел позволят выяснить, насколько я был прав или ошибался в своих подсчетах. Это единственный способ установить истину. Кроме того, стоит ли думать, будто ценность надела выражается лишь той суммой, которой сможет распоряжаться каждый? Трудно сравнить его ценность с другими вещами или имуществом. Ведь *система*, дающая каждому надел, уравнивает всех, она разрушает и богатство и нужду в привычном понимании этих слов; уничтожает и угнетателя и угнетенного, победителя и побежденного, превращает сосредоточение власти у одних и лишения, нищету и убожество других. Эта великая, благородная цель будет достигнута независимо от того, в какую сумму оценят собственность, причитающуюся каждому человеку, — в пятьсот долларов или в 50 тыс. Ибо названия не меняют природы фактов или явлений.

Итак, не задумываясь, можно сказать, что *три, пять или 17* долларов наличными (даже если бы все их получили) будут совершенно бесполезны. Посему нужно позаботиться о том, чтобы каждый принял участие в торгах, а поскольку его платежные возможности не превышают суммы кредита, следует воздержаться как от превышения суммы, так и от покупки имущества меньшей стоимости. Если же человек

приобрел недвижимую собственность, стоимость которой превышает кредит, штат может наложить на нее арест, пока владелец своим трудом не добьется возможности окончательно выкупить ее. Если это движимая собственность, то путем ее ареста или иными мерами можно обеспечить получение с покупателя его задолженности штату. Нет нужды утомлять читателя деталями, которые он сам в состоянии домыслить.

Каждый участник торгов будет, конечно, покупать то, что больше всего понадобится ему в жизни. Никто не станет покупать большое количество *некой* движимой собственности, а затем незамедлительно продавать ее, дабы прокутить деньги. *Все* будет идти в дело, в том числе *равные* доли таких товаров, которые используются для немедленного и широкого потребления,— одежда, пиво и предметы роскоши. Ни у кого *не* будет возможности завладеть полностью *теми* товарами, которые легко сбыть и обратить в наличные. Но даже если бы подобное и случилось, то получить барыш было бы трудно, поскольку все или почти все смогли бы на свои средства приобрести все необходимое. Если кто-то купил больше, ему придется сразу взяться за труд, прежде чем у него вновь появятся средства оплаты. Тем временем человеку, который хотел бы сбыть упомянутые товары, придется работать или голодать, а следовательно, у него будет не так много возможностей предаваться кутежам. «Итак, мы опустошим наши лабазы и склады,— говорят мне,— но обойдетесь ли вы без торговцев?» Ни единого часа,

отвечаю я. «Но чем они наполнят свои склады, если у них будет мало денег?» Я отвечаю: честностью, добрым именем, умением, знанием дела — одним словом, отменной репутацией, как это бывает и ныне. При новой системе, как и при нынешней, невозможно обойтись без торговцев. Земледелец не может продать урожай иначе как оптом. Ремесленник и промышленник будут по-прежнему заинтересованы в том, чтобы нанять продавца (возможно, как комиссионера), а не заниматься самим торговлей. Если кто-то считает, будто при новом порядке вещей торговец — владелец всего, что находится в его ведении, он ошибается, но не больше, чем ошибся бы, высказав подобное суждение о дне сегодняшнем. Мир изменится лишь в одном — владельцы собственности будут иными по числу и достатку. И это все, если не считать огромных различий в общем и личном процветании, которые вскоре станут зримыми.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если меня спросят, с чем я сравнил бы неравное распределение собственности, которое извечно царит в мире, отвечу: с некой компанией джентльменов, имеющих равное право вкушать за одним общим столом. Некоторые из них пришли раньше и съели все, что пришлось им по вкусу, а остальное прибрали к своим рукам. Тот, кто припоздился, был вынужден ради утоления голода соглашаться на условия, которые поставили ему господа, присвоившие все яства.

Таково подлинное положение рода человеческого. Пришедшие раньше пас первыми уселись за стол и пиршествовали всласть, никем не тревожимые. Но им было этого мало. Они распорядились угощением таким образом, что девять десятых жителей земного шара не могут прокормиться иначе как на условиях, диктуемых монополистами пищи или теми, кого они якобы пазначили своими преемниками. Складывается впечатление, будто после сытной трапезы первых едоков началась повальная схватка за объедки. Кому посчастливится набить карманы и кульки едою, тот сможет хоть что-то дать своим детям. Несчастные, которым ничего не перепало, или те, у кого насилие, мошенни-

чество или бедствие вырвали добытый ими кусок, ничего не оставят детям.

Вот подлинное изображение современного порядка вещей. Вы, падменные богачи, спесивые властители земли, всмотритесь в него и ответьте: разве оно не верно? Если же оно правдиво, то неужели вы, зная об ином, более благородном способе получения прав на собственность, откажетесь прибегнуть к нему? Я вопрошаю вас не потому, что мы пуждаемся в вашем согласии. Постигнув свои права, общество сможет осуществить все ему необходимое, не испрашивая вашего дозволения. Я обращаюсь к вам лишь потому, что в ваших интересах дать добровольное согласие, а не дожидаться, пока вас принудят к нему. В распоряжении трехсот тысяч свободных людей нашего штата есть право голоса, которое ни вы, ни подвластные вам силы не способны отнять. Из них более двухсот пятидесяти тысяч не имеют никакой собственности, хотя их право на нее столь же истинно, как право каждого человека. Вы и ваши пособники из минувших поколений, а также невежество обрекли их на подневольное существование.

Предки нынешних жителей штата завладели землями путем обмана, коварства, купли, насилия. Им потворствовало невежество и отсутствие сопротивления. Все это доподлинно так. В 1609 г., когда Гудзон⁹⁴ во время первого путешествия, которое привело к открытию реки, посвящей ныне его имя, дошел до местности, где теперь находится Олбани, «значительное число индейцев собрались на мысу острова

(Манхэттен, на котором стоит теперь наш город) и, когда он приблизился, осыпали его градом стрел. Несколько выстрелов из пушки и мушкетов сразили часть дикарей, обратив остальных в бегство». Итак, даже одно происшествие, рассматриваемое отдельно от остальных событий истории, к которым мне нет надобности обращаться, свидетельствует, что нападение индейцев было спровоцировано неким вторжением.

Нет смысла приводить новые доказательства незаконности прав на собственность, полученных завоеванием, захватом или иным несправедливым способом. На страницах моей книги читатель уже мог найти исчерпывающие подтверждения того, что *право* на собственность принадлежит в равной степени всем. И не потому, что одни жили раньше, а другие позже; не потому, что у одних были именно эти предки, а не другие; не потому, что кому-то удалось купить, захватить или завоевать собственность, но ПОТОМУ, ЧТО СИИ ПРАВА ЕСТЬ, ОНИ СУЩЕСТВУЮТ. Я СУЩЕСТВУЮ, ЗНАЧИТ, СОБСТВЕННОСТЬ МОЯ. В равной мере она — собственность любого другого человека. Чтобы владеть ею, я не пуждаюсь в чем-либо разрешении; я не должен платить за нее никому; существуют ли другие люди или нет — она моя в пределах равных прав, коими я обладаю. Таково веление природы, таковы веления ее законов, таковы принципы, кои оправдывают любой народ, свергающий правительство, которое отказывает хотя бы *единому* человеку в его неотчуждаемом природном праве или соответству-

ющем эквиваленте. Народ, *девять десятых* которого лишены прав, коими Создатель наделил их, давая им жизнь, не только смеет, но и непременно обязан испровергнуть свое правительство.

Прежде чем мы приблизимся к завершению этой работы, следовало бы задать себе еще один вопрос: почему в мире воцарилось такое неравенство имуществ (к тому же, сдается мне, собственность вообще никогда не была равной)? Сотни людей тотчас же воскликнут: «Завоевания повинны в нем». В их словах есть намек на то, что содеянное завоеванием немислимо исправить.

Несомненно, у завоевателей, как и у всех людей, есть права. Но этими правами они наделены *как люди*, а не как завоеватели. Конечно, порой они мечом завоевывали то, что принадлежало им по праву. В таком случае не меч даровал им права, он всего лишь позволил обрести их. Права существовали задолго до того, как был выкован меч и человек опоясался им. Право появилось с рождением человека и умерло вместе с ним. Но *обретение* прав, *владение* ими *нередко*, пожалуй, даже всегда отчуждалось от человека.

Но как происходили завоевания? Почему люди панимались к тем, кого мы именуем вождями? Желали пасть, пронзенные стрелами или копьями? Быть изрубленными мечами за пекую плату? Что побуждает человека соглашаться быть мишенью за шесть пепсов в день? Не обязательно искать в отдаленных временах ответа на эти вопросы. Спросите наших солдат или

матросов, и они вам все объяснят. Они вам скажут, что, если бы общество обеспечило им такой имущественный *достаток* (точнее, средства к достижению его), каким при определенных условиях мог бы владеть каждый человек, они не согласились бы стать теми, кем были вынуждены стать. И это относится ко всем нациям. Как только между нациями установится равенство собственности, войны немедленно прекратятся сами собой навсегда. Но, если сохранится сие противосестественное неравенство, войны будут продолжаться, даже если на земном шаре останется всего две нации. Впрочем, они не прекратятся даже тогда, когда уцелеет одна-единственная нация, ибо те же самые причины, которые ныне порождают войны между народами, породят гражданскую войну.

Итак, завоевания, как мы видели, есть плод неравного владения собственностью; не будь его, не было бы их. Следовательно, повсеместно уничтожив неравенство, мы избавимся от завоевателей и воителей. Но опять-таки возникает вопрос: как появляется неравенство? Где его начала? Каждый из нас прекрасно понимает, чем поддерживается неравенство и почему, однажды возникнув, оно постоянно возрастает. Даже вошло в пословицу: «Деньги к деньгам идут», хотя, по совести, следовало бы говорить: «Деньги создаются человеком». Присказка о деньгах, порождающих деньги, столь же пелепа, как утверждение, будто одна плантация рождает другую. Могут сложиться определенные отношения между владельцами двух плантаций, благодаря которым один из них станет хозяи-

ном обеих плантаций. Но говорить, будто одна плантация должна забираць себе все доходы или прибыль второй? Сущий вздор! Тем не менее при современном устройстве мира «деньги создаются деньгами». И это настолько верно, что маленький шарик золота, не больше булавочной головки, скажем $1/16$ дюйма в диаметре, отданный в долг под 5% годовых, через 1300 лет приобрел бы размеры золотого шара, большего, чем наша планета! Проценты подобны магниту, который, притягивая к себе новые предметы, набирает с каждым днем все большую мощь, причем сам не прилагает к этому никаких усилий. Но вернемся к нашему вопросу: как возникло неравенство?

Чтобы ответить на него, нам предстоит отправиться в страны, которые изначально заселялись без помощи завоевания, и присмотреться к первым векам жизни обитающего там народа. Что мы обнаружим? История нам ничего не поведаст, ибо в те времена люди не умели писать, а если и умели, у них не было поводов записывать собственную историю. Поэтому нам остается лишь понаблюдать за природой и методом аналогий восполнить неизвестное тем немногим, что нам известно.

Мы можем догадываться об изобилии земель в тот век, о малочисленности населения страны. Мы можем догадываться о его невежестве и беспомощности. Пропитанием людям служили плоды и корни растений, а одеждой — шкуры убитых ими зверей. У них не было жилищ, кров им давали пещеры, дупла деревьев или расщелины скал. Со временем они обнаружили,

что животные, которых они с великим трудом и опасностями добывали на охоте, могут быть приручены и одомашнены. Тогда они стали выращивать домашних животных. Это изменение перевело их из состояния охотничьего к скотоводству. Поначалу они пигде не селились, а кочевали в поисках пропитания. Поскольку земля была обширна и малолюдна, их интересы не сталкивались, ибо каждому хватало места, а потому никто не задумывался о правах. Права никогда не становятся предметом спора, если каждый имеет больше, чем способен потребить, и не ведает, что делать с излишком. Лишь когда появляется угнетение и становится тяжело переносить лишения, только тогда обращаются к расследованию прав.

Но на ранней стадии своего существования люди не вопрошали одного пастуха о его праве на данные угодья, а второго — о праве на его кочевья. В этом у них не было необходимости. Они не пытались *разобраться*, почему у одного пастуха стадо больше, нежели у второго; почему после его смерти стадо достается именно этим, а не другим людям? Всем хватало средств удовлетворить свои пехитрые потребности, а потому они не нуждались в исследовании прав на собственность. Если бы в тот начальный период все-таки возник спор о правах, то, несомненно, возобладали бы принцип равенства, который соблюдался бы по возможности неукоснительно. Никому бы не позволялось захватывать более добротное пристанище, владеть более многочисленным стадом; даже преимущественное право спать в дупле дерева оспаривалось

бы с неменьшей яростью и враждебностью, пажели выказывают ныне армии, сражающиеся за захват или сохранение своих владений.

Со временем обнаружился еще один источник к существованию, помимо разведения скота, — *возделывание земли*. Однако оно требовало *постоянного* обиталища. Пришлось пастуху осесть на понравившемся ему месте. Трудности это не составляло, так как пространства были обширными, население маленьким и места с избытком хватало для всех. О чем им было спорить? Они и не спорили, а следовательно, не выясняли, почему *сие* обиталище должно принадлежать именно *данному* человеку, а не иному. Если возникала потребность в подобном выяснении, дело, разумеется, улаживалось по взаимному соглашению. Соглашение отводило одному человеку эти земли, другому — те, по пикто не мог самовольно заявить: *зтп-де* угожья моя, не прикасайтесь к ним. Если бы он настаивал на этом, могло бы вспыхнуть сражение и воцарилось бы право сильнейшего, но люди еще не ведали, является ли подобное право справедливым. В тот период естественного развития вещей опыт еще не паучил их и потому они не сознавали, что упорство, с коим человек держался за свои владения, — упорство, *не вызывавшее у них пока нареканий*, в будущем преобразится в главный принцип так называемого права держателя, т. е. права, оспованного на овладении собственностью.

В те века население увеличивалось медленно. Смертность была велика. Родители, как правило, не отпускали детей от себя. Когда родители

умирали, то никто не пытался разобраться, кому должны достаться отцовские стада. Особых богатств ни у кого не было, земли хватало на всех, каждый имел возможность завести себе скот, возделывать свои поля, пусть даже небольшие. Потому отцовское имущество, не раздумывая, оставляли детям. Но, допустим, умерли в одночасье два соседа-пастуха. У одного осталось пятеро детей, у другого — один. Стали бы люди выяснять, почему единственному ребенку получает все стада своего отца, а каждый из пятерых лишь часть скота, оставленного их родителем? У подобных наций, насколько я знаю, всегда сильны обычаи гостеприимства. Если бы многодетные семьи испытывали большую нужду, то, согласно законам гостеприимства, они получили бы часть скота, принадлежащего единственному сыну. Кроме того, они смогли бы найти новое пристанище, вырастить новые стада, возделывать новые поля, не помышляя о своих естественных правах, ибо свободные земли были по-прежнему обширны.

Я сказал: они возделали бы поля, — но та обработка земли, которую они применяли, едва ли может именоваться возделыванием. Обработка была крайне примитивной. В большинстве своем поля не имели даже оград. У обиталищ *не было границ, или пределов*. Границы не устанавливали, ибо земли хватало с избытком на всех. Быть может, ограды порою все-таки возводили, но только такие, которые не позволяли бы стаду разбредиться во время сна хозяина,

Понемногу начинали развиваться ремесла. У одних обнаруживалось большее мастерство или дар к этим занятиям. Умелец пользовался своими способностями и навыками к собственной выгоде, ибо они позволяли ему удовлетворить свои потребности. Ему не нужно было столь же усердно заниматься земледелием или прибегать к обычным источникам пропитания, как это делали остальные. Со временем он вовсе охладел бы к земледелию. Его дети или помощники подражали бы его образу жизни и достигли бы немалого совершенства в том же промысле. А если нет, то они по-прежнему могли бы получить столько земли, сколько им было нужно.

Итак, численность общества растет. Все больше становится ремесел, все больше людей занимается ими, все совершеннее становится их мастерство. Но земли, как и прежде, с избытком хватает на всех. И тут люди обнаруживают, что им выгоднее разделить между собой занятия (на деле они уже почти разделили их, хотя и неосознанно). По-прежнему действует и все больше утверждается принцип, согласно которому имущество покойного переходит к тому, кто находится подле него в последние годы его жизни. Сей принцип пока еще не причиняет ощутимого вреда, ибо общее благо вряд ли пострадает, если дети покойного откажутся от его владений и возьмут себе другие. Ведь земли все еще больше, чем требуется людям.

Дети тех, кто занимался ремесленным трудом, наследуют имущество своих отцов. Во-первых, сам принцип передачи имущества кажется

им крайне простым, а кроме того, детям ремесленника лучше ведомо назначение полученного имущества и они смогут лучше других воспользоваться им для удовлетворения своих нужд.

Со временем, однако, незапной земли становится меньше. Тогда и начинают изредка расследовать права, точнее, не сами права, а *их пределы*. Давно установившийся обычай закрепил за людьми те владения, которыми они располагают. Им и в голову не приходит вспомнить о временах, предшествовавших их поселению на этих землях. Их занимают только нынешние *пределы*, или *границы* владений. И они устанавливают их с помощью того, что именуется в наши дни общественной властью. Они упустили из виду тот изначальный вопрос, который им надлежало бы расследовать. Вместо того чтобы внимательно проследить весь долгий, утомительный процесс, тянувшийся, возможно, тысячелетия, они обратились непосредственно к современному владению землями. Им следовало бы выяснить, почему именно эти угодья, а не другие принадлежат данному индивиду, почему соседние земли заняты вторым человеком, а не кем-то третьим; почему владения должны перейти или не перейти к брату, сыну или какому-то другому лицу после смерти их признанного хозяина? Но *они не обсуждали этих вопросов*, ибо *границы*, или *пределы*, владений каждого человека были единственным предметом, требовавшим их вмешательства. Еще достаточно свободных земель, которые могут стать

собственностью любого. Потому они и не исследуют свои права.

В то самое время, когда определились границы владений, становится возможным передавать их из рук в руки наподобие движимой собственности. Вероятно, тогда же или чуть раньше были изобретены депьги.

И вот происходит великая перемена. Население продолжает увеличиваться, но теперь уже не пайти свободных земель. Быть может, они где-то и есть, но добраться до них мешает отсутствие средств или нежелание трогаться с места. Человек предпочитает заключить договор с тем, у кого есть земля и кто готов ее одолжить. Впервые землевладелец начинает ощущать свою власть. Ему правятся преимущества, которые она даст, и он жаждет увеличить ее. Так зарождается алчность. Она не могла появиться, пока не нашлось человека, чей труд можно присвоить, *ибо он ничем не владеет*. Лишение изначального, естественного права на собственность обрекает многих на нужду. Им приходится заключать договор, по условиям которого они отдают часть своего труда (вначале, конечно, небольшую). Людей становится все больше, а земли не прибавляется. Несчастные, обездоленные люди обнаруживают, что у них не осталось никаких средств к существованию, за исключением одного: вступить за некоего крупного собственника, враждующего с другим. Они соглашаются на это. Так появляются солдаты. Сие положение вещей продолжает развиваться, песья нищету и бедствия роду людскому, пока не достигает

той стадии, в которой мы ныне видим пострадавшее человечество.

Ни один из принципов прав собственности, которые, как мы видели, утверждались почти неосознанно, не был принят людьми в силу неких его достоинств. Всем вершил обычай. Привычки, обыкновение сотворили законы. Случилось это во времена, когда людям было безразлично, состоятельны ли принципы, вошедшие в обычай, или перазумпы; принесут они неизмеримый вред, когда род человеческий умножится, или нет; отвечают ли они непреложным правам живых и грядущих поколений; хороши ли они, плохи ли, или их нет вовсе. Все сказанное мною бесспорно. Ибо нельзя говорить об установлении каких-либо принципов, если прежде никто не задумывался о последствиях, к которым они приведут.

Итак, мы наглядно увидели зарождение современного порядка вещей. К тому же происхождение солдата, этого орудия завоеваний, объясняет истоки появления всех остальных зависящих и несчастных человеческих созданий. Подумайте, как ужасающе быстро распространились завоевания по свету, обращая в свою собственность весь земной шар.

Обратитесь к ранней истории нашей страны и вы убедитесь, как много огромных состояний обязаны своим происхождением этому источнику. Взгляните на Южную Америку. Вряд ли вы обнаружите в ней хоть намек на законность прав на владение. Ныне, когда пзбирательное право и печатный станок приблизили час вызволения прав человека, разве не

обязаны мы исправить зло, содеянное мечом? Разве не должны мы покончить с теми заблуждениями, которые дали мечу жизнь и власть? Неужели даже теперь, когда миллиарды людей сошли в могилу, так и не прикоснувшись к своим правам, человек не подыметя во всем величии своего могущества и не потребует вернуть ему то, что принадлежит ему столь же неотъемлемо, как жизнь и свобода?

Пусть не лгут, будто человек еще не готов пользоваться этими правами. Кто сделал его таким? Разве не то самое зло, о котором я говорю? Неужто следует готовить человека к обладанию правами, держа его под гнетом тех самых пороков, которые изуродовали его природу? Кроме того, почему человек может пользоваться современным, мнимым правом на собственность, но не тем подлинным, истинным правом, о коем мы ведем речь? Ведь никто не осмеливается утверждать, будто по действующему праву законный наследник не может вступить во владение имуществом, если кому-то вздумается объявить его непригодным для получения собственности? Даже если он и непригоден, он все-таки получит наследство через опекуна или доверенное лицо. Так стоит ли уверять, будто людям не следует обрести их истинные права? Пусть они поймут, в чем заключаются их права, а потом уж и спрашивайте *их*, стоит ли отказать им в этих правах под таким пустым предлогом.

Мне не хотелось бы походя отвергать сей пустой предлог. Предмет моей книги требует обстоятельности и вдумчивости. Мне не состав-

ляет труда показать на примере любого века, особенно нашего, что бедные и средние классы, чье положение улучшится после принятия рекомендуемой мною системы, и *сейчас* обладают более высокими нравственными устоями и умственными *познаниями*, нежели так называемые богачи. Если бы собственность стала равной, а соответственно уравнились бы условия для приложения как практических, так и теоретических знаний, то низшие слои нашего общества зажили бы счастливее и лучше, нежели их сограждане, некогда занимавшие более высокое положение. Надеюсь, это подтверждает правоту моих суждений. Ибо если знание не способствует более счастливой и хорошей жизни, то оно не заслуживает своего наименования. Любое подобное «знание» бесполезно, а может быть, и вредно для благополучия людей. Враг рода человеческого тот, кто, выдумывая различные предлоги, ссылаясь на недостаток знаний и. д., противится немедленному предоставлению права на собственность тому многочисленному классу, о котором я говорил. Что касается *нравственности* упомянутых двух классов, то каждый знает: чем беднее человек, тем он добродетельнее.

Какими жалкими глупцами будут выглядеть те политические знахари, которые посоветуют *отложить* паделение правами большого числа людей до тех пор, пока они, как говорится, не вкусят благих плодов просвещения! Если они искренни в своей вере и считают просвещение необходимым шагом, предваряющим паделение правами, ибо люди, по их мнению, недостаточ-

но образованы, то позвольте спросить: разве *мыслимо* восполнить пробелы в их образовании при современных порядках? В состоянии ли получить образование семья, где и взрослые и дети изо дня в день испытывают нужду в самом насущном; где введом лишь непосильный труд ради жалкого пропитания; где царствует беспощадная власть недобрых, животных страстей, порожденная тягостными условиями жизни? Допустим, дети все же добросовестно посещают общественные школы. Но только равенство слов, равенство родителей способно покончить с завистливыми взглядами детей бедняков на одежду их богатых одноклассников и всеми прочими пагубными чувствами, которые превращают наши общественные школы в учреждения по сути бесполезные. Политические прожектеры! Реформаторы, если вы предпочитаете так именоваться! Спасите до основания непомерные состояния, уравнийте всю собственность, накормите голодного, оденьте нагого, дайте каждому удобное жилище, позаботьтесь о том, чтобы все насущные потребности были удовлетворены, чтобы исчезла даже память о лишениях, и только тогда вы обретете прекрасную почву для образования! Тогда неутоленные потребности тела не будут мешать обучению. А пока пусть каждый знает: человек, пытающийся *удержать* народ от обладания правом на собственность ссылками на необходимость его *просвещения* (хотя, как я доказал, народ лучше обучен тому, что действительно полезно, нежели тот, кто пытается поучать его), — сей человек либо заблуждается, либо умышленно уво-

дит народ подальше от прав, дабы и впредь держать его в ярме. Народу следует все взвесить и решить, стоит ли дальше *терпеть* подобные лживые увещевания, коими его *отвлекают* от движения к естественным правам. А указанные доводы воистину ложны. Осуществление предложенных мною преобразований — дело столь же простое и ясное, как равный раздел имущества отца между двенадцатью детьми. Даже если не один из них не умеет читать, и в жизни не написал и буквы, и не смыслит ничего в так называемых науках, каждый из детей сможет разделить имущество так точно, как того требует равная и беспристрастная справедливость. Какой же глупец осмелился бы заявить, что прежде, чем передать детям наследство, необходимо дать им образование, посвятить в основы астрономии, химии, ботаники, анатомии, медицины, живописи, скульптуры, математики и т. д., т. е. привить знания, которые никоим образом не связаны с верным пониманием наших прав? И все же это звучало бы не глупее, нежели утверждение, будто народ нельзя считать подготовленным к получению *своей* собственности, если он не прошел курс обучения.

Истина в том, что люди становятся подготовленными к приятию прав, как только они постигают, в чем их суть. До сего времени они к ним просто не стремятся. Пока они не постигли своих прав, они изнемогают в нищете и лишениях, каждый день их полон скорби, по они приписывают свои беды некоему «невезению», некоему воображаемому предначертанию

судьбы, потусторонней преграде их счастью. Они не понимают, что корень их бедствий — собственность, которая должна принадлежать им, но находится в руках других людей. Богатый и бедный идут рядом, по бедняк и не подозревает, что именно богач обрекает его на жизнь, полную лишений и несчастий. Он не догадывается, что именно богач наполняет его чашу горечью и песет ему и его семье муку рабства. «О, рабство, горек твой папшток, и, пусть тысячам пришлось отведать тебя», не ведая, что ты являешься в обличье богача, держащего в руках собственность, принадлежащую его братьям, «все же не стал он от этого менее горек». Так сказал бы Стерн⁹⁵, так скажу и я.

Пораженные духом заблуждений и невежества, бедный и богатый, собственник и немущий, имеющий все и не имеющий ничего каждодневно вводят себя в обман. Как попала к вам эта собственность? Стоит мне спросить человека, как он тут же ответит: «Я купил ее у такого-то». Хорошо, но, падеюсь, *он имел право* продать ее вам? «Конечно», — отвечает он. А как она попала *к нему*? «Он купил ее у такого-то». У него, полагаю, тоже было право продавать ее? «Бесспорно». И так мы доходим до дней Адама. «Как она досталась ему?» — гласит мой следующий вопрос. И звучит верный, поспешный ответ: «*Бог дал ее ему!*». Вот тут-то и начинается впервые пробуждаться разум и мы открываем происхождение прав. Как, бог дал Адаму права, которыми обделил вас? Разве бог возвестил первому человеку, сотворенному им, что *тот* не только будет

невозбранно *наслаждаться* райскими кущами, но и запретит, если ему захочется, любому другому человеческому созданию входить в рай? Ведь если Адам обладал правом торговать землей, то он имел право *не продавать* ее и даже запретить всем пользоваться ею. Если такова наиболее веская основа права на собственность, то для человечества было бы лучше, намного лучше, когда бы Адама не существовало вовсе. Мы владели бы землей, не уплачивая за нее тому, *кто сам никогда не покупал* ее; тому, кому никто и никогда *не поручал* продать ее; кому она была дана на время его жизни, чтобы он мог удовлетворить свои нужды.

Нелепость этим не исчерпывается. Допустим, Адам имел право продать собственность мира еще при жизни, что он и сделал. Тут и обнаруживается явная несуразность: Адам не мог бы ничего получить в уплату за землю, а следовательно, обеспечить свою жизнь. Если же он тянул с продажей до самого смертного часа, то как он умудрился продать землю? Неужто покойник способен торговать? Я не припомню, чтобы подобное случалось в наши дни. Продавец и покупатель — живые люди. Возможно, мне скажут: незадолго до смерти человек *условился* о продаже и обещал вручить проданное имущество на следующий день, но именно он *оказался днем его смерти!* Неподходящий день для завершения сделки. Как сможет мертвый *передать* или продать собственность? Через доверенное лицо? Я слышал о доверенностях живых, но ни разу о доверенности покойника. К тому же, если доверенное лицо вправе совер-

шать *передачу* собственности от имени умершего, стало быть, оно вправе *распоряжаться* собственностью, не испрашивая мнения ее бывшего владельца! Итак, все становится на свои места.

Из сказанного явствует, что ни одно поколение не в состоянии продать, передать или подарить собственность другому поколению, даже если бы оно имело на то право. Почему? Потому, что одно поколение мертво, другое — живо; одно существует, второе — нет. Они не могут *встретиться*, чтобы заключить договор, передать собственность или получить ее. Умиравший человек еще обитает в этом мире, но через миг после кончины он так же далек от нас, как и скончавшийся тысячу столетий назад. Не хватит терпения гоняться за призраками, на которых ссылаются владельцы собственности, доказывая свои права, и вера в которых побуждает бедняков считать *подлинными* эти права. Нужно очистить умы от подобных заблуждений, дабы один не смел выдвигать необоснованные притязания, а второй — перестал уступать им, не вникая в их суть.

Если подобное приобретение собственности не даст *права на владение*, то допустимо ли ссужать ее взаймы? Почему я должен покупать у другого то, что, по правде, принадлежит мне? Может ли человек продать чужую вещь, *не поступившись честью*? Если он не имеет бесспорного права на собственность, то он не может наделить других правом на владение ею, а следовательно, не смеет требовать возмещения за уступленное право. Он может искренне

верить, будто имеет такое право, однако положение его от этого лучше не становится. Право на владение не создается силой воображения. У него иные источники. Позволив кому-либо продавать чужую собственность, мы выпудим остальных платить за имущество, и без того им принадлежащее, которым они вправе распоряжаться безвозмездно. Пусть же никто не осмеливается утверждать, что у него есть должники, обязанные расплатиться с ним. Будет лучше, если для начала он взвесит свое право на имущество и выяснит, принадлежит ли оно ему. Пусть он задумается, кто вверг должника в пужду. Не его ли собственное правительство, воспользовавшееся неосведомленностью должника в своих правах? Не оно ли, попирая справедливость, обеспечило заимодавцу процветание? Если мои рассуждения верны, долгов нет и быть не может, ибо именуемый «должником» получает лишь то, что принадлежит ему по праву, а величающий себя «кредитором» расстается с собственностью, на которую никогда не имел прав. При существующем строе общества долги и любые подобные сделки есть обязательства, не имеющие нравственной силы, особенно если речь идет об отношениях между богатыми и бедными. Пока царит нынешний строй, они не будут ее иметь!

Я мог бы без труда доказать, что при современном порядке вещей не может быть честных долгов, законных сделок и правомочного владения собственностью, находящейся в руках как богатых, так и бедных. Причина проста: принцип, именуемый юристами «принуждение», то

самое принуждение, к которому так часто прибегают. Сей принцип гласит: человек не имеет права на собственность, если она приобретена посредством обмана, насилия, заточения либо угрозы. Т. е., если бедняк считается должником богатого, его долги аннулируются, поскольку по вине социальных установлений должник был лишен равной доли собственности штата, а также возможности получить равное с его согражданами воспитание и образование, столь необходимое для удовлетворения жизненных потребностей.

Не исключено, что должник испытывает принуждение не по вине самого кредитора. Тем не менее заимодавец повинен в том, что *ради своей корысти воспользовался положением должника*. По-моему, это не подлежит сомнению. Если я овладел имуществом человека, которого довел до безысходности *кто-то другой*, мой поступок не становится ни более честным, ни более законным. Никто не смеет нарушать равенство и справедливость в отношениях между людьми, даже если по вине правительства, верховенствующего над всеми, должник попал в зависимость, лишившись собственности, на которую имеет право.

Допустим, правительство, поощряя бесчестный произвол завещаний, передало некоему гражданину собственность, намного превышающую размеры, диктуемые равными правами его сограждан. Поддавшись влечениям и правам, порожденным порядками, одарившими его несметным и незаслуженным богатством, он растрачивает его без оглядки и рано или поздно

впадает в нищету. Тем не менее, утверждаю я, притязания сего несчастного на равную долю собственности штата должны уважаться не меньше, чем требования любого другого человека. Да, в свое время он получил богатство, немалого превосходящее равную долю. Однако, будучи окружен безправственными устоями, он не смог сохранить не только громадное состояние, но даже собственность, которая, согласно подлинной справедливости, действительно принадлежала ему. Само получение неравной собственности сопровождается такими правственными последствиями, которые зачастую не позволяют человеку уберечь хотя бы то, что необходимо для счастливой жизни и по справедливости принадлежит ему.

Итак, богатство, доставшееся по наследству, нередко улетучивается, оставляя его бывшего владельца в нищете. Он попадает под воздействие «*принуждения*», точно с самого рождения был лишен равной доли собственности. Следовательно, сделки или долговые обязательства, заключенные им с богатым кредитором, нельзя считать честными (как и сделки между богачом и бедняком от рождения). Сказанное относится и к двум богачам, и к любым двум индивидам, обладающим неравным имуществом. Когда ни у единого человека нет права на собственность, считаться можно только с иском бедняка к богатому.

Напрасны уверения, будто все народы, кто бы ни были ни правил, *могли* дать каждому равную долю собственности, а также одинаковое воспитание и образование, но они этого *не сделали*,

а без возражений восприняли неравенство, а посему, дескать, нам грешно сетовать. Неверно! Даже если народы и не воспротивились неравенству, их молчаливое согласие было вырвано невежеством, незнанием прав. Политическая справедливость, как, впрочем, и принципы законов, признанные современной юриспруденцией, утверждает: во всякой системе, уважающей нравственную добродетель, ни один человек не должен нести ущерб от собственного согласия, данного им по невежеству или неосведомленности в своих правах. Договоры и соглашения, заключенные человеком хотя бы и разбирающимся в законах, но противоречащие его подлинным правам, даже при нынешней системе судопроизводства признаются недействительными и отменяются. Только невежество могло вырвать согласие на неравное владение собственностью. Следовательно, у нас есть все основания считать, что почти все люди (за исключением богатых) действовали по принуждению, а стало быть, долговых обязательств не существует вовсе.

Согласившись с моими доводами, читатель, надеюсь, признает, что отмена всех долгов (о чем говорилось в статье 1 моего плана) является мерой вполне нравственной. Предвидя возможные сомнения, я посвятил немало страниц размышлениям о моральной стороне этого шага. Полагаю, все сомнения развеялись и можно считать полностью доказанным, что с точки зрения справедливости и нравственности долги не существуют.

Придерживаться противоположного мнения — значит соглашаться с мыслью, будто нация может ограбить часть своих граждан или подданных, лишив их права на собственность, и позволить тем, кто выгадал от грабежа, заключать сделки с ограбленными! Во времена начального заселения штата некий Ван Ренселер получил в пожалование огромные земли — более 300 тыс. акров! Тем не менее любой договор между этим человеком и тысячами, десятками тысяч людей, которым было отказано в равных с ним правах, почитался законным и нравственным.

Нечто подобное произошло в 1066 г., когда Вильгельм Завоеватель⁹⁶ захватил Англию. Семьсот баронов стали владельцами почти всех земель нации, тогда как миллион человек (впрочем, точно не скажу), имевших такие же права, как бароны и их суверен, лишились собственности. Если бы мы сочли справедливым договор между обездоленными и теми, кто обрек их на лишения, нам пришлось бы признать, что правами наделены только бароны и их король, а остальная часть нации вообще бесправна. Соглашение между порабощателями и порабощенными расценивается как законное лишь потому, что несправедливость и насилие, вырвавшие согласие, выдают его за честный и нравственный договор, словно обе стороны в полной мере пользуются своими правами и нет меж ними ни грабежа, ни диктата силы, ни принуждения! Такая теория открыто разрешает грабить большинство народа, лишать его прав, а затем принуждать к соглашению,

заставляющему отдавать грабителям все плоды его труда за вычетом той малости, которая едва позволяет поддерживать свое существование.

Однако преобразуйте общество, дайте каждому индивиду возможность пользоваться своим природным правом на собственность; свое-временно дайте каждому равное и широкое образование и тогда, только тогда, у долгов появится нравственная основа. Пока же они являются не более чем вымогательством, жертвами коего становятся обездоленные, т. е. люди, никогда не имевшие того, что должно было бы им принадлежать. А вымогатели — это те, кто, помимо своего имущества, владеют собственностью обездоленных и вдобавок им же ее и продают. Я угодил бы их ворами, сбывающим краденое имущество его истинным владельцам *.

Человек, несведущий в законах, которые объясняют явления природы, происходящие как вблизи, так и вдали от нас (а потому почти незримые), — создание немоющее, не способное

* Я полагаю излишним говорить в моей работе о том, что при новой организации общества не будет законов о взимании долгов или же они все-таки будут введены. Это не столь важно. Но я смело могу заверить: долгов станет намного меньше. Каждый за редким исключением будет располагать наличными, кредит предоставляться не будет, да его и не станут испрашивать (по крайней мере в таких размерах, которые заслуживали бы название «займ»). Вообразите, сколь велика будет радость рода человеческого, когда призраки законов, судьи, шерифы, юристы, кишачные вокруг нас, выбирающие себе жертв среди тружеников, исчезнут бесследно, превратившись тоже в тружеников.

удовлетворить свои желания. На ранней стадии общественного бытия человека обстоятельства, которыми никто не мог управлять (ибо никто не был способен предвидеть будущее), позволили одним людям закабалить других и заставить их исполнять свои желания, которые они сами не в состоянии были осуществить. Следовательно, богатство есть не что иное, как сила, порабащая наших собратьев, принуждающая их возводить для ее властителей мраморные дворцы и прочее, что они не способны соорудить своим трудом.

Но времена теперь иные. Жаждающий богатства обязан добиваться своей мечты, не закабалая своих братьев. Вообще-то гораздо проще создавать богатство, не прибегая к омерзительной несправедливости. Каждое утро у меня на столе появляется вещь, недоступная даже могущественнейшему из римских императоров в дни его наивысшего величия. А ведь я не в силах принудить людей, которые равны мне во всем, исполнять мои повеления. Что же это? Газета! Она — плод возросших познаний человеческого разума. Создайте надлежащие условия, и общество превратится в сад, в котором буйно расцветет древо знаний. Именно в открытиях и изобретениях человек обязан искать источник своего богатства. Если благодаря некоему открытию человек сможет совершать работу, которую выполняли прежде пять тысяч человек, он добьется того же результата, для достижения коего ему пришлось бы раньше пленить пять тысяч человек и заставить их бесплатно трудиться на себя.

Изобретения и открытия — истинный, честный и законный источник богатства (причем позволяющий неизмеримо увеличивать его!). Читатель убедится в правоте моих слов, оценив, к примеру, те возможности создавать богатство, которыми обладает печатный станок. В 1272 г. работник получал в день ровно полпенса, а хорошо переписанная Библия стоила 30 фунтов стерлингов. Конечно, простой работник не мог купить Библию, поскольку ему пришлось бы выложить за нее все пажитое *13-летним трудом!* Сейчас прекрасно изданный экземпляр этой книги обходится в *дневной* заработной работок.

Взглянем на дело с другой стороны. Обычный писарь может снять добротную *копию* с Библии не меньше чем за *три* месяца. *Обыкновенный* печатный станок выполняет работу, равноценную переписыванию Библии за *десять* минут, а механический станок самой совершенной конструкции — всего за *три*. Т.е. на тринадцатилетний заработок рабочий теперь может купить 4800 Библий, а до изобретения печатного станка всего один экземпляр, причем плохого качества.

Стало быть, современный рабочий обладает таким богатством, какое во времена рукописных книг он смог бы добыть, поработив силой или обманом 4800 человек и присвоив их труд. Конечно, в данном примере смешаны два понятия. Печатным станком, ручным или движимым паром, может пользоваться не один человек, тогда как в рассмотренном нами случае подразумевался один переписчик. Т.е. речь

идет скорее *о времени, быстроте исполнения*, а не о сопоставлении совершенной работы. Обычный печатный станок изготавливает книгу в 13 104 раза быстрее переписчика. А станок, движимый паром, — в 43 680 раз! Точно так обстоит дело и с бесчисленным множеством *других* изобретений, коими благодетели рода человеческого одарили мир. Хотя жившие до нас сделали невероятно много, нам тоже суждено свершить немало. Грядущие открытия во всех областях знания неисчерпаемы, как неисчислимо богатство, которым они оделят поколения, на чью долю выпадет свершить их. Но, чтобы среди нас появилось множество, нет, величайшее множество открывателей новых истин, необходимо равенство *положения, условий* — одним словом, равенство *имущества* и знаний всех людей, вступающих в зрелую пору жизни.

Даже самоубийственное согласие общества не позволяет обладателям неравного богатства вести бездумный, праздный образ жизни, при котором они не желают и не будут стремиться внести *свою* долю знаний и открытий в общий фонд. Вместе с тем недопустимо ввергать других людей в бездну нищеты, отчаяния и вырождения, лишать их собственности, принадлежащей им по праву их существования, без которой они немного добавят в сокровищницу знаний, а скорее всего, не сумеют сохранить даже добытые прежде познания.

При существующем неравном распределении собственности труд — единственный источник, дающий пропитание бедным. Удивительно ли,

что, обездоленные, ввергнутые в рабство, они противятся введению усовершенствований. Их сопротивление тщетно и безнадежно, но не так безумно, как кажется на первый взгляд. Да, усовершенствования позволяют бедняку получать в 4800 раз больше, чем прежде. И все же *в конечном счете* он может пострадать от них. Разве усовершенствования не могут развиваться до такой степени, что спрос на его труд прекратится? Даже если дело до этого не дойдет, все равно они способны обречь его на невиданные лишения. Машины, сберегающие физический труд, стремительно совершенствуются, сокращая спрос на рабочие руки. Одновременно ужасающе быстро растет число бедняков, между которыми и распределяется этот спрос. Мне возразят, сказав, что снижение цен — прямое и явное следствие введения усовершенствований (иначе они и не заслуживали бы своего имени); потребление растет, а стало быть, спрос на труд тоже увеличится. Да, это верно, но лишь отчасти. Рано или поздно усовершенствования вытеснят труд бедных. Они опустошают источники существования быстрее, чем их пополняют, т. е. скорее сокращают, нежели увеличивают, спрос на труд бедных. Изобретения в отличие от революций никогда не поворачивают вспять. Единжды вкусив их благ, никто от них не откажется. А потому трудящееся население неминуемо погибнет, так сказать, самоуничтожится как некое бесполезное племя, не имеющее право обитать в этом мире, если, конечно, оно не предотвратит грядущее бедствие всеми доступными средствами.

Рабочие не в состоянии прекратить или хотя бы замедлить развитие процессов и механизмов, заменяющих физический труд. В подтверждение своей мысли напомним, что даже те люди, чьи чувства восстают против машин, сокращающих спрос на их труд, при удобном случае покупают товары, изготовленные проклинаемыми механизмами, поскольку они дешевы. Какой толк в негодовании рабочего, сетующего на пагубность этих усовершенствований, когда он сам покупает куртку, точнее, материю по низкой цене, которая стала возможной только благодаря изобретениям? Выгода — вот на чем держится жизнь усовершенствований. Поток злой брани не причинит им ни малейшего вреда. Но в таком случае могут ли бедные избежать гибели, если они сами неминуемо будут содействовать развитию машин, грозящих им уничтожением? Богатые, вне всяких сомнений, не поступятся выгодами, получаемыми от изобретений (*даже если бы так повелевал закон*). Никто из бедняков, как мы видели, тоже не в состоянии отказаться от них. Как же предотвратить надвигающееся на них страшное бедствие?

Паровой двигатель не причинит вреда бедным только в том случае, если они воспользуются его выгодами. Тогда паровой двигатель, проклинаемый ныне как зло, восславят как благо. Следовательно, поскольку паровой двигатель способен разорить, а вероятнее всего, погубить бедных, им ничего не остается КАК ОВЛАДЕТЬ МАШИНАМИ, ПРЕВРАТИВ ИХ В СВОЮ СОБСТВЕННОСТЬ. ПУСТЬ ОНИ,

ОПИРАЯСЬ НА СВОЕ ПРАВО, ОВЛАДЕЮТ ХЛОПКОПРЯДИЛЬНЫМИ И ШЕРСТОТКАЦКИМИ ФАБРИКАМИ, ЖЕЛЕЗОПЛАВИЛЬНЫМИ, МЕЛЬНИЦАМИ, ДОМАМИ, ЦЕРКВАМИ, КОРАБЛЯМИ, ТОВАРАМИ, ПАРОХОДАМИ, УГОДЬЯМИ, ПОЛЯМИ И Т.Д., как советует моя книга, и тогда они перестанут считать злом то, что не заслуживает такого прозвища, ибо в действительности является благом для человечества. При новых порядках развитие усовершенствований никогда не станет чрезмерным. Равный раздел собственности ВСЕ ПОСТАВИТ НА СВОИ МЕСТА, а равная передача ее потомкам СОХРАНИТ подлежащие устои.

Среди многочисленных попыток совершить преобразования, подобные тем, которые я осмелился предложить в своей книге, следует упомянуть человеколюбивые деяния, коими прославился г-н Роберт Оуэн⁹⁷ из Нью-Лепарка в Шотландии. Я ничуть не сомневаюсь в чистоте и искренности его побуждений. Но какой прок в системе, которую предполагается установить не во исполнение *прав* тех, чьей пользе она призвана служить, а с *соизволения* тех, к кому, согласно планам Оуэна, необходимо взывать, дабы получить от них санкцию на устройство общин? Прежде чем некое число людей несчастных, лишенных собственности, выхлопочет разрешение на «место обитания», им придется пойти на сделку с нынешними держателями собственности мира, чтобы они позволили и бедным вступить во владение ею. Чтобы добиться от владельцев согласия, они

будут вынуждены уступить им плоды будущего труда общины (как это происходит повсеместно во всем мире). Даже г-н Оуэн и его компаньоны благодаря труду рабочих, о благополучии коих они пекутся, имеют 12,5 % прибыли с вложенного капитала.

Конечно, тот, кто работал на них, несравненно улучшил свое моральное, умственное и физическое состояние. Ну и что? Их положение значительно улучшилось, но разве их права признаны полностью? Так почему бы не поискать более совершенную систему, отвергнув эту? Прочтя мою работу, вероятно, всякий убедится, насколько исчерпывающе я доказал, что, получая проценты, ренту или прибыль, превышающие честную плату за оказанные услуги, человек нарушает равенство прав. Почему же г-н Оуэн должен получать больше, нежели другие? Думаю, он первым отказался бы от подобной практики, если бы понял ее несправедливость. Как же случилось, что, отыскивая истоки человеческих несчастий, он не распознал весьма могучего источника несправедливости в самом себе, в своей собственной особе? Отнимите у владельцев мира дивиденды, ренту, прибыль — словом все, что им уплачивают за пользование собственностью, которой на самом деле вправе беспрепятственно распоряжаться каждый индивид, и бедствия человечества исчезнут навсегда! Но выплата дивидендов, прибыли, ренты за *пользование* материалами и ресурсами мира не прекратится до тех пор, пока все люди не станут его равными *совладельцами*. Только тогда исчезнут должник и займодавец,

лендлорд и арендатор, господин и слуга, богатство и нужда.

Хорошо, пусть даже система г-на Оуэна прекрасна во всех отношениях, но где мы отыщем еще людей подобных ему? Доброта, как известно, тиран похуже жестокости. Стоит ли удивляться, что он и его компаньоны, создав для рабочих, находившихся под их опекой, условия более счастливые, чем где бы то ни было, в вознаграждение за свою заботу получали немалого большую прибыль, нежели другие? Но вернемся к вопросу: где мы отыщем других Оуэнов? Если нам не докажут, что они есть, мы не сможем положиться на систему, которая полностью зависит от жизни и смерти одного человека. Кроме того, насколько противоречит лучшим чувствам души (не говоря о природном праве) сознание, что своим счастьем ты целиком обязан милости другого человека, хотя бы и благодетеля? Счастье теряет свою привлекательность, когда ощущаешь его зависимость от воли другого, а не от тебя самого. Некий потаенный голос будет твердить тебе негромко, но настойчиво: да, ты счастлив, но счастьем своим обязан хозяину.

Итак, я приближаюсь к завершению книги. Спешу препоручить ее умам и сердцам тех, во имя блага которых она была написана. В них я угадываю силу, способную дать жизнь предложенной мной системе. Если они сочтут, что я убедительно разъяснил существо дела и ясно указал путь, ведущий к торжеству их прав, интересов и счастья, то ПРОЛОЖИТЬ ЕГО ОБЯЗАНЫ ТЕ, КТО СТРАДАЕТ ОТ ЗОЛ,

причины которых я попытался раскрыть. Душа человека, присваивающего плоды чужого труда, глуха к бедствиям, порожденным современной системой. Первым тягостным чувством в их жизни будет страх, который они испытают, когда убедятся, что недолго им осталось оплачивать свои удовольствия чужим трудом. Но у людей, прошедших сквозь все муки существующего порядка вещей, нет повода для беспокорства. С удвоенной энергией они будут добиваться восстановления своих прав, ибо отныне им ведомы виновники их страданий и способ, коим можно совладать с ними. Но пусть они не забывают: немало предстоит сделать, прежде чем права **БУДУТ ВОССТАНОВЛЕНЫ СОВМЕСТНЫМИ УСИЛИЯМИ МНОЖЕСТВА ЛЮДЕЙ.**

Пока еще народ не понимает своего истинного положения, но, как только осознает, он свершит все, что потребует для достижения счастья. Если моя книга поведала правду, если мои доводы убедительны, то пусть те, в чьи руки я ее передаю, *как можно чаще* обсуждают ее в присутствии людей, *интересам* и благу которых она посвящена, чтобы и до них дошла истина, запечатленная в ней. Они поймут свои права, *узнают*, как овладеть ими, и тотчас же добьются их (ибо тогда это будет весьма несложно).

Пусть бедные и средние классы поймут, что источниками их угнетения являются непомерное богатство, с одной стороны, и крайняя обездоленность — с другой. Пока чрезмерное богатство продолжает стремительно увеличи-

вать свою мощь, страдания общества неминуемо будут усугубляться до того часа, когда торжество равных и неотъемлемых прав народа не положит начало новому порядку вещей. Не стоит тешить себя вздорными иллюзиями. Тот, кто повелевает собственностью штата, хотя бы значительной ее частью, **ПОВЕЛЕВАЕТ СВОБОДОЙ И БЛАГОПОЛУЧИЕМ СВОИХ СОГРАЖДАН.** Если в штате насчитывается двенадцать, пятьдесят или пятьсот крупных собственников, значит, ровно столько насчитывается и повелителей. Человек, который может накормить меня или при желании уморить голодом, дать мне работу или обречь на праздное прозябание, и есть мой господин. Было бы глупо клясться и уверять, будто я не его раб. Короче говоря, пусть в народе пробудится понимание своих прав; пусть он вступит на путь, ведущий к овладению ими; пусть каждый посвящает своих братьев в истины, поведенные в моей работе; пусть все сплотятся ради скорейшего и действенного осуществления предложенных перемен, и тогда мы достигнем цели быстро и легко, а усилия наши не пропадут даром.

Прежде чем попрощаться с читателем, стоит, подумалось мне, сказать еще несколько слов. Принципы, изложенные в моей книге, восторжествуют только тогда, когда они проникнут в сердца людей. Поэтому каждый должен сделать все от него зависящее, чтобы раскрыть своим товарищам глаза на причины гнетущего их зла и способы его исцеления. Книгу будут читать одновременно во многих уголках наше-

го штата, страны и мира, ибо таково могущество и стремительность натиска современного печатного станка. Мое сочинение попадетя и на глаза богатым. Они тоже поймут, что предлагаемая система рано или поздно воцарится. В конце концов все богатые придут к такому выводу. Многие из них убоятся надвигающихся перемен. Чуждые морали и чести, они не пожелают добровольно передать согражданам свою собственность, а попытаются утаить ее. Проще всего спрятать деньги. Как только богатым покажется (верно или нет — вопрос иной), что большинство народа преисполнено решимости востребовать свои права и соответственно прибегнуть к всеобщему разделу собственности, деньги будут немедленно припрятаны, причем благородные металлы, вероятно, полностью исчезнут из обращения, из банков, отовсюду. Банки лопнут, а, так как средств обращения не останется, все коммерческие и прочие дела прекратятся. Солидному предпринимателю будет нечем расплатиться с работниками. Но, даже если у него найдутся деньги, он, подобно другим собственникам, предпочтет зарыть их в землю, лишь бы они не достались обществу.

При таком повороте событий (вполне вероятно) ожидаемые перемены произойдут раньше и несколько иначе, чем я изобразил в своей книге. Как помнит читатель, по моему мнению, новый конвент штата, избранный народом, должен отдать распоряжение прекратить все дела. Изъяв золото и серебро из обращения, утаив деньги, богатые тем самым предвосхитят подоб-

ный указ. Если это случится, то не по вине моей книги, народа и, быть может, даже не по вине большинства зажиточных граждан. Ведь и несколько богатых людей в состоянии лишить штат всех благородных металлов, имевшихся в нем. Другие штаты тоже едва ли сумеют сохранить свои благородные металлы. Угроза катастрофы нависнет и над ними. Кроме того, стоимость движимой собственности в одном лишь Нью-Йорке, вероятно, в два или три раза превышает все запасы денег Соединенных Штатов. Так что даже небольшому числу бесчестных богачей будет нетрудно утаить собственность.

Если сложится подобная ситуация, мы вправе будем считать, что правительство перестало существовать, что оно, так сказать, в одночасье скончалось от апоплексического удара. Тогда народ будет обязан создать временные комитеты безопасности⁹⁸ и незамедлительно принять меры к тому, чтобы собственность не была вывезена из штата, сокрыта или уничтожена. Комитеты будут действовать до созыва конвента штата, который создаст новое правительство на принципах, отвечающих *всем* правам человека. Это правительство обеспечит счастье людей, сохранит равноправие для грядущих поколений, а потому можно уверенно сказать — оно утвердится на века.

КОММЕНТАРИИ

¹ *Джефферсон Томас* (Jefferson) (1743—1826) — американский философ-просветитель, политический деятель. В 1790—1793 гг. занимал пост государственного секретаря США; в 1797—1801 гг. — вице-президент, а с 1801 по 1809 г. президент США. Джефферсон был, по существу, основным автором принятой 4 июля 1776 г. «Декларации представителей Соединенных Штатов Америки, собравшихся на генеральный конгресс», впоследствии ставшей известной как Декларация независимости. Она носила характер программного документа, постулировавшего общие принципы американской революции, выведенные из естественноправовой теории. Скидмор придает Декларации гораздо большее значение, нежели «Статьям конфедерации» или Конституции США, так как видит в ней своего рода изложение доктрины, ставшей основой воцарившихся в стране порядков. В цитате, которую он использует в качестве эпиграфа, слова оригинала «стремление к счастью» заменены Скидмором на «собственность».

² *Руссо Жан-Жак* (Rousseau) (1712—1778) — французский писатель и философ, оказавший огромное влияние как на культуру Просвещения в целом, так и на коммунистические и эгалитарные утопии конца XVIII — начала XIX в. Упомянутая Скидмором «Исповедь» была написана в 1782—1789 гг.

³ ...своими суждениями... — имеется в виду трактат Ж.-Ж. Руссо «Об общественном договоре, или Принципы политического права» (1762).

⁴ ...каждый гражданин... законодатель... — речь идет об избирательном праве, которое, по мнению Скид-

мора, давало человеку возможность влиять на выработку и принятие законов. Следует заметить, что правом голоса пользовалось в основном мужское белое население северных штатов, хотя и здесь существовали некоторые ограничения. На Юге США положение было иным. В пылу полемики Скидмор допускает некоторые преувеличения, в частности об участии всех граждан Штатов в решении законодательных вопросов.

⁵ *Ассамблея штата, или легислатура* — представительные органы, обладающие, согласно Конституции США, верховной законодательной властью на территории данного штата.

⁶ *...гражданские законы...* — согласно представлениям эпохи Просвещения, существуют права «естественные», установленные самой природой, а потому справедливые, разумные и непререкаемые, и права «общественные», иначе — «гражданские», сотворенные людьми, а потому несовершенные, несущие отпечаток господствующих заблуждений. Если «природное» право незыблемо и вечно, то «общественное» (нередко именуемое «искусственным», т. е. вымышленным, рукотворным) можно при необходимости изменять в соответствии с потребностями или просвещенностью человечества. Деление прав на «естественные» и «общественные» отвечало просветительной концепции истории, признававшей две основные стадии развития человечества: «естественное состояние» и «общественное», или «гражданское». Эталом разумных, почти идеальных порядков считалось «природное состояние», не ведавшее частной собственности, правительств, законов и пороков.

⁷ *...Американской конфедерации...* — распространенное в начале XIX в. наименование Соединенных Штатов Америки. В качестве синонима Скидмор употребляет также слово «Союз».

⁸ *«Мы считаем... стремление к счастью».* — В данном случае Скидмор дословно цитирует отрывок из Декларации независимости. См. примеч. 1.

⁹ *...Пейн... предсказывал...* — Пейн Томас (Paine) (1737—1809) — философ и публицист, один из нап-

более радикальных и влиятельных идеологов Просвещения. Англичанин по рождению, принимал деятельное участие в событиях войны за независимость США и Великой французской революции. Сочинения Пейна оказали большое воздействие на развитие демократической и утопическо-социалистической мысли в США и Британии. Книга Т. Скидмора является, по сути, своеобразным откликом на произведение Пейна «Права человека» (1791). В своей работе Скидмор использует также сочинения Пейна «Здравый смысл» (1776) и «Диссертация о принципах правления» (1795).

- 10 *...предсказание далеко от истины.*— Установление империи Наполеона, последующая реставрация Бурбонов воспринимались многими утопистами радикального толка, в том числе Скидмором, как свидетельство неудачи французской революции и крушения тех надежд, которые связывались с ней.
- 11 *...принципы, которые... близки природе человека...*— просветительскому мировоззрению было свойственно представление о некой врожденной и неизменной «природе» человека. Наиболее совершенными считались те политические и социальные системы, которые больше всего отвечали ей. С точки зрения Скидмора (как и других создателей эгалитарных и коммунистических утопий), наиболее пагубно влияет на природу человека имущественное неравенство.
- 12 *Георг III (1738—1820)* — король Британии (1760—1820), в годы его царствования началась война североамериканских колоний против метрополии, приведшая к образованию США.
- 13 *...республиканское правление...*— имеется в виду Франция, где в 1792 г. была провозглашена 1-я республика. См. также примеч. 10.
- 14 *Человек — порождение привычки.*— Подобные высказывания нередко встречаются в произведениях просветителей XVIII в.
- 15 *...бедных и средних классов...*— в начале XIX в. понятие «класс» не всегда означало «социальный слой». Этим словом нередко обозначали некую общность лиц, связанных профессией, сходным

имущественным положением, и даже группы сдипомышленников. По мере развития промышленного капитализма понятие «класс» все больше отождествлялось с местом той или иной категории людей в системе общественного производства. Помимо указанного толкования слова «класс», у Скидмора встречается более традиционное для XVIII в. деление общества на богатых и бедных.

- ¹⁶ ...в основу общественного договора...— идея «социального контракта», или «общественного договора», относится к числу самых фундаментальных положений просветительской философии. Согласно концепции «общественного договора», переходя от «состояния естественного» к «состоянию гражданского», люди условились об установлении той или иной формы правления. Таким образом, в основе любой власти лежит соглашение между правителями и народом и в случае его нарушения подданные вправе расторгнуть договор мирно или силой и учредить правление согласно иным принципам. В своей работе Скидмор опирался преимущественно на учение Ж.-Ж. Руссо о «социальном соглашении». См. примеч. 2, 3.

- ¹⁷ Так обстояло дело с аграрным законом.— Понятие «аграрный закон» заимствовано из римской истории. В разные годы в Риме было принято в общей сложности 7 «аграрных законов» (1-й — в 485 г. до н. э., 7-й — в 59 г. до н. э.), которые ограничивали размеры землевладения. В конце XVIII—начале XIX в. термин «аграрный закон» отождествлялся с идеей равного перераспределения земельной собственности, которую отстаивали эгалитаристы и до некоторой степени коммунисты-утописты.
- ¹⁸ Как свидетельствует история...— обращение к истории Древнего Рима, особенно к периоду республики, было почти общепринятым в философской и политической литературе эпохи Просвещения, поскольку давало примеры «республиканской добродетели», свидетельства достоинств «республиканского правления». Однако реальные события порой истолковывались весьма произвольно. Не менее

вольными были и описания первобытного общества, нередко отождествлявшегося с «естественным состоянием». Ссылки на историю (отчасти вымышленную) служили не более чем иллюстрацией к умозрительным рассуждениям самих авторов. В этом отношении Скидмор следует традициям века Просвещения.

- 19 *...без печатного станка...* — с развитием книгопечатания и свободы прессы Скидмор связывает надежду не только на просвещение общества (как полагали его предшественники, мыслители XVIII в.), но и на сплочение трудящихся, образование действенного союза единомышленников. Здесь сказывается опыт раннего рабочего движения в США, лидеры которого, в том числе и Скидмор, осознали необходимость создания самостоятельных организаций трудящихся.
- 20 *...абсолютные и безусловные властители.* — Следуя юридическим нормам, принятым в США, Скидмор различает «право на держание собственности», имевшее некоторые ограничения, и «безусловное право на владение».
- 21 *Раймонд Генри (Raymond)* — американский политэконом.
- 22 *Вольтер Франсуа Мари Аруэ (Voltaire) (1694—1778)* — французский писатель и философ, один из крупнейших идеологов Просвещения. Придерживался более умеренных взглядов, нежели Руссо или Пейн. Видимо, поэтому его творчество интересовало Скидмора в меньшей степени.
- 23 *Евклид* — древнегреческий математик, работал в Александрии в III в. до н. э.
- 24 *...все правления мира...* — говоря о политической и социальной организации общества, Скидмор, придерживаясь лексики просветителей, обозначает ее термином «правление» или «правительство».
- 25 *...право на владение...* — в оригинале «*usufructus*», т. е. право на временное держание собственности.
- 26 *...ни одна нация...* — Скидмор употребляет понятия «нация» и «народ» в традиционном для Просвещения смысле. Термин «нация» подразумевает государственность, определенную политическую систе-

му; «народ» во многих случаях означает «население».

²⁷ ...политической организации...— в данном случае тождественно понятию «государство».

²⁸ ...общественных прав человека.— См. примеч. 6.

²⁹ ...своей равной доли...— в оригинале «patrimony», что можно перевести как «вотчина». Поскольку в русском языке это слово связывается с конкретной исторической формой собственности, к тому же наследственной, мы предпочли ему понятия «надел», «доля», которые в целом отвечают смыслу оригинала.

³⁰ ...нашими губернаторами-собственниками (governors-proprietors).— В эпоху колонизации Северной Америки губернаторы колоний нередко являлись фактическими владельцами их земель.

³¹ ...эта перемена лишила... собственности.— В начале 1820-х годов в штате Нью-Йорк был отменен имущественный ценз для избирателей, после чего палоговая политика (по крайней мере в теории) стала зависеть не только от имущих классов, но и от воли низов. В целом Скидмор несколько преувеличивает степень влияния народа на законодательство штата.

³² ...Революции, отделившей нас от Англии.— Речь идет о войне за независимость США.

³³ «Мы считаем... стремление к счастью».— См. примеч. 1, 8.

³⁴ ...«время всякой вещи».— Эккл., 3 (1).

³⁵ Локк Джон (Locke) (1632—1704) — английский философ, предтеча Просвещения. Упомянутый Скидмором проект был написан в 1669 г. по просьбе лорда Эшли, одного из совладельцев колонии Каролина, секретарем которых в те годы состоял Локк.

³⁶ Бёрк Эдмунд (Burke) (1729—1797) — английский философ и публицист. В начале своего творчества сторонник радикальных идей, впоследствии один из наиболее серьезных противников французской революции конца XVIII в.

³⁷ Прославленные писатели...— имеются в виду Т. Джефферсон и Т. Пейн. См. примеч. 1, 9.

- ³⁸ *Барлоу Джоэль* (Barlow) (1755—1812) — американский юрист и дипломат, поэт.
- ³⁹ *Великий канал*, или канал Эри.— Построен в штате Нью-Йорк в начале XIX в.
- ⁴⁰ *Пау Корнель де* (Pauw) (1739—1799) — уроженец Амстердама, священник, автор серии трактатов «Философские рассуждения о греках, американцах, египтянах, китайцах». Семитомное издание «Рассуждений» вышло в Париже в 1796 г.
- ⁴¹ *Эррера Антонио де Тордесильяс* (Herrera) (1559—1625) — испанский историк, в правление Филиппа II назначен первым историографом Индии и Кастилии. Автор ряда хроник, в том числе «Описания западных Индии». Эту работу использовал *Уильям Робертсон* (Robertson) (1721—1793) — шотландский священник, написавший несколько исследований по истории Испании и Нового Света, в частности цитируемую Скидмором «Историю Америки» (1777).
- ⁴² ...*in toto*... — в целом, полностью (лат.).
- ⁴³ *Пенн Уильям* (Penn) (1644—1718) — англичанин, выходец из знатной семьи, присоединился к секте квакеров, вскоре стал одним из ее руководителей. В 1681 г. на купленных у короля Англии землях основал в Америке колонию Пенсильвания. Конституция колонии, созданная Пенном, явилась прообразом Конституции США, принятой в годы войны за независимость.
- ⁴⁴ *Ван Ренселер* (Van Rensselaer) — династия крупных предпринимателей, родоначальником которой был торговец бриллиантами из Амстердама Килизп Ван Ренселер, ставший в начале XVII в. одним из основателей голландской колонии Новый Амстердам (впоследствии — Нью-Йорк).
- ⁴⁵ *Гудзон Генри* (Hudson) (ок. 1550—1611) — английский мореплаватель, именем которого названы открытые им река, залив и пролив в Северной Америке.
- ⁴⁶ ...*дивиденд*... — слово, заимствованное Скидмором из коммерческого лексикона. Употреблялось им в значении, близком к изначальному смыслу термина, — «разделять», «делить».

- ⁴⁷ ...назвать *наделом*... (patrimony).— См. примеч. 29.
- ⁴⁸ ...боролся с привилегиями...— имеются в виду коммерческие и банковские привилегии (хартии), дававшие компаниям и частным лицам преимущественное право на те или иные торговые и другие операции. В начале XIX в. запрет всех привилегированных компаний был одним из важнейших требований рабочего движения США, в том числе и Партии трудящихся Нью-Йорка.
- ⁴⁹ ...графств.— Название территориально-административных округов в США.
- ⁵⁰ *Астор Джон Джэкоб* (Astor) (1763—1848) — американский коммерсант немецкого происхождения, разбогатевший на торговле пушниной. В 1810-е годы основал сеть гостиниц, название первой из которых — «Астория» вызвало впоследствии много подражаний. Меценат, основатель публичной библиотеки в Нью-Йорке.
- ⁵¹ ...«школьного фонда».— Общественные земли, находившиеся в распоряжении образовательных учреждений.
- ⁵² ...эти земли следует изъять.— На первый взгляд идея Скидмора представляется сомнительной. Тем не менее речь идет, по существу, об установлении равноправия индейцев и белых во всех сферах, включая имущественное положение. Замысел по тем временам весьма радикальный. Для Скидмора индейский вопрос представляется второстепенным, поскольку выселение индейцев в резервации еще не приняло таких размеров, как в последующие десятилетия.
- ⁵³ ...«люди сотворены равными».— Фраза из Декларации независимости. См. примеч. 1, 8.
- ⁵⁴ *Чтобы вернуть избирательное право тем, кому... в нем отказывали*...— лишь немногие рабочие организации США выступали с подобными требованиями в начале XIX в. В данном вопросе Скидмор был радикальнее своих товарищей по Партии трудящихся Нью-Йорка.
- ⁵⁵ «*Бруклин ферри боатс*» — нью-йоркская компания, имевшая хартию на паромные переправы.

- ⁵⁶ «*Нью-Йорк газ лайт компани*» — компания, получившая привилегию на газовое освещение домов и улиц Нью-Йорка.
- ⁵⁷ ...*превращают банки в политические машины*... — ограничение деятельности банков, прекращение выпуска банковских обязательств (банкнот) являлись одним из наиболее распространенных требований «рабочих партий» США в начале XIX в.
- ⁵⁸ ...*particeps criminis*... — соучастники преступления (лат.).
- ⁵⁹ *Гамильтон Александер* (Hamilton) (1757—1804) — американский политик, лидер федералистов, министр финансов в правительстве Дж. Вашингтона (1789—1795).
- ⁶⁰ *Свифт Джонатан* (Swift) (1667—1745) — английский писатель и политик, священник.
- ⁶¹ *Питт Уильям* (старший) граф Чатам (Pitt) (1708—1778) — английский государственный деятель, лидер вигов, в 1766—1768 гг. — премьер-министр Британии, противник предоставления независимости американским колониям.
- ⁶² *Дандэс Генри*, виконт де Мелвилль (Dundas) (1741—1811) — английский государственный деятель, секретарь по иностранным делам (1791 г.), автор политических памфлетов.
- ⁶³ *Они приобрели бы... более чистые наклонности*. — Согласно философской концепции Просвещения, человек является продуктом внешней среды. Его характер формируется под воздействием политических и социальных порядков. Следуя этим представлениям, Скидмор связывает надежду на духовное совершенствование человека с установлением естественного равенства.
- ⁶⁴ *Лориллард* (Lorillard) — крупный нью-йоркский домовладелец и торговец табаком.
- ⁶⁵ ...*машинами, заменяющими человеческий труд*. — Так нередко именовали различные механизмы в эпоху промышленного переворота. Название отражало важнейшее, с точки зрения современников, свойство этих технических новшеств — способность резко сокращать потребность в физическом труде.

- ⁶⁶ *«Илиада»* — древнегреческая эпическая поэма, автором которой считается Гомер.
- ⁶⁷ ...а потому пусть ест сено.— Событие, несколько вольно описанное Скидмором, произошло в Париже 22 июня 1789 г., спустя несколько дней после падения Бастилии. Жертвой самосуда, учиненного парижанами, стал Фулон де Дуз, приближенный маркиза де Бретейля, министра Людовика XVI.
- ⁶⁸ ...лилипутов... бробдингнегов.— Персонажи произведения Д. Свифта *«Путешествие Гулливера»* (1726). См. примеч. 60.
- ⁶⁹ ...«Все люди сотворены равными».— См. примеч. 1, 8.
- ⁷⁰ ...временам возникновения первых правлений.— См. примеч. 16, 24.
- ⁷¹ *Раймонд* — см. примеч. 21.
- ⁷² *Ньютон Исаак* (Newton) (1643—1727) — английский математик, астроном, механик, основатель классической физики.
- ⁷³ *Мальт-Брюн Конрад* (Malte-Brun) — датский ученый, публицист, сторонник свободы печати и наделения крестьян избирательными правами. Автор шестнадцатитомной *«Математической, физической и политической географии»*, изданной в Париже в 1803—1807 гг. Главный труд Мальт-Брюна назывался *«Сведения о географии»*.
- ⁷⁴ ...рабы могли бы быть... допущены к... участию в разделе.— Идея освобождения рабов и наделения их равными правами и собственностью, по своей радикальности превосходила требования современных Скидмору планов ликвидации рабства.
- ⁷⁵ ...расторгают гражданский договор...— см. примеч. 16.
- ⁷⁶ ...покупает... предметы... сделанные его соотечественниками.— В данном примере (столь же умозрительном, как и большинство придуманных и анализируемых Скидмором гипотетических ситуаций) действующее лицо выбрано не случайно. Плантаторы Юга, продававшие хлопок в европейские страны, прежде всего в Англию, были заинтересованы в возможно более широком ввозе добротных и дешевых британских товаров, в то время как импорт зарубежной продукции сдержи-

вал развитие отечественной промышленности, сосредоточенной в основном на Севере США.

⁷⁷ *Всеобщая свобода торговли...* — большинство рабочих организаций, в том числе Партия трудящихся Нью-Йорка, осуждали доктрину «свободной торговли», поскольку опасались, что ввоз дешевой иностранной продукции нанесет урон местным предприятиям и сократит спрос на труд.

⁷⁸ *...равными искусственными возможностями...* — т. е. теми условиями, которые создаются не природой, а самими людьми. См. примеч. 6.

⁷⁹ *...[Наполеон]... мог бы покорить пустыни Аравии...* — Наполеон I (Наполеон Бонапарт, 1769—1821) — французский император (1804—1814, март — июнь 1815 г.). Скидмор имеет в виду «египетский поход» Бонапарта, на исход которого повлияло превосходство британского флота над французским.

⁸⁰ *...в своей главной и естественной ипостаси...* — согласно теории «верховного суверенитета народа», признававшейся многими просветителями, именно народу, обществу в целом принадлежит право устанавливать юридические нормы и принципы правления, т. е. народ наделен полномочиями высшего законодателя.

⁸¹ *Рутгерс Генри (Rutgers)* — один из членов семейства Рутгерсов, состоятельной и влиятельной династии нью-йоркских предпринимателей.

⁸² *...нашей легислатурой...* — см. примеч. 5.

⁸³ *...право полной юрисдикции в своих делах...* — теоретически каждый штат конфедерации был полностью независим в своих внутренних вопросах и даже во внешнеторговых отношениях. Но на практике доктрина «суверенитета штатов» почти не употреблялась и не пользовалась поддержкой рабочих обществ начала XIX в.

⁸⁴ *Протей* — мифологический персонаж, сын Нептуна, морской бог, мог предсказывать будущее, но менял обличье, чтобы не быть узнанным и не оказаться вынужденным отвечать на вопросы.

⁸⁵ *...ключок пергамента придает земельной собствен-*

ности способность перемещаться...— речь идет о документах на владение землей.

- ⁸⁶ *Клинтон Джордж* (Clinton) (1739—1812) — в 1777—1803 гг. губернатор штата Нью-Йорк, вице-президент США (1804).

⁸⁷ ...аграрный закон Рима...— см. примеч. 17.

- ⁸⁸ ...Верховный суд Соединенных Штатов.— Судебная инстанция, призванная следить за соответствием законодательных актов Конституции США.

⁸⁹ ...штат являлся одним из участников Великого соглашения о Союзе...— имеется в виду образование США.

- ⁹⁰ *Грант Анна МакВикар* (Grant) — шотландка, дочь сержанта британской армии, служившего в Америке в период войны за независимость. Ее книга вышла в Нью-Йорке в 1801 г.

⁹¹ Пусть же серп равенства пройдет по республике... — аналогичное выражение встречается в статьях Жака Ру, деятеля французской революции конца XVIII в., одного из вождей движения «бешеных», выдвигавшего уравнилельные идеи.

- ⁹² *Неккер Жак* (Necker) (1732—1804) — французский министр финансов (1771—1781, 1788—1790).

⁹³ *pro rata* — соразмерно, соответственно (лат.).

⁹⁴ *Гудзон Генри* — см. примеч. 45.

- ⁹⁵ *Стерн Лоренс* (Sterne) (1713—1768) — английский писатель, один из родоначальников сентиментализма.

⁹⁶ *Вильгельм Завоеватель* (William the Conquedor) (ок. 1027—1087) — нормандский герцог, в 1066 г. высадился в Англии и, разбив при Гастингсе англосаксонского короля Гарольда II, стал королем страны. Обстановка в Англии, сложившаяся после нормандского завоевания, в самых общих чертах соответствует версии Скидмора.

- ⁹⁷ *Оуэн Роберт* (Owen) (1771—1858) — английский коммунист-утопист. Будучи зажиточным предпринимателем, провел реформы в интересах рабочих на своей фабрике в Нью-Ленарке. В 1817 г. выступил с проектом преобразования общества на коммунистических началах. Оуэн и его последователи основали несколько общин в Англии и США

(«Новая Гармония» в штате Индиана, 1824—1829). Скидмор, как и многие его современники, не проводил различий между филантропическими преобразованиями на фабрике в Нью-Ленарке и замыслом коммунистического переустройства общества. Вероятно, сказывались несовместимость взглядов Оуэна, проповедовавшего отмену частной собственности, со взглядами Скидмора, ратовавшего за ее уравнивание. Учение Оуэна в целом оказало большое влияние на развитие американской социалистической мысли.

⁹⁸ ...комитеты безопасности... — так назывались общества, возникшие в годы войны за независимость и ставившие своей целью пресечение прощук лоялистов, т. е. сторонников английского господства.

ЛИТЕРАТУРА

Skidmore Th. The Rights of Man to Property. Being a Proposition to make it equal among the Adults of the present Generation: and to provide for its equal Transmission to every individual of each succeeding Generation, on arriving of the age of Maturity. Addressed to the Citizens of the State of New York, particularly, and to the people of other States and Nations, generally. N. Y., 1829; 2 ed. N. Y.: Burt Franklin, 1969.

Андерсон К. М. Томас Скидмор: отголоски Просвещения или ростки американской утопии? // История социалистических учений. М., 1985. С. 107—138.

Баталов Э. Ф. Социальная утопия и утопическое сознание в США. М., 1982.

Захарова М. Н. Оуэн и оуэнисты в США // История социалистических учений. М., 1976. С. 184—213.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Адам — 411, 412
 Андерсон К. М. — 9, 46
 Астор Джон Джекоб — 191, 192, 219, 220
 Барлоу Джоэль — 132
 Берк Эдмунд — 115
 Вильгельм Завоеватель — 418
 Виппер Ю. Б. — 26
 Волгги В. П. — 33
 Вольтер Франсуа Мари Аруэ — 80
 Гамильтон Александр — 212
 Георг III — 67
 Годвин Уильям — 34, 35
 Грант Анна — 375
 Гудзон Генри — 168, 395
 Дандэс Гени — 238
 Дешан — 34
 Джефферсон Томас — 5, 15, 16, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 27, 28, 31, 32, 34, 59, 103, 104, 107, 115, 116, 117, 118, 119
 Евклид — 24, 81
 Ефимов А. В. — 56
 Захарова М. Н. — 5, 32
 Иоаннисян А. Р. — 33
 Каримский А. М. — 21, 22, 33
 Клинтон Джордж — 361, 362
 Коукс Тенч — 6
 Ливингстон Эдуард — 116
 Локк Джон — 110, 111
 Лориллард — 253, 256, 266, 356, 359, 370
 Мальт — Брюн Конрад — 289
 Наполеон Бонапарт — 315
 Неккер Жак — 388
 Ньютон Исаак — 281, 282
 Оуэн Роберт — 15, 17, 34, 43, 50, 52, 425, 426, 427
 Оуэн Роберт Дэль — 10, 56
 Пау Корнелий — 148
 Пейн Томас — 15, 16, 18, 20, 21, 22, 23, 25, 26, 27, 28, 30, 31, 32, 34, 67, 68, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 117, 201, 222, 238, 369
 Пенн Уильям — 165
 Питт Уильям — 237, 238
 Протей — 358
 Раймонд — 77, 79, 279, 281
 Райт Френсис — 5, 6, 7, 8, 10, 12, 42, 56
 Ренселер — 356, 418
 Рикардо Давид — 15, 16
 Робертсон Уильям — 149
 Руссо Жан-Жак — 25, 63
 Рутгерс Генри — 347, 359
 Свифт Джонатан — 225
 Сен-Симон Анри де — 34
 Серджант Эзра — 116
 Скидмор Томас — 5, 11—57, 59
 Согрин В. В. — 33, 35, 44
 Стерн Лоренс — 411
 Токвиль Алексис — 44
 Уоллес Роберт — 34
 Фонер Ф. — 8, 11, 12, 45, 46, 57
 Франклин Бенджамин — 21
 Фурье Шарль — 34, 43
 Эррера Антонио — 149
 Chevalier M. — 6, 11
 Coman K. — 53
 McMaster J. B. — 8, 12
 Meyers G. — 10, 12
 Perkins A. J. — 7, 12
 La Sagre R. — 11
 Simons A. M. — 6, 11
 Tocqueville A. — 8, 11
 Wolfson T. — 7, 12

СОДЕРЖАНИЕ

Андерсон К. М. Томас Скидмор и его утопия 5

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА СОБСТВЕННОСТЬ

Сочинение Томаса Скидмора

Предисловие	60
<i>Глава 1.</i> Права человека на собственность и т. д.	63
<i>Глава 2.</i> О правах собственности	80
<i>Глава 3.</i> О длительности прав на собственность	121
<i>Глава 4.</i> Предложение	164
<i>Глава 5.</i> Доводы в поддержку всеобщего раздела собственности и способа его осуществления	183
<i>Глава 6.</i> Доводы в поддержку всеобщего раздела собственности и способа его осуществления. Продолжение	248
<i>Глава 7.</i> Доводы в поддержку всеобщего раздела собственности и способа его осуществления. Продолжение	333
Заключение	394
Комментарии	432
Литература	444
Указатель имен	445

Скидмор Т.

- С42** Права человека на собственность / Пер., коммент., вступ. ст. К. М. Андерсона. Отв. ред. И. Н. Осинковский.— М.: Наука, 1988.—448 с. (Предшественники научного социализма).
ISBN 5—02—008994—X

Книга одного из деятелей рабочего движения США Т. Скидмора отражает особенности становления радикальной американской утопии. Черты уравнилельных теорий сочетаются в книге с элементами социалистических воззрений. На русском языке публикуется впервые. Для широкого круга читателей.

Научное издание

Скидмор Томас
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
НА СОБСТВЕННОСТЬ

Утверждено к печати
Отделением истории Академии наук СССР

Редактор издательства И. Н. Кузнецов
Художник А. Г. Кобрин
Художественный редактор И. Н. Власик
Технический редактор Н. И. Плохова
Корректоры Е. Л. Сысоева, В. Л. Щеголев

ИБ № 37969

Сдано в набор 17.03.88. Подписано к печати 4.07.88.

Формат 70×90^{1/32}

Бумага типографская № 2

Гарнитура обыкновенная

Печать высокая

Усл. печ. л. 16,38. Усл. кр. отт. 17,55. Уч.-изд. л. 16,4.

Тираж 3150 экз. Тип. зак. 97

Цена 1 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»

117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

4-я типография издательства «Наука»

630077, Новосибирск, 77, Станиславского, 25

